

Крис Пристли

СТРАШНЫЕ
СКАЗКИ

ЖЕНЩИНЫ
В БЕЛОМ

перевела
Наталья
Александрова

Страшные сказки

Крис Пристли

**Страшные сказки
Женщины в белом**

«Самокат»

2009

Пристли К.

Страшные сказки Женщины в белом / К. Пристли — «Самокат», 2009 — (Страшные сказки)

ISBN 978-5-00167-506-8

Роберту Харперу впервые предстоит совершить самостоятельное путешествие на поезде. Раньше его всегда кто-то сопровождал, а теперь он один, как взрослый, возвращается в школу после каникул. Но вскоре стук колес замолкает: поезд останавливается перед тоннелем. Чтобы скоротать время, загадочная попутчица Роберта — женщина, с головы до ног одетая во всё белое, — рассказывает истории, одна другой мрачнее. Таинственная незнакомка и её жуткие рассказы завораживают Роберта и наводят на него ужас, а поезд всё не отправляется... 5 причин купить книгу «Страшные сказки Женщины в белом»: • Действительно жуткие страшилки для любителей жанра ужасов; • Отличная стилизация под мрачные мистические рассказы для всех, кто любит Эдгара Алана По; • Красиво построенная композиция сборника для тех, кто ценит продуманно построенные сюжеты; • «Сказки...» подходят и детям, которые просто любят страшилки, и взрослым, которые хотят отвлечься от реальных страхов; • Это третья книга серии. Ранее в 2021 году вышла первая книга «Страшные сказки дядюшки Монтегю».

ISBN 978-5-00167-506-8

© Пристли К., 2009

© Самокат, 2009

Содержание

Поезд	6
Оранжевая	13
Островок	21
Гувернантка	32
Маленький народец	43
Горбатый камень	53
Джеральд	65
Сестра Вероника	75
Мальчик-шептун	83
Трещина	93
Женщина в белом	101
Лекарство для отдыха	106
Голос	108

Крис Пристли

Страшные сказки Женщины в белом

Иллюстрации Дэвида Робертса

Text copyright © Chris Priestley, 2009

Illustrations copyright © David Roberts 2009

This translation of Tales of Terror from the Tunnel's Mouth is published by Samokat Publishing House by arrangement with Bloomsbury Publishing Plc

© Александрова Н., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом „Самокат“», 2023

Любое использование текста и иллюстраций допускается только с письменного согласия Издательского дома «Самокат».

* * *

Крис Пристли – английский писатель, мастер «страшилок», от которых кровь стынет в жилах, по спине бегут мурашки, а душа уходит в пятки.

* * *

Х. С. с благодарностью

Поезд

Это было мое первое самостоятельное путешествие по железной дороге. Мачеха поехала провожать меня на вокзал и принялась донимать непрошеными объятиями, поцелуями и сюсюканьем, которые служили у нее проявлениями нежности.

Мой отец был на войне, сражался с бурами под палящим солнцем Южной Африки, и я бы с радостью присоединился к нему, лишь бы ни на секунду не оставаться с его надоедливой нудной женой. Хотя наши с отцом отношения тоже едва ли можно назвать близкими.

Однако, к моему счастью, каникулы все же подошли к концу, и теперь я отправлялся в новую школу. В обычных обстоятельствах я, без сомнения, волновался бы из-за этой перемены, однако недели с мачехой оказались тяжким испытанием и закалили и укрепили мой характер настолько, что я был готов к встрече с любыми возможными трудностями. Я не боялся ничего.

По крайней мере, так мне казалось.

Мы ждали на платформе почти полчаса: мачеха настояла, чтобы мы приехали до абсурдного рано, – так сильно она беспокоилась, что я опоздаю на поезд.

Мы сидели на платформе на деревянной скамье. Беседа иссякла, и я читал «Иллюстрированный Лондон Ньюс», а мачеха дремала. У нее невероятная способность засыпать в мгновение ока. Стоит обычному распорядку прерваться – и вот она уже спит. Готов поклясться, что в ней больше от кошки, чем от человека.

Я огляделся. Довольно приятное солнечное утро, непримечательная станция в сельской Англии. Пока мы сидели, прибыли трое или четверо пассажиров, а по платформе взад и вперед ходил начальник станции, тучный и бородатый. Каждые две минуты он взглядывал на часы, улыбался и дотрагивался до шляпы, приветствуя каждого, кто шел мимо.

По правде говоря, все было совершенно заурядно и до ужаса спокойно – пока мачеха, сдавленно вскрикнув, вдруг не очнулась от своей кошачьей дремоты: этот вскрик заставил меня подпрыгнуть на несколько дюймов и привлек к нам обеспокоенные и смущенные взгляды других ожидающих поезда пассажиров.

– Ради всего святого. – Я покраснел и изо всех сил старался не встретиться взглядом ни с кем из окружающих. – На нас все смотрят.

– О! – Мачеха повернулась ко мне с весьма безумным видом и дико вытаращила глаза. – У меня только что было ужаснейшее видение!

Самое время упомянуть, что она считала себя наделенной подобным даром.

– Вам приснилось, – ответил я и улыбнулся смотревшему на нее джентльмену, который, судя по выражению лица, задавался вопросом, не сбежала ли эта дама из лечебницы для душевнобольных, – надо сказать, не без основания.

– Но, дорогой мой, я явственно ощутила присутствие опасности, смертельной опасности, – сказала она, глядя на меня все в том же смятении.

– Что вы такое говорите, мадам? – прошипел я.

– Я предпочла бы, чтобы ты не называл меня так. – Она прижала ладони к вискам.

Я прекрасно знал, что ей это не по душе, но ни за что на свете не назвал бы ее матушкой, как она того хотела.

– Так что за опасность? – спросил я.

– Не знаю, – ответила она. – Я вижу... Вижу поцелуй.

– Поцелуй? – Я рассмеялся. – Они, кажется, неопасны – по крайней мере, не смертельно. Разве что мне придется целоваться с крокодилом.

– Поцелуй, – повторила она. – И тоннель – длинный, темный, жуткий тоннель...

– Меня ждет поцелуй с тоннелем? Что ж, это, пожалуй, немного опасно, – сказал я с издевательской ухмылкой.

Однако мачеха продолжала смотреть на меня самым странным образом, и каким бы смехотворным ни казалось ее заявление, что-то в ее взгляде настораживало, и я поневоле отвернулся.

Опять это ее «видение». Такое же смутное, как и обычно. Я вздохнул и посмотрел на пути, желая, чтобы поезд пришел поскорее. Я всем сердцем хотел уехать от нее подальше.

– Вы заснули. Это был всего лишь сон. – Мне с трудом удавалось скрыть презрение. – Или сновидение, или что там обычно снится, когда решаешь вздремнуть на вокзале среди бела дня.

Мой тон возмутил мачеху.

– Будь добр, не говори со мной так, – сказала она.

– Если я вас оскорбил, прошу простить, – ответил я и отвернулся.

Но я совсем не раскаивался.

С путей раздался свисток, возвестивший скорое прибытие моего поезда. Какое облегчение! Я поднялся на ноги.

– Что ж, мне пора.

– Мой дорогой мальчик. – Мачеха кинулась мне на шею самым вульгарным образом.

– Прошу вас. – От неловкости я поморщился. – Люди смотрят.

Наконец я выпутался из ее объятий и, подхватив сумку, направился к вагону. Она схватила меня за рукав.

– Я бы предпочла, чтобы ты поехал другим поездом.

Я не остановился.

– После того, как мы прождали здесь почти час? Вот еще.

Нет уж, я больше ни на миг не задержусь на этой платформе! Я ступил в вагон и с силой захлопнул дверь, надеясь тем самым отчасти продемонстрировать свои чувства. Сквозь стекло в верхней части двери я видел, как мачеха одной рукой прижимала к лицу носовой платок, а другой обмахивалась на манер веера, словно вот-вот упадет в обморок (разумеется, исподтишка озираясь в надежде на публику).

Клубы пара скрыли ее – немало порадовавшая меня иллюзия, – но, когда поезд тронулся, я мельком увидел, как она лихорадочно машет вслед, и, притворившись, что не замечаю ее, отправился искать себе место.

Я пошел по коридору, заглядывая в купе, пока не обнаружил одно со свободным местом у окна. Единственным его пассажиром был строгий джентльмен с военной выправкой и крас-

ным лицом, тяжелым, выдающимся вперед подбородком и пышными усами. Назовем его Майором. Я вошел, и он кивнул в знак приветствия.

– Вы не возражаете, если я присоединюсь к вам, сэр? – спросил я.

– Нисколько, – ответил он, выпрямляясь при моем приближении как по команде «смирно».

Я улыбнулся, поблагодарил его и положил сумку на багажную полку над сиденьем. Майор шумно втянул носом воздух.

– Если только у тебя нет привычки насвистывать, – продолжил он, когда я уселся.

– Прошу прощения, сэр?

– Насвистывать, – повторил он. – Не выношу свистунов. Терпеть не могу, когда свистят, знаешь ли.

– Нет, сэр, – уверил его я. – Такой привычки у меня нет.

– Рад слышать. – Он снова засопел. – Многие молодые люди этим грешат.

– Я не из таких, сэр.

– Вот и чудно.

Я улыбнулся и посмотрел в окно, надеясь, что это положит конец странной беседе, и, к счастью, так оно и случилось. Майор взял номер «Таймс», лежавший у него на коленях, развернул и стал читать, то хмыкая, то что-то восклицая.

Поезд то и дело останавливался на станциях, столь же чопорных и заурядных, как та, с которой уезжал я. После каждой остановки в вагоне прибавлялось по пассажиру.

Первым к нам с Майором присоединился епископ (по крайней мере, я буду звать его так). Дородный круглолицый священнослужитель поздоровался, сел рядом со мной, вынул из портфеля стопку исписанных листов и принялся их изучать, время от времени делая пометки самопишущей ручкой.

Следом в купе появился низенький поджарый человек – фермер, решил я. Он разместился напротив Епископа, рядом с Майором. Пока он усаживался, мы все покивали друг другу в знак приветствия. Руки Фермера, очевидно, были привычны к тяжелой работе, а его обувь, вычищенная без особого тщания, являла следы свежей грязи.

На другой станции в купе вошел высокий, мертвенно-бледный джентльмен. Этот господин – хорошо одетый, с длинными бледными пальцами и таким же лицом – был шапочно знаком с Майором. В руке он держал номер журнала «Ланцет»: без сомнения, хирург, направляющийся на Харли-стрит¹. Он сел рядом с Епископом, напротив Майора. Второе место у окна – напротив меня – осталось незанятым.

Вдруг я почувствовал некоторое изнеможение. Возможно, меня утомило возбуждение от самостоятельного путешествия, или виной тому было теплое солнце, светившее в окно вагона. Я закрыл глаза.

Открыв их, казалось бы, всего через мгновение, я понял, что, должно быть, проспал некоторое время, ведь напротив меня теперь сидела женщина – довольно красивая, но строгой красотой.

Она была молода, ненамного старше меня. Рыжеволосая, очень бледная и стройная, с удлиненным лицом и высокими скулами. Вся ее одежда, начиная от туфель и заканчивая шляпой, была белой.

Я улыбнулся и кивнул, и она улыбнулась в ответ, но от пристального взгляда ее зеленых глаз мне стало не по себе.

Я снова кивнул и оглядел остальных пассажиров купе, которые – все до единого – крепко спали; забавно, но Майор с каждым выдохом присвистывал.

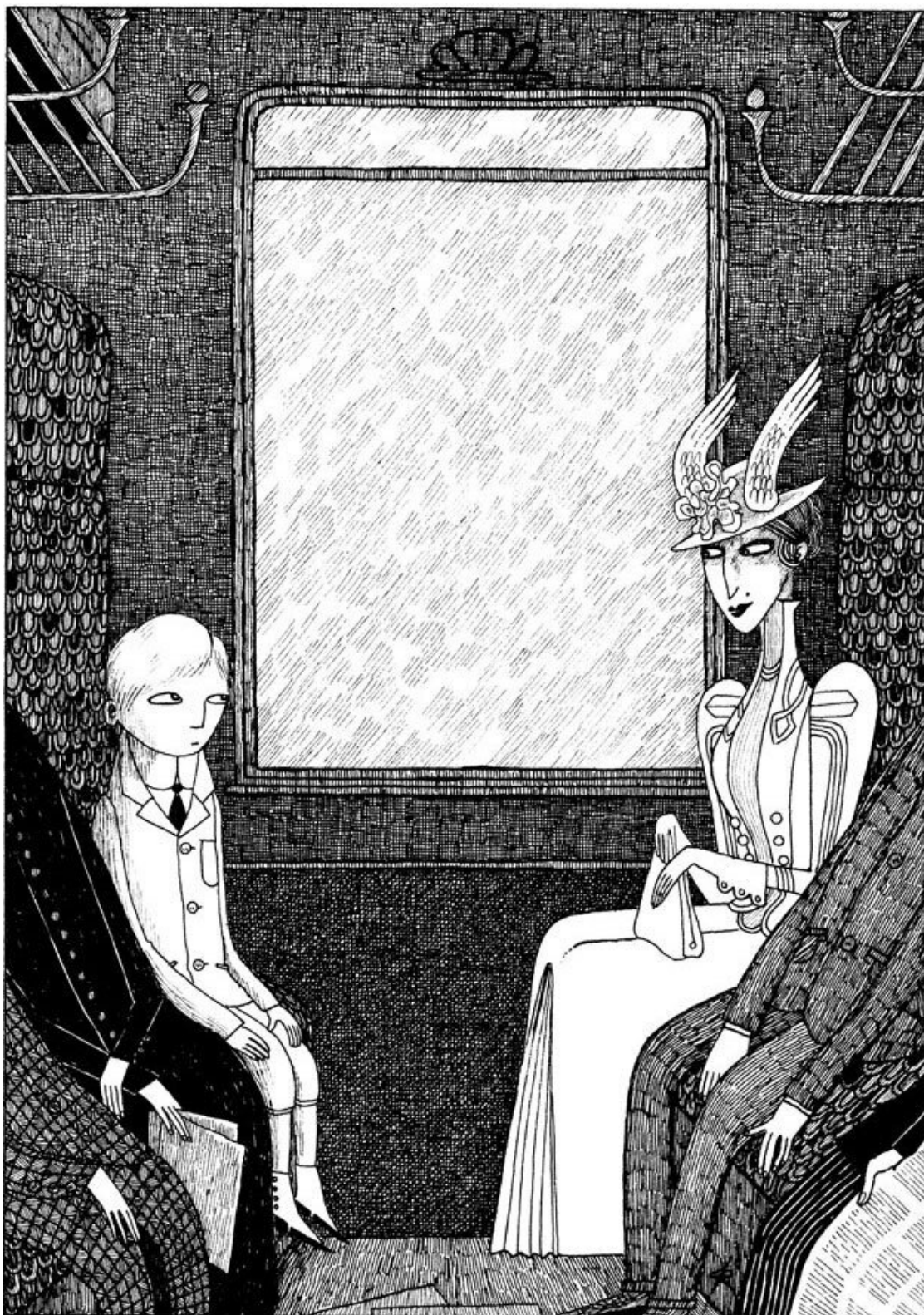
¹ Харли-стрит – улица в Лондоне, получившая в XIX веке известность благодаря тому, что там открывали практику врачи самых разных специализаций. – *Здесь и далее прим. пер.*

Еще одна перемена заключалась в том, что поезд остановился, хотя никакой станции видно не было. Прижавшись лицом к стеклу, я увидел, что локомотив стоит прямо перед въездом в тоннель, а вагоны выстроились у подножия громадной выемки². Ее высокие крутые откосы почти закрывали небо, и потому на поезд будто опустились в сумерки.

Я вспомнил постыдную истерику мачехи и потряс головой. Воображаю, с каким удовольствием она бы сказала: «Я же говорила». Однако, как ни раздражала непредвиденная остановка, едва ли она представляла собой какую-либо опасность.

Сидящая напротив женщина по-прежнему смотрела прямо на меня и улыбалась так беззастенчиво, что я почувствовал, как краснею.

² Выемка – заглубленный участок дороги, для сооружения которого вынимают грунт. Получается своего рода длинная яма с земляными стенками.

- Где мы находимся, мисс? Вы, случайно, не знаете? Было ли объявление?
- Вы надеялись на объявление?
- Да, – ответил я, – проводник должен был сообщить, где мы находимся и надолго ли задерживаемся.
- О, вот как, – сказала она. – Нет, боюсь, никакого объявления не было.

Она взглянула на золотые карманные часы, затем на меня, затем снова на часы и убрала их в маленькую сумочку, которую придерживала на коленях длинными пальцами, затянутыми в белую перчатку. Я тоже достал свои часы и вздохнул, встряхивая их.

– Который час, мисс? – спросил я. – Мои часы, кажется, остановились.

– Который час? – Она наклонила голову, словно маленькая птичка. – Вы спешите? Молодежь вечно куда-то спешит.

Меня немного повеселило, что она сказала «молодежь», ведь, как я уже сказал, она была старше меня самое большее на десять лет. Но я оставил ее замечание без внимания и ответил:

– Я не слишком спешу. Но меня встречают на вокзале Кингс-Кросс, и я бы не хотел никого задерживать. Мне просто хотелось бы знать, сколько мы уже здесь стоим.

– Недолго, – сказала она.

Я снова помолчал в надежде, что она продолжит, но она ничего не сказала.

– Роберт Харпер, – представился я, протягивая руку. Думаю, так в подобных обстоятельствах поступил бы мой отец.

– Очень приятно познакомиться, Роберт. – Она взяла мою руку, задержав ее в своей долгие, чем я бы предпочел. Пожатие у нее было удивительно сильным.

Однако она не назвалась, и я, хоть это и может показаться слабостью, не решился настаивать. Я снова посмотрел в окно и вздохнул, раздосадованный, что мы по-прежнему не движемся с места.

– Вы, кажется, обеспокоены, Роберт, – сказала Женщина в белом (про себя я решил именовать ее так, припомнив одноименный роман мистера Коллинза). Напрасно я проболтался, как меня зовут, – так у нее сразу появилось передо мной некое преимущество.

– Мне всего лишь не терпится продолжить путь, мисс... – Я прервался, чтобы она наконец представилась, и выжидательно приподнял брови, но она и не подумала нарушить паузу. Я осмелился нахмуриться, совершенно не заботясь о том, что это может ее оскорбить. Однако она, напротив, улыбнулась еще шире. Уверен, что она насмеялась надо мной.

Я взглянул в окно еще раз, но смотреть там было не на что: мимо не пробежал даже самый малюсенький зверек. Пока я вглядывался в полумрак, мне странным образом почудилось, что Женщина в белом наклоняется ко мне. Краем глаза я заметил в окне мелькнувшее отражение: ее лицо несколько исказилось, когда она подалась вперед. Я обернулся и вжался в сиденье. Однако Женщина в белом сидела в той же позе и улыбалась, и я почувствовал себя довольно глупо.

– Что с вами, Роберт? – спросила она, и не без причины.

– Все в порядке, благодарю вас, – ответил я как можно более непринужденно. – Мне разве что немного скучно.

Женщина в белом понимающе кивнула и, взмахнув изящными руками, хлопнула в ладоши так внезапно, что я испугался. К моему изумлению, этот звук не разбудил никого из спящих пассажиров.

– Нам нужно придумать, чем себя развлечь, – объявила она.

– Вы полагаете? – сказал я, гадая, что она имеет в виду.

– Может, вы были бы не прочь послушать историю?

– Историю? – переспросил я слегка недоверчиво. – Вы, мисс, стало быть, школьная учительница? – Однако, стоило мне произнести эти слова, как я понял: в ней есть нечто такое, что делает это маловероятным.

– Нет, Господь с вами, я не учительница. – Она улыбнулась, найдя, очевидно, эту мысль забавной. – Полагаю, вы так решили, потому что считаете, будто истории рассказывают только детям?

– Нет, вовсе нет, мисс. Я очень люблю истории.

– И какие же истории вы любите, Роберт? – Она опять по-птичьи наклонила голову.

– Ну, не знаю, – ответил я. – Я выписываю «Стрэнд Мэгэзин», там много занимательных рассказов, например те, что пишет мистер Уэллс. Или приключения Шерлока Холмса.

Женщина в белом улыбнулась, но, поскольку она ничего не ответила, я счел нужным продолжить.

– Я прочел «Дракулу» мистера Стокера, и мне ужасно понравилось. О, и еще я нахожу, что мистер Стивенсон тоже прекрасный писатель, но это, возможно, потому что мы тезки.

Она приподняла брови.

– Роберт, – объяснил я. – Нас обоих так зовут. Он ведь Роберт Льюис Стивенсон.

– Да. Я поняла.

– О, прошу прощения.

Снова повисла пауза. Я ожидал, что Женщина в белом выскажется на предмет моих литературных вкусов, но никакого суждения от нее не последовало.

– Мне весьма приглянулась по вкусу «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», – продолжил я. Она улыбнулась и кивнула. – И, думается, «Портрет Дориана Грея» тоже очень хорош, – добавил я в надежде поразить ее тем, что мне нравится такое скандально известное произведение. Однако ее лицо осталось бесстрастным.

– Кажется, вас привлекают истории о противоестественных опасностях, – сказала она, – и произведения с уклоном в сверхъестественное и таинственное.

– Пожалуй, да, – признал я, не уверенный, говорит ли она это мне в укор.

– Что ж, – сказала Женщина в белом. – Быть может, у меня найдется пара историй, которые придутся вам по душе.

– А вы сами, случайно, не писательница, мисс? – спросил я. Я никогда еще не читал произведений, написанных женщинами, но знал, что женщины-писательницы существуют. Это могло бы объяснить ее своеобразные манеры. Как я знал из газет, писатели – странный народ.

Эта моя догадка позабавила ее еще больше, чем когда я предположил, что она учительница.

– Нет-нет. Я не писательница, но в самом деле знаю много историй. – Она сложила кончики пальцев вместе, и ее глаза сверкнули. – Что, если я расскажу одну? Посмотрим, как она вам понравится.

Признаюсь, я не проявил воодушевления, но отказаться было бы невежливо. Предложение казалось довольно экстравагантным. Я неуверенно покосился на остальных пассажиров, но они все еще крепко спали.

– Скоротаем несколько минут, – сказала она.

– Ну что ж, хорошо. – Я вздохнул и бросил еще один взгляд на наших соседей по купе, надеясь, что хотя бы один из них очнется и придет мне на выручку. – О чем же ваш рассказ?

– Боюсь, что если проговорюсь, то испорчу вам все удовольствие.

Я кивнул и посмотрел в окно.

– Вы интересуетесь ботаникой?

– Ботаникой? – переспросил я и нарочно подтолкнул Епископа, но без толку.

– Наукой о растениях, – объяснила она и снова сложила пальцы вместе так, будто речь шла о чем-то невероятно захватывающем.

– Не слишком. – Я слегка скривил губы. – А это важно?

– Ничуть, – ответила она. – Ничуть.

Оранжерея

Оскар не видел отца почти два года, и теперь они сидели в утренней гостиной, будто были едва знакомы. Вдалеке раздавались мерные настойчивые удары молотка. Отец, сцепив длинные кисти в замок, постукивал большими пальцами в такт этим звукам.

– Как дела в школе? – спросил он с широкой улыбкой, которая почему-то раздражала Оскара.

– В школе все хорошо, отец.

Из-за холодного ответа Оскара улыбка отца дрогнула, но всего на мгновение. Элджернону Бентли-Харрисону доводилось встречать тигров в лесах Бутана и отбиваться от аборигенов – охотников за головами в Новой Гвинее. Сохранять присутствие духа перед лицом невзгод – часть его работы.

– Хорошо? – переспросил мистер Бентли-Харрисон. – Разве тебе совсем нечем поделиться?

– Если вы надеетесь услышать о моих академических достижениях, сэр, – ответил Оскар, – то я не ученый.

– Чепуха. Ты очень умный мальчик.

– Я не имел в виду, что я неумный, отец. Я только хотел сказать, что меня не привлекают ни слова, ни книги, ни цифры – то есть все то, что должны любить ученые. Мне интересно другое.

– Как и мне, мальчик мой. – Отец заговорщически кивнул. – Я понимаю, что тебе не терпится выбраться из заточения классной комнаты. В мире гораздо больше интересного, чем даже в самой обширной библиотеке. Вот что влечет меня на разные концы земли, Оскар.

Жажда знаний! Моя область, разумеется, может показаться узкой, но когда ты повзрослеешь и я возьму тебя с собой, ты тоже поймешь, насколько важна моя ботаническая коллекция...

– Но, отец, – перебил его Оскар со вздохом, – цветы меня совсем не интересуют.

Даже если бы Оскар дал отцу пощечину, это не потрясло бы его настолько сильно. Мистер Бентли-Харрисон жил цветами, они были его страстью.

Однажды во время званого ужина миссис Бентли-Харрисон в шутку сказала, что даже не знает, что бы ее муж бросился спасать из пожара в первую очередь – жену и сына или свои драгоценные орхидеи. Гости посмеялись, но у хозяев шутка оставила горькое послевкусие, ведь оба они совершенно точно знали: в первую очередь Элджернон спас бы орхидеи.

– *Совсем не интересуют?* – переспросил мистер Бентли-Харрисон. – Но... Но... Я не понимаю. Раньше ты всегда ими увлекался.

– Нет, отец. – Оскар покачал головой и угрюмо отвел взгляд. – Я так часто пытался вам сказать, но вы и слушать не хотели. – Он повернулся к отцу и посмотрел на него. – Вы никогда не слушаете, сэр.

Мистер Бентли-Харрисон поднес к вискам пальцы и начал описывать ими на бледной коже концентрические круги.

– Но я так мечтал, что мы с тобой...

– В том-то и дело, – прервал его Оскар. – Это *ваша* мечта, отец. Я об этом никогда не мечтал. Вы ни разу не спросили, чему я хочу посвятить свою жизнь!

Последняя фраза прозвучала чуть громче и чуть грубее, чем хотелось бы Оскару, и поэтому он удивился, когда отец не стал его распекать, а лишь устался в колени и печально опустил руки.

Мистер Бентли-Харрисон сидел молча уже, казалось, несколько минут, и Оскар позвал его.

– Отец?

– И чему же такому ты желал бы посвятить свою жизнь? – спросил тот, не поднимая головы. Оскар никогда раньше не слышал от отца такого тона, холодного и механического. – Ну что же ты? Давай послушаем, чем ты намереваешься заняться.

– Мне хотелось бы иметь собственное дело, – сказал Оскар. – Открыть лавку, какая была у дедушки, когда он только начинал.

– Лавку? – медленно повторил мистер Бентли-Харрисон, будто пробуя впервые произнести незнакомое иностранное слово. – *Лавку?*

Лавку когда-то держал его отец. Элджернон был вынужден работать там против своей воли, пока не уговорил мать на то, чтобы она позволила ему уехать в университет. Его отказ продолжить семейное дело стал для старика страшным разочарованием. Кажется, судьба наконец решила покарать Элджернона Бентли-Харрисона за предательство.

– Мы с бабушкой часто говорили, что я могу возродить его торговлю. Он дал мне столько полезных советов. Понадобится совсем небольшая сумма, отец, а денег у нас предостаточно.

Мистер Бентли-Харрисон посмотрел на сына. Его отец и впрямь живо интересовался внуком и заразил того жаждой предпринимательства. Когда старик умер, Элджернон продал его дело, и денег у них теперь действительно было ужасно много. Но он не собирался расходовать их столь заурядным образом.

– Боюсь, Оскар, эти средства мне понадобятся, – сказал отец. – Новые оранжереи обойдутся очень дорого: и постройка, и содержание. Видишь ли, их нужно постоянно отапливать, чтобы поддерживать определенную температуру.

– Но, отец...

– И я задумал пустить большую часть состояния на другие экспедиции, чтобы отыскать новые виды и заполнить ими оранжереи, – экспедиции, в которых, как я надеялся, ты будешь меня сопровождать, Оскар.

– Вы истратите все дедушкины деньги на себя? – Голос Оскара стал так же холоден, как и отцовский.

– Теперь они принадлежат мне, Оскар. И вот как я отвечу на твой вопрос: эти деньги пойдут на обретение знаний, на развитие науки. Нет цели благороднее.

Отец и сын смотрели друг на друга некоторое время, затем Оскар со скрипом отодвинул стул и поднялся на ноги.

– Прошу меня извинить, отец, – сказал он. – Мне нужно заниматься.

В комнату вошла миссис Бентли-Харрисон.

– Оскар? – обратилась она к сыну, увидев, как плотно сжаты его губы. – Что-то не так?

– Все в полном порядке, матушка, – ответил тот.

– Эджернон? – Она повернулась к мужу, когда Оскар вышел из комнаты.

– Все хорошо, дорогая, – сказал он с горькой улыбкой. – Пожалуйста, не волнуйся. Мальчик уже достаточно взрослый и должен усвоить, что нельзя получать все, что хочешь.

Мистер Бентли-Харрисон взял со стола выпуск «Таймс» и принялся за чтение, а его жена вспомнила, как давным-давно и она выучила этот же урок.

Оскар сказал ей, что решил уведомить отца о своем желании открыть лавку, и сыну, не выдающему склонности к страсти Эджернона, миссис Бентли-Харрисон могла посочувствовать как никто. Ее тоже ничуть не влекла ботаника.

Вот уже почти двадцать лет она только изображала интерес к жизни растений, что повергло бы ее супруга в еще больший шок, чем признание сына. Миссис Бентли-Харрисон питала надежду, что, если она будет разделять увлечение мужа, их брак может стать чем-то большим, чем печальный союз без любви, коим он являлся на деле. В конце концов она смирилась с ролью незаменимой помощницы и внимательной слушательницы. Любовь, заключила она, существует только в книгах. Любовь – для других людей.

Тем временем Оскар вернулся в свою комнату и сначала расхаживал по ней в ярости, которая обжигала, словно лед, а затем встал у окна. Строители сновали, заканчивая чудовищную отцовскую оранжерею, – готовили ее к скорому приезду драгоценных растений.

Оскару ясно представилось, как отец демонстрирует коллегам-ботаникам свои новые владения, указывая руками в разные стороны, а его гости одобрительно вздыхают и завистливо бормочут. И вдруг Оскар понял: единственное, что имеет для него значение, – не дать этому стать реальностью. Надо стереть ухмылку с отцовского лица прежде, чем она появится.

Спустя неделю работы завершились. Стекла оранжереи сверкали в солнечном свете, а внутри, словно во влажном горячем пару хаммама, извивалось и копошилось подобие джунглей.

После отъезда строителей Оскар видел родителей все реже. Растения, которые из-за их размера раньше приходилось выращивать где-то еще, теперь привезли, протащили, перенесли через газоны и водворили на новое место с такой заботой и вниманием, каких Оскар никогда не знал.

Мать неотступно следовала за отцом среди чугунных колонн и беспрестанно делала в толстой тетради пометки о том, как надлежит ухаживать за каждым растением. Оскара никто и никогда так не лелеял.

Эти растения были подобны кукушатам в гнезде. Оскар ненавидел их. Боялся их. Он представлял, как они растут и множатся в тропической жаре оранжереи, тянутся вверх и вширь, а их извивающиеся усики шевелятся и подрагивают.

Еще хуже было то, что отец, кажется, испытывал особенную нежность к наиболее отвратительным питомцам. Только вчера он показывал Оскару растение, которое год назад обнаружил, путешествуя по джунглям Южной Америки.

– Ты когда-нибудь видел нечто подобное? – спросил он.

– Нет, сэр, – ответил Оскар. Он и правда не видел ничего столь уродливого.

– Никогда не встречал растения, которое развивалось бы с такой быстротой и мощностью. Я даже думаю, что, если мы простои́м здесь достаточно долго, то увидим, как оно растёт буквально у нас на глазах.

Растение и так было огромным. Его толстый центральный стебель венчала корона в форме луковицы. Оно имело темно-зеленый цвет, но Оскар заметил, что его пронизывают кроваво-красные сосуды. Оно выглядело исключительно отталкивающе, и Оскар ощутил невольное желание отшатнуться.

Растение пустило усики, которые карабкались по ветвям соседних деревьев и обвивали их. С каждого свисал непонятный серо-зеленый шарик.

– Пока неизвестно, плоды это или цветы, – указал на них отец. – Чтобы узнать, придется подождать. Я даже не уверен, к какому филуму³ его отнести. Я помню, мой мальчик, ты говорил, что ботаника тебя не занимает, но неужели подобные вещи не возбуждают твоего интереса? Согласись, это поразительно.

Оскар не разделял отцовского любопытства, но, по крайней мере, это растение было просто уродливым. Среди же других встречались и ядовитые, и оранжерея буквально щетинилась острыми как иглы шипами и иззубренными, словно пилы, листьями. Оскару хотелось как можно скорее убраться отсюда – подальше от отца, подальше от этих мерзких растений.

Отвращение, которое он испытывал к отцовской страсти и его растениям и зловонный, дурманящий воздух оранжереи вызывали у него тошноту.

Оскар отказали в том, чего он хотел больше всего в жизни, но посмотрим, как отцу понравится, когда пойдут прахом *его* мечты.

Оскар был вполне доволен собой. Он сам дивился, откуда в нем взялась такая изобретательность. Теперь, взяв собственную судьбу в свои руки, он чувствовал, будто стал чуточку выше. Дед несомненно гордился бы им.

Вот что Оскар обнаружил: если сбобрить воду, которой отец опрыскивает листья своих драгоценных растений, хотя бы щепоткой соли, эффект будет катастрофическим. И до чего же приятно было видеть, как отец собственноручно травит их ядом. Просто восхитительно.

Мистер Бентли-Харрисон был безутешен, когда его ненаглядные орхидеи зачахли и таинственным образом погибли. Симптомы заболевания не походили на те, что описаны в книгах. Он был растерян. Уничтожен. Оскар едва сдержал злорадство.

И если он чувствовал хоть малейший укол совести, ему достаточно было вспомнить, как отец наотрез отказался даже обсуждать его желание начать собственное дело.

Оскар делал все с умом. Он не добавлял соль сверх меры и делал это только перед самым поливом.

Лейки и опрыскиватели промыли, а потом и вовсе заменили, но растения по неясной причине увядали и сохли одно за другим. Отец Оскара все больше приходил в отчаяние.

Он запретил садовникам и слугам входить в оранжерею, а заодно велел Оскару и жене не трогать растения на случай, если его домашние, сами о том не подозревая, переносят какую-то доселе неизвестную болезнь. Оскара не надо было просить дважды. Трогать отвратительную зелень ему совсем не хотелось.

Теперь отец сам следил за всеми этапами полива и подкормки, что усложнило Оскару задачу, но тем больше удовлетворения приносил успех.

С последней операции по подсаливанию воды прошло уже несколько дней, и Оскару не терпелось пробраться в оранжерею и приняться за дело. Родителей он не видел с завтрака. Отец теперь еще меньше интересовался Оскаром, полностью посвятив себя воскрешению драгоценнейших растений.

³ Филум – отдел (то есть тип) в ботанической классификации.

Оскар полагал, что родители в оранжерее, и с нетерпением ждал их возвращения, чтобы проникнуть внутрь и нанести еще больший урон.

Но невозможно же находиться в этой парилке так долго без всякого перерыва. Оскар сидел перед дверью уже несколько часов. Должно быть, они куда-то ушли. Как бы там ни было, нужно проверить.

Оскар вошел в оранжерею, очень старательно напустив на себя непринужденный вид. Оказавшись внутри, он вдруг понял, что воздух как будто стал еще более тяжелым и влажным.

Но это не все. Был еще непонятный запах: сладкий и опьяняющий. Густой и резкий аромат, который Оскар не узнавал, но который манил его, как роза – пчелу.

Завернув за угол, он увидел родителей и ругнулся. Они глядели на огромное уродливое растение, которое отец показывал ему неделю назад. Отец стоял к нему спиной.

Только подойдя ближе, Оскар заметил, что ступни отца чуть не достают до земли. Он словно взлетел, зависнув над полом на два-три дюйма. Затем Оскар заметил, что из отцовской спины торчит шестидюймовое острие.

Он шагнул вперед и увидел, что обоих родителей пронзили огромные шипы, которые, по-видимому, выросли из-под земли и прикончили их.

Шип, проткнувший мать, также поднял ее в воздух на несколько дюймов, насквозь пробив при этом тетрадь и пригвоздив ей к груди.

Родители Оскара смотрели прямо: глаза раскрыты, рты разинуты. На лице матери написано потрясение, а на лице отца – нечто похожее на восхищение. Перед ними безвольно висели странные цветы (или плоды?), но теперь они треснули и походили на сдутые воздушные шарик.

Сердце Оскара ухало в груди. Он был потрясен и испуган. Но вот что удивительно: скоро эти чувства начали пропадать.

Оскар никогда не желал родителям смерти. Конечно же нет. Но ему вдруг стало ясно, что не так уж и сильно он будет по ним скучать, а грусть отступала при мысли, что теперь дедушкино состояние перейдет к нему и он откроет лавку – его мечта исполнится.

Какая ирония: отец пал жертвой одного из своих дурацких растений. Он сдувал с них пылинки, тратил на них кучу денег – и все равно не получил взаимной любви.

Оскар снова взглянул на мать и в ужасе заметил, что из ее открытого рта выглядывает крохотный побег. Зеленая дрянь проросла сквозь нее. Оскар вздрогнул. Неужели растение так питается?

Думать об этом Оскару не хотелось. Он позовет слугу, и тот приведет полицию или врача, или к кому обычно обращаются в подобных случаях. И тут веки матери дрогнули, и она моргнула. Боже милостивый, она еще жива! Может, и отец тоже?

Оскар инстинктивно шагнул вперед, но остановился. Нет. Нет. Подходить к растению нельзя. Слишком опасно. Мать, возможно, и жива, но ей уже не помочь, сказал он себе. Им обоим уже не помочь.

Он приведет слугу. Чуть погодя. Спешить ни к чему. Оскар безуспешно попытался прогнать мысли о лавке, которую откроет на унаследованные деньги – деньги, которые он не станет спускать на эти дьявольские растения. Он отступил, и что-то коснулось его затылка.

Он обернулся, ожидая увидеть испуганное лицо одного из слуг, но это был странный зеленый плод.

Прежде чем он осознал, что плод цел, тот лопнул и выпустил мелкие как пыль споры Оскару в лицо – в нос, рот, глаза.

Какое-то вещество в спорах парализовало его, но, пока Оскар еще мог двигать руками, он потянулся к побегу, с которого свисал плод. Побег был покрыт длинными белыми волосками. Дотронувшись до него, Оскар услышал звук, похожий на щелканье кнута, и что-то сильно толкнуло его в грудь, прямо под сердце.

Несмотря на всю мощь, удар не сбил Оскара с ног, ведь его нанес шип длиной в два фута, который стремительно выскочил из-под корней ужасного растения, издав резкий щелчок, словно захлопнувшаяся мышеловка. Шип пронзил Оскара и обездвижил его.

На мгновение Оскар задумался, не умер ли он, но он знал, что еще жив. Больно тоже не было. Что-то – споры или сам шип – подействовало как анестезия.

Хотя Оскар не чувствовал боли, он понял, что из шипа уже начал прорастать побег, и через несколько часов тоненький стебель выглянет у него изо рта и увенчается весьма милым переливчато-голубым цветком – точно таким, какой Оскар краем глаза заметил во рту у матери.

* * *

Когда рассказ подошел к концу, я невольно ахнул. Он завладел мною, как то жуткое растение – Оскаром, и меня парализовало так же, как его и его бедных родителей.

Эта последняя роковая сцена представилась мне пугающе ясно. Я чувствовал духоту и спертый воздух оранжереи. Видел каждый листок и побег того смертоносного растения. Вдыхал запах его голубых цветов.

Кроме того, я явственно ощущал, что там, в оранжерее, между пятнами света, находился кто-то еще. Но каким бы четким ни был этот образ, он в секунды рассыпался и исчез, словно рисунок на песке, смытый волной прилива.

Станным образом рассказ оказал на меня изнуряющее действие. Я был вымотан. Можно было подумать, что я напрягал не воображение, а мускулы. Мысли у меня путались, и телесных

сил словно не осталось. Я будто приходил в себя после пробежки, а не пытался вспомнить подробности только что услышанного.

Женщина в белом улыбнулась, очевидно, вполне довольная произведенным впечатлением. Я в смущении избегал ее взгляда и смотрел в окно купе.

Должен признаться, совсем не такого рассказа я ожидал. Мой опыт общения со слабым полом весьма ограничен, но ни одна из моих матерей – ни родная, ни оставшаяся на станции самозванка – не имела ни малейшей склонности к сюжетам мрачного толка.

Я был заинтригован. Заинтригован и весьма встревожен. Меня взволновала и жуткая история, и удовольствие, с каким ее рассказывала женщина, которая во всех прочих отношениях казалась благопристойной и которой больше приличествовало бы находиться на церковном празднике.

Что-то в ней завораживало. Мне никак не удавалось найти подходящие слова, и замешательство наверняка отразилось у меня на лице.

Я сделал вид, что мне вдруг понадобилось разгладить складку на брючине, и оглядел попутчиков. Фермер, Хирург, Епископ и Майор все не просыпались.

– Как можно спать так крепко среди бела дня? – спросил я несколько неодобрительно.

– Возможно, они устали, – ответила Женщина в белом.

– Но ведь мы отправились совсем недавно.

– Возможно, – повторила она, с грустной улыбкой взирая на спящих. Затем она снова повернулась ко мне, наклонилась вперед и похлопала меня по коленке.

– Вы, молодой человек, и сами, кажется, устали, – сказала она обеспокоенно.

– Я? Устал? Нет. Ни капли.

– Разве?

Мои веки отяжелели, но я моргнул и изо всех сил постарался казаться бодрым. Вытащенные при этом глаза наверняка придали мне немного комичный вид. Женщина в белом снова улыбнулась и откинулась на спинку сиденья.

– Я могу рассказать еще одну историю, если у вас достанет сил слушать.

– Уверю вас, я вполне бодр, – ответил я.

– Но мне бы не хотелось навязываться. Возможно, вы сочли, что леди не подобает рассказывать подобные истории, а столь молодым людям – слушать. Я не хотела вас оскорбить.

Я не сомневался, что мое мнение на этот счет ее не заботит и она нисколько не нуждается в моем одобрении. Совсем наоборот: я также не сомневался, что ей вполне нравилось вызывать во мне беспокойство.

– Вы меня ничем не оскорбили, – сказал я.

Я снова поглядел на наших спящих попутчиков, надеясь, что один из них проснется и избавит меня от следующего рассказа этой необычной женщины. Когда я снова повернулся к ней, она смотрела на меня так выжидательно, что я почувствовал необходимость заговорить.

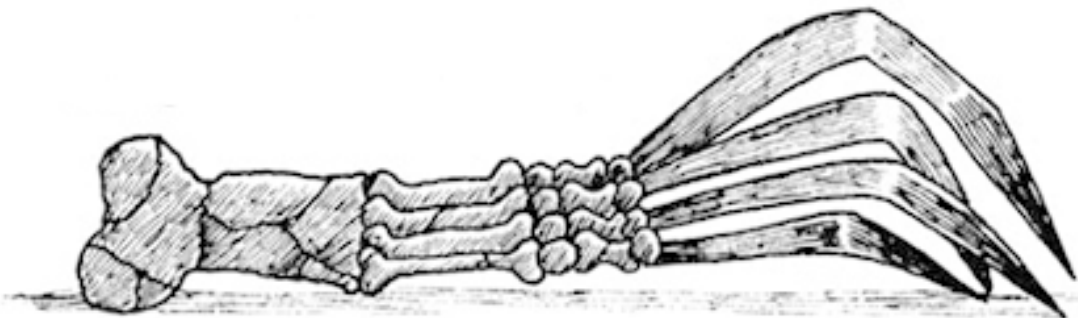
– О чем же ваша история, мисс?

– Могу сказать вам, что она о двух мальчиках и кургане. Думаю, она вам понравится.

– О мальчиках и органе? – переспросил я устало, сожалея, что не могу взять обратно свое согласие послушать ее историю.

– Нет, – ответила она. – О кургане. Но не будем портить рассказ долгим предисловием...

Островок

Генри Питерсон открыл мансардное окно спальни, которую делил с младшим братом Мартином. Они приехали в этот загородный дом поздним вечером накануне, когда в темноте среди силуэтов дубов ухали совы, и сейчас им впервые удалось как следует оглядеть окрестности.

Дом принадлежал матери их отца, которая недавно скончалась. Мальчики не общались с бабушкой, и Генри не помнил, чтобы он бывал здесь раньше, хотя ему говорили, что его привозили сюда в раннем детстве, когда Мартин был еще младенцем.

Много лет назад их отец рассорился со своей матерью, и с тех пор они почти не разговаривали. Генри казалось, что бабушки нет в живых вот уже несколько лет, и поэтому теперь, когда она и вправду умерла, он не особенно печалился, разве что немного сожалел, что его лишили чего-то такого, что ему уже никогда не обрести.

Генри высунулся из окна. Пчелы жужжали среди плетистых желтых роз, которые обвивали дом с обеих сторон и в изобилии спускались из-под крыши. Генри огляделся. Прямо – фруктовый садик, справа – огород, где вокруг высоких подпорок вились горошек и фасоль. Задний фасад дома выходил на холм, а перед Генри, кажется, полностью расстиралось графство Уилтшир: все было видно на мили вперед.

За нестриженной живой изгородью, которая обозначала границы участка, лежало огромное пшеничное поле. Дул теплый южный бриз, и оно колыхалось волнами: широкая полоса пшеницы вздымалась, опускалась и покрывалась рябью, словно необъятный зеленый океан. Генри был заворожен.

– Что это ты разглядываешь? – сонно спросил Мартин, вздыхая и потягиваясь, как делают спросонья коты.

– Я просто думаю, что хорошо бы выбраться из дома и прогуляться по округе, – ответил Генри, не оборачиваясь. – Погода прекрасная. Отец говорит, что на тропинке можно встретить барсуков.

– Погоди, дай мне хотя бы проснуться, ладно? – И Мартин поудобнее устроился в кровати. – Барсуки могут и подождать.

Генри покачал головой и ухмыльнулся.

– Когда пойдешь в мою школу, больше не сможешь разлеживаться в постели, как ленивый крестьянин, сам понимаешь, – сказал он. – Старина Хинкли тебя в бараний рог согнет.

– Тем более: уж лучше я буду наслаждаться жизнью, пока могу. И вообще, у меня каникулы, так что мне можно валяться в постели, сколько захочется.

– А вот и нет! – раздался голос из коридора.

Их отец открыл дверь, заглянул в комнату и без обиняков велел вставать, одеваться и идти на улицу, так как им с матерью нужно привести дом в порядок. В конце концов, затем

они сюда и приехали. Отец велел сыновьям ни в коем случае никому не надоедать и не заходить на фермерские угодья.

Так что, к вящему удовольствию Генри, они позавтракали и уже через полчаса после того, как отец возник на пороге их спальни, шли по садовой тропинке, а вокруг в высокой траве стрекотали кузнечики.

– Ну так что? – Мартин широко зевнул, когда они не торопясь шагали по тропинке в тени высокой живой изгороди. – Что будем делать?

– Не знаю, – беспечно ответил Генри. – Думаю, просто посмотрим, что здесь есть.

– Кажется, не так уж много чего, – сказал Мартин угрюмо, все еще недовольный тем, как бесцеремонно его разбудили. – Куда ни глянь, обычная сельская местность.

Генри засмеялся и пихнул его в бок. Он знал, что раззадорить брата легко, и точно: Мартин тоже засмеялся и пихнул его в ответ.

Через некоторое время мальчики наткнулись на прогалину в живой изгороди, и Генри понял, что они рядом с пшеничным полем, которое он видел в окно.

– Пошли, – предложил Генри. – Пойдем на островок.

– Островок? – спросил Мартин. – Какой? О чем это ты?

– Вон тот, в поле. Я видел его из окна. Он, конечно, не в воде, но все равно остров. Это даже лучше, ведь нам не придется мокнуть, чтобы до него добраться.

– А отец? – спросил Мартин. – Он ведь велел нам не ходить на фермерские угодья.

– Фермер не будет возражать, – ответил Генри беззаботно. – И вообще, отец слишком занят тем, что разбирает бабушкин хлам, так что ему не до нас.

– И все же... – Мартин оглянулся на дом.

– Ну же, Мартин. – Генри улыбнулся. – Давай повеселимся!

Преппирательства братьев часто принимали подобную форму: в Генри преобладала жажда приключений, в Мартине – рассудительность. Но и заканчивались их переговоры чаще всего одинаково: младший почти всегда уступал.

– Ладно, – сказал Мартин. – Но, если тут появится какой-нибудь фермер с ружьем, я скажу, что это твоя затея.

– Договорились. – Генри ухмыльнулся и хлопнул брата по спине. – А теперь на остров!

Мартину казалось, что он должен сдерживать порывы брата: не позволять ему бездумно идти на поводу своей авантюрной натуры и по меньшей мере указывать на неминуемые риски его планов, но, даже выразив обеспокоенность, он тем не менее давал себя уговорить и загорался так же, как и Генри – а возможно, даже сильнее.

Мальчики вышли в поле, пробираясь через пшеницу. Светило солнце, и все вокруг словно блестело. Небо было синим и безоблачным, и темно-зеленый силуэт островка отчетливо просматривался на его фоне. Радостный щебет летящего над ними жаворонка казался единственным звуком в просыпающемся мире, а рядом с братьями лениво порхала бледно-желтая бабочка.

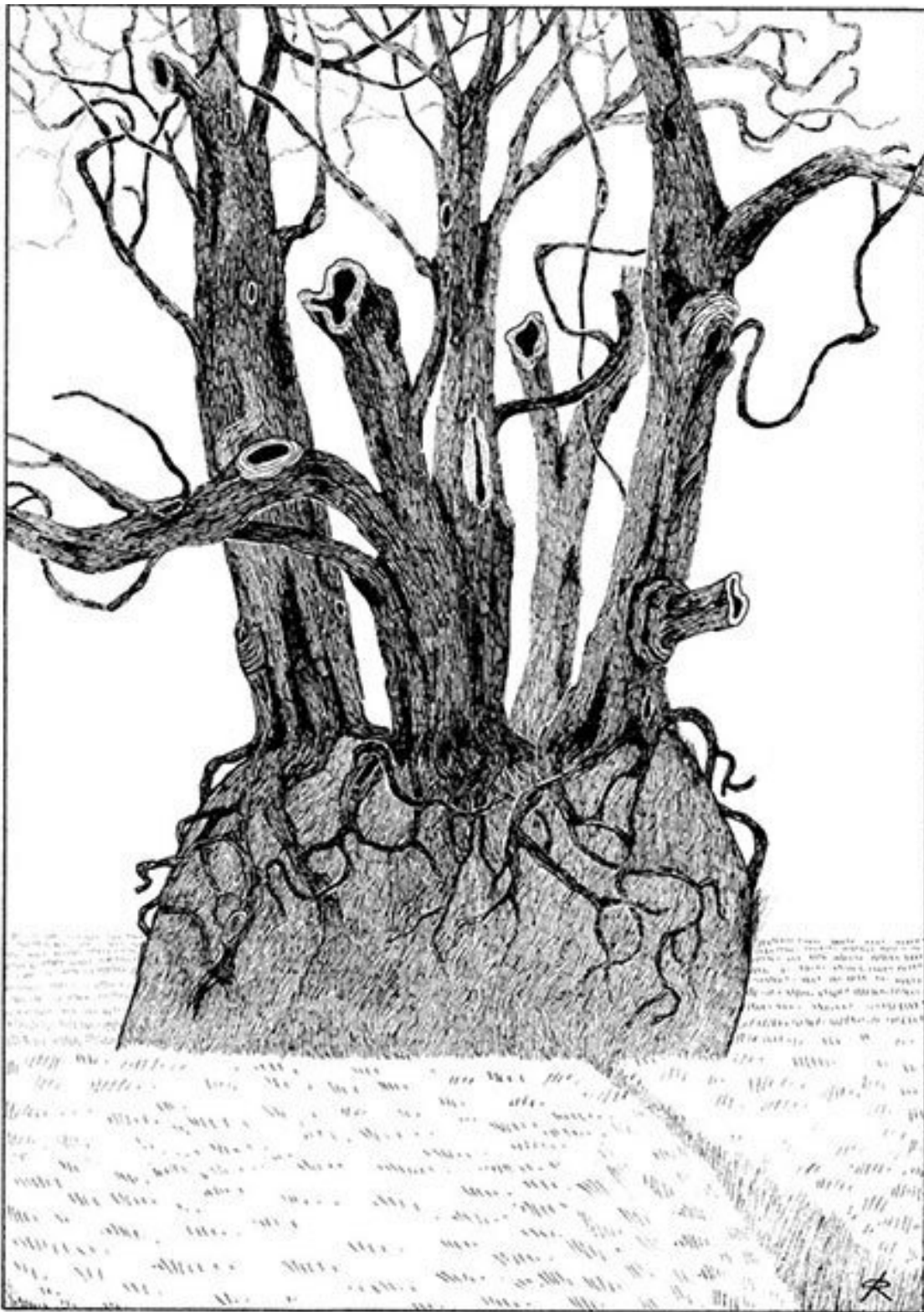
Генри удивился, что идти до острова им пришлось так долго, и когда они наконец к нему приблизились, он понял, что остров на самом деле больше, а деревья – выше, чем казалось из окна спальни.

Мальчики выбрались из пшеницы и начали карабкаться по крутым склонам, цепляясь за корни, стволы и нависшие над землей ветки. Генри гадал про себя, что это за деревья, как вдруг, словно прочтя его мысли, с ближайшего пригорка его окликнул Мартин.

– Это тисовые деревья, – сказал он. – Как дома на кладбище.

Генри кивнул. Мартин прав. Они играли на том кладбище с самого детства, и тисовые стволы, которые до них отполировали ладонями целые поколения детей, были гладкими как атлас.

Тисы на островке казались нетронутыми. Их кора была шершавой, как у обычных деревьев, но темно-красного цвета, и осыпалась. Стволы и ветви образовывали подобие клетки, скрывая вершину холма. Мартин первый заявил на него свои права.

– Я – король этого замка! – пропел он. – А ты – грязный проходимец!
– Замолчи, Мартин, – сказал Генри. – Не то сюда фермер прибежит. Мы же вроде как шпионы, понимаешь. Шпионы не распевают во все горло.

– *Я – король этого замка!* – повторил Мартин чуть громче и веселее. – *А ты – грязный...* а-а-а-а!

Истошный крик Мартина заглушили грохот и треск, и Генри, взглянув вверх, поразился: брат исчез. Генри прыгнул вперед, прямо в надвигающееся облако пыли, и в глазах у него защипало.

– Мартин! – позвал он. – Мартин! Ты где?

– Я здесь, – послышался страдальческий голос. – Этот проклятый холм полый, и я – ой, ой! – провалился внутрь.

Теперь, поднявшись на вершину острова, Генри и сам это видел. Он стоял вовсе не на холме, а над каким-то помещением.

– С тобой все хорошо? – спросил Генри.

– Кажется, да. – Мартин стряхнул с себя несколько мелких камешков и провел рукой по волосам, убирая грязь. – Пара ссадин на ноге, только и всего.

– Ничего себе. – Генри спрыгнул, чтобы помочь ему, и увидел, что на икре у Мартина вздулась большая красная полоса.

– Бывало и хуже.

– Как думаешь, что это за место? – спросил Генри. – Ледник?

– Да ну, здесь? – фыркнул Мартин. – Посреди этого огромного дурацкого поля? Далековато пришлось бы ходить за льдом.

– Ладно, но если не ледник, то что? – спросил Генри, слегка раздраженный тоном Мартина.

– Почему мне знать. – Мартин поморщился, ощупывая ногу.

– Эй, – сказал Генри. – А это еще что?

Он наклонился подвинуть каменную плиту, и, увидев, что она скрывала, мальчики разом отшатнулись.

У их ног лежали наполовину скрытые камнями кости.

– Это часть скелета животного, – как ни в чем не бывало сказал Генри. – Он тут, наверное, вечность. Похоже, очень древний.

– Сам вижу, – сказал Мартин. – И что это за животное?

– Не знаю. Может, барсук?

Генри снова наклонился и сдвинул еще несколько камней, частично обнажив кости туловища. Тогда-то они и увидели металлическое острие.

Между ребер животного торчало копьё примерно четыре фута длиной, которое, очевидно, пронзило его насквозь. Копьё, должно быть, было из меди или другого подобного металла, потому что покрылось зеленой патиной. Генри потянулся к нему.

– Нет! – прошипел Мартин. – Не надо. Так нельзя.

– Не будь таким трусом, – сказал Генри. – Вряд ли этот барсук будет против, а? И вообще, я просто хочу посмотреть.

Мартин схватил брата за руку.

– Генри, не трогай. Это копьё не наше.

– Оно ничье, – сказал Генри. – В том смысле, что его владельца уже нет в живых. Кто бы ни убил это животное, он сам умер, наверное, лет сто назад.

– Но зачем? – спросил Мартин.

– Что зачем? – устало вздохнул Генри.

– Зачем было убивать животное, а потом строить над ним это место?

– Как знать, – ответил Генри. – Может, из-за религии. Ну, знаешь, язычники и все такое.

Мартин вдруг хлопнул в ладоши.

– Думаю, я знаю, что это за место. – Он оглядел кости. – Это могильный холм. Ну, знаешь, курган. Как в той книге, которую нам дал отец. Помнишь?

Генри кивнул. Мартин прав. В книге могильный холм изобразили с разных ракурсов: изнутри и в разрезе, а еще там было нарисовано, как мог бы выглядеть мертвец, похороненный вместе со всеми погребальными предметами. Кажется, это было похожее сооружение.

– Но в курганах хоронили воинов и царей, – сказал Генри. – А тут мертвое животное. Как думаешь, какое именно?

– Не знаю, – ответил Мартин. – Я думаю, нужно оставить здесь все как есть.

Но Генри снова присел на корточки, чтобы расчистить скелет и посмотреть, нет ли рядом еще чего-нибудь интересного.

– Нужно позвать отца, – попытался урезонить его Мартин. – Или фермера.

Генри отмахнулся.

– Тебе что, совсем не любопытно?

– Любопытно, конечно. – Но мы ничего не смыслим в археологии. Давай приведем отца.

– Конечно, приведем, – сказал Генри. – Так и сделаем. Я просто предлагаю сперва осмотреть здесь все самим, а уже потом кого-то звать. Здесь может быть что-то важное. А вдруг они присвоят всю славу себе? В конце концов это ведь мы нашли курган.

– Может, ты и прав... – сказал Мартин неуверенно.

Генри разобрал уже достаточно каменных обломков, чтобы лучше разглядеть скелет. Головы не было. Он присел, внимательно изучая кости; Мартин сделал то же.

– Это какая-то собака... – Мартин скорее спрашивал, нежели утверждал.

Генри нахмурился. Если это и собака, то весьма странного вида. С другой стороны, подумал он, это ведь было давно, и собаки тогда наверняка были другие. Довод разумный. И тут Мартин заметил когти.

– Ты только погляди, – присвистнул он. – Разве у собак бывают такие когти? Вот у котов – да.

Генри промолчал. Мартин прав. Когти и правда больше походили на кошачьи, только сильнее изогнутые. Они напоминали ястребиные, хотя и были гораздо крупнее. Генри никогда не видел когтей орла, но у него, должно быть, как раз такие.

– Думаю, нам пора, – сказал Мартин.

– Еще нет. Давай хотя бы раскопаем этого зверя целиком.

– И потом пойдем?

– И потом пойдем, – ответил Генри рассеянно.

Перекладывая камни на полу кургана, мальчики подняли облака пыли, от которой щипало в глазах и скребло в горле, и они были вынуждены выбраться из заточения, чтобы глотнуть воздуха. Увидев, что волосы у них белые от пыли, оба засмеялись.

Когда пыль от раскопок наконец осела, а мальчики откашлялись и выплюнули всю грязь, они вернулись полюбоваться результатом работы.

Там, под землей, лежал безголовый, но в остальном сохранный скелет зверя, который теперь был виден лучше, но более узнаваемым от этого не стал. Позеленевшее медное копье прищипило его странное тело к земле, словно булавка, пронзившая жука в коробке для насекомых.

И с чего только они решили, что это собака? Тело слишком длинное, а ноги совсем не песьи. И хвост – такой может быть скорее у ящерицы или крокодила. Заговорить братья смогли не сразу.

Некоторое время они рассматривали скелет, и Мартин сказал:

– Может, это вообще не настоящее животное. Может, кто-то сложил части разных животных, и получилось это чудное существо.

– Но зачем так делать? – спросил Генри. – И вообще, глянь на него: все кости подходят друг к другу.

– Должно быть, такие звери уже вымерли, – сказал Мартин уверенно. – Ну, знаешь, как те, которых считают выдуманными. Например, драконы.

– Этот дракон не слишком большой, но все же. – Эта идея определенно увлекла Генри. – Точно! И это мы его нашли! Только подумай, Мартин. Мы прославимся!

Генри потянулся за копьем.

– Что ты делаешь? – спросил Мартин.

– Хочу получше его разглядеть. Особенно наконечник.

– Генри, лучше не надо.

Генри глубоко вздохнул. Судя по всему, Мартин собирается прочесть ему очередную нотацию.

– В чем дело? – спросил Генри. – Оно же ничье. Что плохого, если я посмотрю?

– Раньше оно было чьим-то, – ответил Мартин.

– Но сейчас-то какая разница? – рассмеялся его брат.

Мартин нахмурился.

– Это все равно воровство, Генри, – сказал он. – Ты и сам знаешь. И потом, это место какое-то странное. Зачем здесь это животное? Зачем было строить над ним курган и оставлять копьё воткнутое вот так? Не трогай его.

Генри вздохнул и через силу улыбнулся.

– Я не собираюсь его красть. Я просто посмотрю наконечник, а потом мы оставим копьё здесь и пойдем за отцом. И он сделает все как следует. Напишет письмо в Британский музей или что там положено делать в таких случаях. Что скажешь?

Мартин на мгновение задумался, но, взвесив все за и против, покачал головой.

– Я пойду обратно к дому бабушки. Все-таки не трогал бы ты это копьё. Мне здесь не нравится. – И с этими словами Мартин начал выбираться из дыры, которую проделал в потолке.

– Мартин! – закричал Генри. – Мартин! Ну что ты как занудная девчонка! Вернись!

Но Генри хорошо знал: если уж Мартин что-то решил, никакими криками, увещаниями и угрозами его не переубедить.

– Я только разочек гляну, и всё! – крикнул Генри ему вслед.

Но Мартин не отозвался, и без него в кургане вдруг словно сгустилась тьма.

Генри схватился за копьё обеими руками и попытался вытащить его. Оно не шевельнулось. Генри под нос обругал Мартина за то, что тот ушел. Вдвоем вытащить копьё было бы легче.

Генри сел, чтобы перевести дыхание. И тогда в дальней стороне кургана он увидел *ее*, всю в пыли. Он сразу понял, что это, бросил попытки вытащить копьё и пошел к ней.

Это была голова зверя. Большая, много больше, чем можно было полагать, глядя на останки, но сомнений в ее принадлежности быть не могло, ведь она такая же странная, как и скелет.

Что же это за существо? У кого могли быть такие зубы – в два ряда? И такие острые. Генри не слышал ни о каком животном с подобными челюстями. Он одобрительно присвистнул.

Опустившись на колени, он положил череп на нужное место, чтобы представить себе облик существа. Поднимаясь, чтобы оглядеть скелет целиком, Генри ухватился за копьё, и оно упало.

Очевидно, его усилия принесли плоды. Теперь копьё выскочило из земли, а наконечник лежал отдельно, между ребер зверя. Генри ухмыльнулся, поднял его и поднес поближе к глазам.

Наконечник оказался не столь интересен, как стоило ожидать. Кажется, железный – за долгое время он почернел, затупился и был почти съеден ржавчиной.

Однако, как бы Генри ни хотелось доказать Мартину, что он намерен хорошенько здесь осмотреться, он ни за что не останется наедине с этим зубастым, будто акула, скелетом.

Генри выбрался из кургана и позвал Мартина. Тот, как видно, нарочно еле тащился, не желая оставлять брата одного.

Он закричал и помахал копьем над головой. Мартин обернулся и сощурился от солнечного света, который окаймлял верхушки деревьев и превращал их с Генри в темные силуэты.

– Что это? – прокричал Мартин.

– То копьё!

– Положи его обратно, Генри, – раздался неутешительный ответ. – Лучше пойдем домой и расскажем все отцу, как ты и говорил.

– Ты иногда такой зануда, Мартин, – крикнул Генри. – Я нашел череп. Ты бы видел эти зубы!

– Мне все равно.

Генри вздохнул. Мартин упрям как осел и ни за что не передумает.

– Ладно, – согласился Генри. – Но я возьму копьё с собой.

– Ты сказал, что оставишь его и мы позовем отца!

– Ну так я передумал. Лучше сразу покажу.

– И почему это всегда решаешь ты, Генри?! – крикнул Мартин. – Это я нашел курган!

– Да ты просто свалился туда!

– Неважно. – Мартин явно не желал уступать брату.

– Что ж, отлично, – ответил Генри. – Ты и бери копьё!

С этими словами он метнул копьё, которое описало небольшую дугу и с глухим ударом упало между ними.

Но Генри не видел, что копьё приземлилось, ведь как только он послал его в полет, позади раздался шум. Генри испуганно обернулся. Что-то огромное с шумом промелькнуло мимо. Уж не обрушилась ли другая часть кургана?

– Генри! – сердито закричал Мартин. – Что это за глупость? Ты же мог сломать...

Генри снова посмотрел в сторону брата, но на пшеничном поле его больше не было.

Он недоуменно огляделся. Мартин словно исчез на полуслове. Но тут Генри заметил невдалеке – примерно там, где стоял его брат, – какое-то движение. Пшеница приминалась, образуя узкую дорожку, которая по широкой дуге приближалась к островку.

Генри, ухмыляясь, слез с кургана.

– Очень смешно, Мартин, – сказал он. – Но я тебя вижу! Подкрасться незаметно у тебя не очень получилось.

Но колосья пшеницы продолжали падать, а Мартин не отвечал. Генри снисходительно покачал головой и стал ждать: скоро брату надоест этот розыгрыш, и он себя выдаст.

Дорожка из примятых колосьев достигла острова и пошла в обход, и Генри потерял ее из виду. Через секунду он заметил позади тисов шевеление и снова улыбнулся неуклюжести Мартина. Но тут он увидел, как среди деревьев движется некое существо – и от его вида у Генри содрогнулись даже внутренности.

– Мартин! – закричал он. – Мартин!

Существо выбралось из тени на прогалину на вершине кургана. Огромное, четвероногое. Оно тащило что-то мокрое и изодранное... Оно тащило Мартина – вернее, то, что когда-то было Мартином, – в курган.

Генри, всхлипывая, бросился наутек. Тропинка не так далеко, а бежит он быстро. Быстрее всех в классе.

Но тут он вспомнил о копьё. Должно быть, оно не давало существу вырваться на свободу. Возможно, если получится добраться до оружия...

Генри вернулся и подобрал копьё с земли. Он отвел руку назад, готовясь его метнуть, но дорожка из падающих колосьев уже со свистом приближалась к нему. Существо набросилось на Генри прежде, чем тот успел закричать.

Чтобы разыскать братьев, собрали поисковый отряд. Их тела обнаружили фермер и двое констеблей, а обстоятельства дела были столь необычны, что о нем написали в «Таймс».

Мальчиков нашли в наполовину обрушенном кургане посреди поля. Сам фермер и не подозревал, что на его угодьях есть могильный холм.

Судя по всему, на братьев напал дикий зверь, и заметки об этом выходили еще несколько недель. Публикации изобиловали свидетельствами о том, что в округе кого только не видели, начиная от бешеных собак и заканчивая беглыми тиграми. Один старый бродяга с Авбери-роуд даже клялся, что видел крокодила!

У кургана детективы нашли необычное медное копье с железным наконечником, и ученые из Британского музея до сих пор спорят о значении этой находки.

* * *

– Ну и ну, – сказала Женщина в белом, кончив рассказ. – Что с вашим лицом? Кажется, я изрядно вас напугала.

– Нет, не напугали. – Я попытался улыбнуться. Однако избавиться от довольно яркого образа перепачканного в крови существа, которое тащит несчастных братьев в свое логово, было нелегко.

– Меня лишь немного озадачил сюжет вашего рассказа. Но уверяю вас: этого недостаточно, чтобы меня напугать.

На ее лице появилась странная полуулыбка, которую я расценил как знак того, что она сомневается в моей честности.

– В конце концов, это всего лишь история, – сказал я, намеренный ее переубедить. – В историях случаются разного рода ужасные вещи. Может, в ходе рассказа они и пугают, но это проходит. Повествование захватывает, но ведь эти опасности вымышлены, не так ли? Все происходит по воле рассказчика. Это просто выдумка.

– Возможно, – сказала она, с интересом глядя в окно.

– Вы говорите «возможно», – с тревогой решился ответить я. – Вы, конечно, не хотите сказать, что подобное могло произойти на самом деле?

Женщина в белом снова обернулась ко мне и улыбнулась, изучая мое лицо, и волей-неволей я отвел глаза, не в силах выдержать столь пристального внимания. Но она промолчала.

Освещение слегка переменилось, и теперь откосы казались еще круче, чем раньше. Все замерло, будто на картине: не шевельнется ни один листок, не пролетит ни одна птица. Даже пчела или бабочка не нарушат пейзажа.

Я снова прижался лицом к стеклу и попытался рассмотреть, что делается на путях, но тщетно. Воздух казался затхлым, и я встал открыть окно, чтобы немного проветрить купе. Может быть, так я увижу, что делается снаружи. Однако шпингалет заело, и единственное, в чем я преуспел за эти несколько мгновений, так это в том, что ушиб большой палец. Тем временем Женщина в белом благодушно мне улыбалась, словно наблюдая за рыбкой в аквариуме.

Я сел и оглядел наших попутчиков – не собирается ли кто из них пробудиться? – но они спали все так же крепко. Голова Фермера довольно забавным образом клонилась на плечо Майора. Сидящий рядом со мной Епископ издал горестный стон. Я вытащил часы и встряхнул их, надеясь вернуть к жизни, но безуспешно.

– Как долго мы уже стоим, мисс?

– Недолго, – весело сказала Женщина в белом. – Я ведь вам говорила.

– А кажется, что вечность, – сердито сказал я, чуть раздраженный тем, что на мой вопрос она так и не ответила.

«Сколько нас еще здесь продержат? – думал я. – Мы что, так и будем сидеть тут, как дураки?» Уверен, что отец такого точно не потерпел бы, хотя в том, что полагается делать в подобных случаях, я был уверен меньше.

Женщина в белом почти по-матерински сложила руки и посмотрела на меня обеспокоенно, но терпеливо.

– Не стоит волноваться, – сказала она. – Гораздо лучше просто расслабиться, вот как эти джентльмены. Разве вы не утомились?

Любопытно, что пока она не произнесла эти слова, я чувствовал себя совершенно бодрым, но теперь, должен признаться, ощутил ужасную усталость. Голова отяжелела, а шея вдруг заняла от усилий, которых ей стоило эту самую голову удерживать.

– Спите, если вам хочется, – сказала Женщина в белом. – Я не обижусь. Спите.

И в то мгновение сон действительно представился мне чертовски желанным. Веки превратились в тяжелые свинцовые заслонки, которым только и оставалось, что упасть на глаза и тем самым погрузить меня в темное сладостное забытие. Возможно, треволнения путешествия и мысли о новой школе повлияли на меня сильнее, чем я думал. Веки у меня дрожали, и Женщина в белом появлялась и исчезала, словно картинка из волшебного фонаря⁴.

Вдруг вместо моей спутницы передо мной предстала мачеха, с лицом таким же бледным и взволнованным, как когда она очнулась от своего сна. Я почти слышал, как она говорит: «Опасность! Смертельная опасность!» Сон разом слетел с меня.

– Мой дорогой мальчик, – сказала Женщина в белом. – Хорошо ли вы себя чувствуете?

– Все хорошо, благодарю, – ответил я. – Я просто подумал о своей мачехе. Перед тем как мы расстались, ей приснился дурной сон, который очень ее обеспокоил. Она до крайности суеверна.

– А вы нет? Вы не суеверны и ее сон вас не обеспокоил?

– Нет. Пожалуй, я не слишком доверяю суевериям. Моя мачеха верит в знаки, предзнаменования и все такое прочее, но я нахожу, что это несколько глупо.

– Но разве у нее не было видения, что во время путешествия что-то случится?

– Да, было, но... Разве я вам об этом рассказывал? – спросил я, гадая, когда мог успеть это сделать.

– А вы что же, не верите в способность предугадывать будущее?

– Не знаю, – усмехнулся я. – Но, если такое и возможно, вряд ли подобный дар мог достаться кому-то вроде моей мачехи.

На этот раз Женщина в белом не улыбнулась.

– Возможно, это не дар в привычном смысле, – сказала она. – Возможно, это скорее завеса, которая до какого-то мгновения скрывает другие времена и места – другие миры, если хотите, – и вдруг приоткрывается. Возможно, это откровение, только и всего.

– Откровение? – Я не вполне понимал, что она имеет в виду.

– Да, – продолжала она. – Миг, когда по какой-то причине человек получает возможность видеть иным зрением – зрением, которое позволяет заглянуть в другое время или место. Вы не верите, что такое бывает?

– Возможно, – сказал я. – О подобных людях я, конечно, слышал. Но, признаюсь, всегда считал их мошенниками. Или сумасшедшими. А вы в это верите?

Она улыбнулась.

– О, безусловно.

Я был поражен тем, как буднично прозвучал ее ответ.

⁴ Волшебный фонарь – проекционный аппарат, изобретенный в XVII веке.

– Значит, вы сами испытывали нечто подобное? – спросил я и тут же пожалел, что дал ей повод: не ровен час придется выслушивать такую же нелепую чушь, какую вечно несет мачеха.

– В этом нет нужды. – Она слегка вздохнула и улыбнулась.

– Но... – начал я, но осекся.

Фигуры того мальчика – Оскара – и его родителей, пронзенных шипами растения, вдруг ни с того ни с сего явились мне устрашающе ярко и четко. Я подпрыгнул, словно меня ударило током.

Странное озарение: я понял, что эти истории не похожи ни на какие другие, известные мне. Такое впечатление, что я присутствовал на месте описываемых событий, был их свидетелем. Я не просто внимал рассказам Женщины в белом, а действительно видел образы и слышал голоса – похоже на сон, но в то же время реальнее любого сна.

– Вы уверены, что хорошо себя чувствуете? – спросила Женщина в белом. – Вы довольно бледны.

– Вполне хорошо, мисс, благодарю вас.

Однако я чувствовал себя куда более скверно, чем хотел бы обнаружить. В купе было ужасно душно. Я встал и снова попытался открыть окно, но оно, несмотря на все мои попытки, по-прежнему не поддавалось.

Я улыбнулся Женщине в белом, мысленно браня себя за неспособность справиться с такой простой задачей. Несомненно, в ее холодной улыбке сквозило удовольствие от того, как мне неудобно.

Тут у меня внезапно закружилась голова, и я вынужден был схватиться за багажную полку, чтобы не упасть, а вагон и все его пассажиры, казалось, вращались вокруг меня словно в водовороте.

– Позвольте вам помочь. – Женщина в белом поднялась и протянула ко мне руку.

– Нет! – сказал я резче, чем намеревался. Однако мне действительно не хотелось, чтобы со мной нянчилась эта странная женщина.

К тому же меня встревожило то, как она потянулась ко мне. Я подумал, что все дело в головокружении, но она двигалась до жути плавно и быстро, так что я отскочил.

Я откинулся на своем сидении, и постепенно вращение замедлилось, а потом прекратилось, хотя все вокруг оставалось расплывчатым. Я остановил взгляд на Женщине в белом, которая теперь являла собой пример английской сдержанности, держась благопристойно и чопорно и посматривая в окно.

– Очевидно, о нас забыли, – сказал я, силясь прийти в себя, и проследил за ее взглядом, обращенным на тоннель. – Сколько мы уже сидим здесь, и никто не прошел мимо, ни в поезде, ни снаружи. Просто возмутительно!

Я не знал, возмутительно это на самом деле или нет, но мне понравилось, как прозвучали мои слова. Без сомнения, отец выразился бы точно так же. Почему бы этой женщине просто не сказать мне, который час? Я уныло взглянул на спящих пассажиров. Может, этим джентльменам и нет нужды торопиться, думал я, но мне-то нужно попасть в Лондон. Чем бы ни была вызвана задержка, должны же нам по крайней мере сообщить о том, как продвигается ее устранение.

Я думал об этом довольно истоково, и моя голова не преминула закружиться снова. Виски пронзила острая боль, и я на мгновение закрыл глаза. Когда же я открыл их снова, лицо Женщины в белом оказалось угрожающе близко к моему.

– Я уверена, что все будет в полном порядке. – Ее улыбка словно сообщала, что находиться здесь моей спутнице не менее приятно, чем в любом другом месте, и что спешить ей совершенно некуда.

– Но я не могу просто сидеть тут весь день, – нерешительно сказал я. – У меня дела.

Я поглядел на наших спящих попутчиков и намеренно заговорил громче в надежде их разбудить. Неужели в этом поезде никто, кроме меня, не боится опоздать?

– Терпение – это добродетель, – сказала Женщина в белом.

– У меня была гувернантка, которая часто так говорила, – сказал я. – «Терпение – это добродетель. Терпение – это добродетель». Прямо как попугай, правда, попугаи гораздо красивее. Бог мой, как же я ее ненавидел.

Тут я понял, что мои слова можно расценить как скрытый упрек в адрес Женщины в белом, и покраснел. Ей мое смущение, кажется, доставило удовольствие.

– Вы очень плохо относились к своей гувернантке? – спросила она.

– Ну, я... Хм, я не... – пробормотал я.

По правде говоря, я действительно относился к своей гувернантке очень плохо. Я превратил жизнь этой бедной женщины в кошмар только по той причине, что мог это сделать.

Мои родители вели себя по отношению к ней так же, как и к прочим слугам, а иногда и хуже, ведь прочих слуг – по крайней мере, большинство из них – мать с отцом поневоле уважали. Но работа гувернантки не приносила плодов в виде идеально отглаженных рубашек или изысканных десертов. Когда гувернантка исполняла свою работу хорошо, ее не замечали, но если она не справлялась со своей самой важной задачей – избавить родителей от того, чтобы я их каким-либо образом беспокоил, – на нее сердились.

– Гувернантки часто несчастливы, – с грустью сказала Женщина в белом.

– Вам это известно из опыта? – спросил я, ведь хотя она и не была учительницей, но в своей чопорности чем-то напоминала гувернантку.

– Бог с вами, нет, – ответила она. – Я никогда не служила гувернанткой, хотя нескольких мне довелось знать. Рассказать вам об одной из них?

– Я не...

– Что ж, прекрасно.

Гувернантка

Амелия Спенсер сидела в элегантной гостиной и разглядывала ее, когда каретные часы⁵ на каминной полке пробили четверть часа. Комната была обставлена дорого и со вкусом, и хотя зачастую гостиные бывают олицетворением женственности, однако здесь – как и во всем доме – женственность сочеталась с особой уверенностью, что Амелия полностью одобряла.

На миссис Роланд, ее новой нанимательнице, было строгое платье темных тонов. Она одевалась так с тех пор, как ее супруга командировали защищать Британскую Империю в пустынях Афганистана. Они любили друг друга столь крепко, что переживали разлуку словно траур, несмотря на длинные нежные письма, которые миссис Роланд получала от мужа.

В последнее время это ощущение усилилось. От мужа не было вестей с тех пор, как он написал ей из Кабула, сообщая, что его кавалерийский полк направится в Кандагар. Однако прошло уже почти два месяца. И все же, сев напротив новой гувернантки, миссис Роланд улыбнулась ей с искренней теплотой. Все, что могло отвлечь ее от мыслей о бедственном положении любимого мужа, было для нее теперь желанным подарком.

– У вас великолепные характеристики, мисс Спенсер, – сказала миссис Роланд, имея в виду, что у Амелии великолепные рекомендации; составить окончательное суждение о собственном характере девушки миссис Роланд только предстояло, однако такова ее природа – думать обо всех, кто ей встречался, положительно, и муж находил эту ее черту столь же очаро-

⁵ Каретные часы – специальные дорожные часы с ручкой наверху, изобретенные в 1790-х годах. Состоятельные путешественники брали такие часы с собой в поездки, отсюда и пошло их название.

вательной, сколь и раздражающей. – Полагаю, Фанторпам было очень жаль расстаться с вами, дорогая.

– Честно говоря, мэм, – сказала Амелия, – теперь они не слишком во мне нуждаются; всех детей отослали в школу. Майор Фанторп вскоре присоединится к своему полку в Индии, а миссис Фанторп будет его сопровождать. Даже не знаю, каково ей придется в таком климате. Она такая... хрупкая.

Миссис Роланд кивнула, удивившись, впрочем, что Амелия позволила себе высказать мнение о своей прежней нанимательнице, однако она решила на первый раз закрыть на это глаза.

– Вы так молоды, мисс Спенсер, – продолжила хозяйка дома. – Вы ведь больше нигде не служили гувернанткой, кроме Грейт-Нитердена, не так ли?

– Да, мэм. – сказала Амелия. – Майор и миссис Фанторп дружили с моим отцом и были так любезны, что предоставили мне мое первое место. Я очень им обязана.

Так оно и было. Если бы во время осады Дели в 1857 году отец Амелии не спас майора Фанторпа от изрядно вооруженного сипая, покусившегося на его жизнь, рекомендации мисс Спенсер были бы совсем другими: в них говорилось бы о резких перепадах настроения, безразличии к детям и неподобающей и неразделенной привязанности к самому майору.

– Думаю, вы станете детям замечательным другом, – сказала миссис Роланд. – Надеюсь, вы будете с нами очень счастливы.

– Не сомневаюсь, мэм, – ответила Амелия.

– Итак, Мэри уже показала вам комнату. Полагаю, она вас устроила?

– Комната прекрасная, мэм. Мне в ней будет очень удобно.

– Есть ли у вас вопросы касательно службы здесь? – спросила миссис Роланд. – Может быть, вы хотели бы что-то узнать?

– Нет, мэм, – сказала Амелия. – Ваше письмо было очень подробным.

– Великолепно. – Миссис Роланд встала и протянула ей руку. – Тогда мне остается только сказать вам: добро пожаловать в Пэнтон-Мэнор.

Амелия пожала руку миссис Роланд.

– Благодарю, мэм. Когда я познакомлюсь с детьми?

– Они очень ждут встречи с вами, мисс Спенсер. Полагаю, для этой цели вполне подойдет ленч.

– Как пожелаете, мэм. – Амелия надеялась, что не слишком обнаружила свое недовольство этой идеей. Она предпочла бы познакомиться с детьми в более формальной обстановке и убедиться, что они осведомлены о ее ожиданиях с самого начала.

– Что ж, мисс Спенсер, тогда встретимся в двенадцать часов. Может быть, до ленча вы захотите прогуляться по парку? В это время года он чудесен.

– Да, мэм, – сказала Амелия. – С большим удовольствием.

Парк, как и говорила миссис Роланд, был действительно чудесен. Широкая лужайка вела вниз к зеленому рву, за которым простирались целые акры угодий.

В тени бесчисленных деревьев лежали овцы с ягнятами, а вершину холма на западе венчал павильон в виде полуразрушенного аббатства, чьи стрельчатые окна и зубчатые стены резко выделялись на фоне лазурного неба.

В поисках тени Амелия укрылась в обнесенном высокими кирпичными стенами саду. Рядом с одной из них нашла скамью – под грушевым деревом, в снежно-белых цветах которого с жужжанием копошились пчелы.

Работавший неподалеку загорелый садовник поприветствовал ее, коснувшись шляпы, и вернулся к своим делам. Амелия вытащила из кармана часы и увидела, что до встречи с новыми подопечными у нее есть еще десять минут, чтобы насладиться тишиной и покоем, –

и ровно столько же, чтобы собраться с мыслями, как следует настроиться и произвести нужное впечатление. Это ее новое место, и она намерена сделать так, чтобы с самого начала все шло точно по плану.

Амелия закрыла глаза. Садовник только что подстриг кусты, было слышно, как шуршат срезанные ветки, которыми он нагружал тачку, и как, постепенно стихая, грохочет колесо по гравийной дорожке, пока он везет свой груз на компостную кучу.

Услышав приближающиеся шаги, Амелия открыла глаза, ожидая увидеть садовника, однако в конце дорожки у проема, в котором, должно быть, он и исчез, стояли трое детей: мальчик лет десяти, еще один лет восьми и девочка поменьше. Младший мальчик шагнул вперед.

– Здравствуйте, мисс. Это вы наша новая гувернантка?

Амелия выпрямилась и расправила юбку, смущенная, что ее застали в такой непринужденной позе.

– Здравствуйте, дети, – сказала она. – Да, вы правы. Меня зовут мисс Спенсер.

– Мисс Спенсер? – переспросила девочка, хихикая и толкая локтем стоящего рядом мальчика. – Как здорово.

– Да, мисс Спенсер. – Улыбка Амелии мало-помалу исчезала.

Их определенно следует поучить хорошим манерам, подумала она.

– А кто же вы? – спросила Амелия.

– Меня зовут Эндрю, – ответил младший мальчик. – А это противное существо – моя сестра Сесилия, хотя все зовут ее Сисси.

Старший мальчик промолчал. Когда Амелия посмотрела на него, он ответил высокомерным взглядом, который поразил и испугал ее.

– А ты, должно быть, Натаниэль, – сказала она, вспомнив, что миссис Роланд упоминала имена детей в своем письме. Он усмехнулся в ответ.

Эндрю и Сесилия уставились на Амелию широко раскрытыми глазами, переглянулись и снова посмотрели на нее.

– Не Натаниэль, – нахмурилась Сесилия. – Это Даниэль.

Амелия вздрогнула: как могла она допустить столь глупую ошибку? При детях она всегда старалась быть особенно безупречной. Ни за что нельзя дать им понять, что ты можешь ошибиться. Это плохо сказывается на дисциплине. Какая досада! Она была уверена, что в письме миссис Роланд называла мальчика Натаниэлем.

– Ты приехал домой на каникулы? – спросила его Амелия.

Однако вместо ответа дети повернулись и бросились бежать по дорожке. Амелия нахмурилась.

– Ну и ну, – сказала она сама себе. – Работы у меня здесь, как я вижу, будет невпроворот. – Она взглянула на карманные часы. – Подумать только, уже столько времени! Я не могу опоздать на ленч. Это будет совсем некстати.

Амелия подняла взгляд и увидела, что теперь на месте детей стоит садовник.

– Простите, мисс, вы что-то сказали?

– Да... Нет... Я разговаривала с детьми.

Садовник улыбнулся и кивнул.

– Выходит, сорванцы уже успели задать вам хлопот? Я слышал, вы поминали Даниэля. Пожалуй, вы получили работы побольше, чем рассчитывали. Может, стоит попросить прибавки к жалованию. – Садовник подмигнул ей.

Амелии не слишком понравился его чересчур фамильярный тон.

– Дети не задали мне совершенно никаких, как вы выразились, хлопот, – фыркнула она. – А если попытаются, то убедятся, что мне по силам справиться с любой шалостью, какую бы они ни выдумали.

Садовник посмотрел на нее долгим взглядом, от которого Амелии стало не по себе.

– Не хотел вас обидеть, мисс, – сказал он наконец.

– Что же до Даниэля, – Амелия поднялась на ноги, – он узнает, что я строга, но справедлива.

Садовник нахмурился, будто собираясь сказать что-то еще, но Амелия не дала ему этого сделать.

– Прошу прощения, – сказала она. – Но мне нужно возвращаться в дом. Меня ждут к ленчу. До свидания.

– Мэм. – Садовник тронул шляпу и вернулся к работе, словно Амелии здесь и не было.

Она удалилась со всем достоинством, которое только могла продемонстрировать. Пусть этот мужлан увидит, что уж у нее какое-никакое воспитание имеется, но все усилия пропали даром: она ступила не на ту тропу и была вынуждена вернуться обратно.

Амелия могла бы поклясться, что садовник усмехнулся, когда она прошла мимо, и, направляясь к дому, она чувствовала, как краска заливает ей лицо.

– Моя дорогая мисс Спенсер, – встретила ее миссис Роланд, – боюсь, вы слегка обгорели.

– Я просто немного запыхалась, мэм, – ответила Амелия.

– Сегодня действительно жарко, – сказала миссис Роланд. – Входите же, садитесь. Джейн, налей мисс Спенсер лимонада. Вот сюда, к детям. Так вам будет лучше видно друг друга.

На одном конце обеденного стола сидели трое детей, которых Амелия встретила в саду. Когда она приблизилась, Эндрю и Сесилия встали. Даниэль с угрюмым и упрямым видом остался на месте.

– Добрый день, мисс Спенсер, – поздоровался Эндрю, словно они виделись впервые.

– Добрый день, – ответила Амелия.

– Вы гораздо красивее, чем наша прошлая гувернантка, – сказала Сесилия.

– Сисси, в самом деле. Как можно говорить такое. – Миссис Роланд повернулась к Амелии с заговорщической улыбкой. – Но, боюсь, это правда. Мисс Картрайт была довольно невзрачна.

Амелия улыбнулась, но ее занимало другое. Под столом что-то шевелилось и терлось о ее ноги. Она дернула стопой, и из-под стола выскочила рыжая кошка, большая и мохнатая.

– Эндрю, ты же знаешь: я не одобряю, когда Молли ходит здесь во время еды. – Миссис Роланд и повернулась к Амелии. – Дети ее обожают, мисс Спенсер.

Амелия улыбнулась. Обожают они кошку или нет, она позаботится о том, чтобы это мерзкое существо держали во дворе, где ему самое место. Ей предстоит очень много работы. Очень много.

На протяжении всей сцены Даниэль не пошевелился и не вымолвил ни слова, он просто сидел и смотрел на Амелию с выражением такого злобного и заносчивого презрения, что ей пришлось собрать всю силу воли, чтобы не отчитать его прямо на месте. Эндрю проследил за ее взглядом и улыбнулся.

– О, это Даниэль. Он не слишком хорошо ладит с незнакомыми.

Амелия тоже улыбнулась.

– Уверена, что мы с Даниэлем подружимся, когда он узнает меня чуть получше.

Миссис Роланд с улыбкой коснулась руки гувернантки. Амелии показалось, что она заметила в глазах своей хозяйки слезы.

– О, моя дорогая, мне кажется, дети вас полюбят всем сердцем. Правда, мои ягняточки?

– Да, матушка, – ответил Эндрю с вежливым воодушевлением.

– Что ж, я оставлю вас знакомиться. У меня назначен обед с мистером Трэверсом. Он хочет обсудить какие-то скучные дела: это жутко утомительно, но необходимо. Ведите себя хорошо, мои золотые.

Она встала, и Амелия тоже было поднялась на ноги, но миссис Роланд положила руку ей на плечо.

– Прошу вас. – Она улыбнулась. – Нет нужды вставать, моя дорогая. У нас не приняты такие церемонии. Увидимся позже.

Они принялись за еду. Амелия взялась распоряжаться слугами и все это время наблюдала за Даниэлем с растущим чувством тревоги и злости. И хотя выходки Даниэля и потачки его матери возмутили ее, она сочла, что не торопить события будет мудрее. Ей хотелось увидеть истинные масштабы скверного поведения мальчишки.

подавали блюдо за блюдом. Каждый раз порция Даниэля оказывалась чуть меньше, чем у остальных детей, но он ни к чему не притронулся.

– Кажется, Даниэлю не нравится еда, – обратилась Амелия к Эндрю тоном, с помощью которого надеялась создать ложное впечатление, что подобные вещи ее ничуть не волнуют.

– Даниэль очень привередливый, – сказал Эндрю.

– Да, – добавила Сесилия со смешком, показавшимся Амелии неприятным. – *Очень привередливый.*

Даниэль показал Сесилии язык.

Амелия не намеревалась глотать наживку, которую ей предлагали. У нее будет достаточно времени разобраться с Даниэлем. Судя по степени попустительства со стороны миссис Роланд, было совершенно очевидно, что сейчас для этого не время и не место.

Однако Амелия знала: если она собирается выполнить ту работу, для которой ее наняли, ей придется подчинить себе мальчику, чьего надменного взгляда она искусно избегала, и сделать это надо прежде, чем он отравит души брата и сестры своим влиянием. В их поведении уже появлялись первые признаки своеволия.

Все блюда Даниэля унесли нетронутыми, и Амелия мысленно задавалась вопросом, как может миссис Роланд потворствовать таким фокусам. Если ее не волнует поведение ребенка, должна же она беспокоиться о его здоровье? Неудивительно, что мальчик такой худой и недовольный.

Миссис Роланд сказала, что Амелии нет нужды приступать к работе в тот же день. Пусть сначала обустроится в своей новой комнате – небольшой, но красиво отделанной. Она располагалась рядом с детскими, и ее окна выходили на обнесенный стеной сад, в котором Амелия уже побывала.

Из окна она видела, как Эндрю и Сесилия играют на ближайшей лужайке. Даниэль стоял в стороне, в тени остролиста. Пока Амелия смотрела на него, он медленно повернулся и тоже бросил на нее взгляд, исполненный глубочайшего презрения.

«Что за пренебрежительный мальчишка, – подумала она. – Но и я могу доставить тебе неприятности. Скоро ты меня узнаешь». Тем не менее, этот мальчик встревожил ее больше, чем можно было бы ожидать.

Амелия и миссис Роланд ужинали вдвоем, отдельно от детей, но хозяйка дома объяснила, что в дальнейшем они будут собираться за столом по вечерам все вместе. Амелия порадовалась, что ей не придется снова терпеть то ужасное поведение, которое Даниэль продемонстрировал за ленчем. Она утомилась и совсем не была уверена, что смогла бы вынести его с тем же стоицизмом, который проявила ранее.

Миссис Роланд осторожно расспрашивала Амелию о службе у Фанторпов, но той удалось дать расплывчатые ответы и избежать откровенной лжи. Очевидно, что ее новая хозяйка – очень милая женщина, и Амелию внезапно охватило желание ей помочь. Ее захлестнула волна сочувствия. Похоже, оставшись одна, миссис Роланд просто не справляется с тем поведением, которое дети выказывают, вероятно, из-за отсутствия отца.

Она спасет этот дом от катастрофы. Она поможет миссис Роланд снова стать главной над своими детьми и спасет этих детей – особенно Даниэля – от самих себя. Им необходима твердая рука. Амелия это докажет.

Когда Амелия наконец пожелала миссис Роланд доброй ночи и удалилась в свою комнату, она сочла своим долгом сначала провести детей. Поворачивая ручку двери, ведущей в спальню Даниэля и Эндрю, она испытала дурманящее чувство, что именно теперь ее жизнь в этом доме действительно началась.

В детской было темно, но глаза быстро привыкли к мраку. Детей в комнате было двое, но что-то было не так.

– Сесилия, что ты здесь делаешь? – спросила Амелия. – Уже очень поздно. И где, позвольте спросить, Даниэль?

В ответ последовали сдавленные смешки, и Амелия, пытаясь сдержать вспышку гнева, почувствовала, что ее сердце забилося быстрее.

– Отвечайте сию же минуту, – прошипела она.

– Его здесь нет, мисс, – ответила Сесилия.

– По ночам его здесь не бывает, мисс, – сказал Эндрю.

– Не бывает? – переспросила Амелия. – Что за небылицы ты рассказываешь, глупый мальчишка?

– Но я не лгу, мисс, – сказал Эндрю, на этот раз очень серьезно. – Ему нравится бродить, правда, Сисси?

– Да, – ответила его сестра. – Даниэль любит бродить по дому по ночам. Он говорит, ему нравится знать, кто и что делает.

– О, да что вы говорите! – сказала Амелия. – А что же ваша мать? Что она думает о том, что Даниэль, как вы выражаетесь, «бродит»?

– О, она об этом не знает, – сказал Эндрю.

– Очень в этом сомневаюсь.

– Это так, мисс Спенсер, – сказала Сисси. – Мы бы не стали вам лгать. Правда, Эндрю?

– Конечно нет, мисс, – произнес Эндрю весьма торжественно.

Мисс Спенсер была уверена, что над ней издеваются. Она фыркнула и сжала губы, рассерженная, что они посмели разыгрывать ее в столь бесстыдной манере. Как много предстоит сделать, подумала она, как много изменить.

– Где он? – спросила Амелия хрипло и приблизилась к Сисси. – Где Даниэль?

– Мы не знаем, – сказал Эндрю. – Честно, не знаем. Пожалуйста, не говорите с Сисси таким страшным голосом. Даниэль никогда не рассказывает нам, куда идет. Он просто уходит, а потом возвращается. Он такой. С вашей стороны гадко обвинять Сисси.

– Гадко? Гадко? – Амелия остановилась, чтобы сделать глубокий вдох. – Что ж, я вижу, работы у меня будет предостаточно, но зарубите себе на носу – и Даниэль в том числе, если он прячется там за кушеткой, а я думаю, что так оно и есть: Амелия Спенсер не сдастся перед лицом трудностей; как раз наоборот. Спокойной вам ночи.

Несмотря на резкий тон, Амелия, закрывая за собой дверь, удивилась, что руки у нее вспотели.

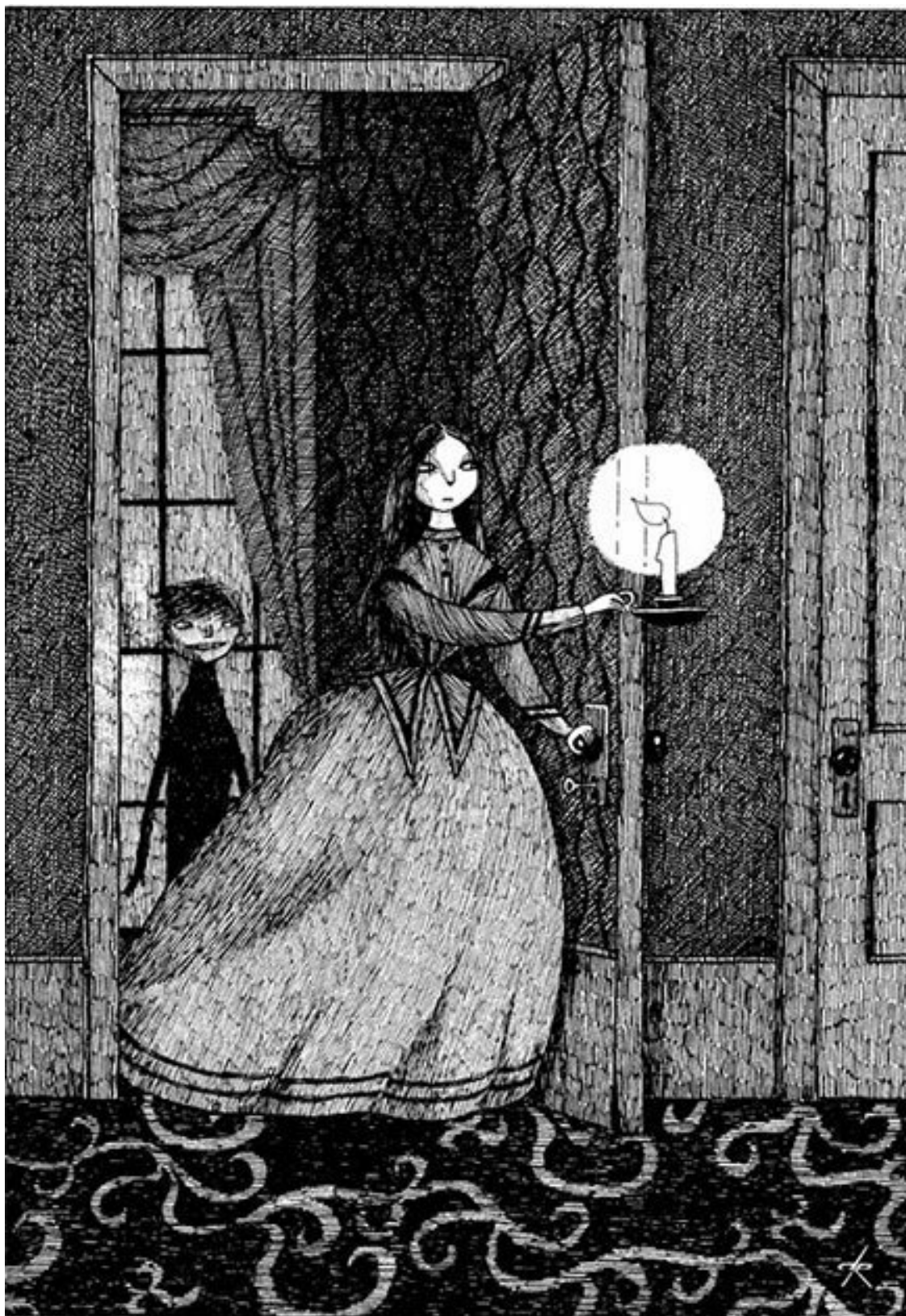
Что-то в этих детях ее тревожило. Ей, как и всем гувернанткам, и раньше приходилось иметь дело с капризами и своеволием, но на этот раз все складывалось как-то иначе.

Эндрю и Сесилия чересчур непослушны и дерзки, но она, конечно, сможет это исправить, надо только укротить Даниэля. Все дело в нем, в этом она совершенно уверена.

Однако ей придется непросто, ведь миссис Роланд, очевидно, из тех родителей, что позволяют детям отбиться от рук, а потом ожидают, что их ошибки будут исправлять гувернантки и школьные учителя. Расчесывая волосы, Амелия услышала в коридоре шум. Она подошла к двери, открыла ее и, выглянув в коридор, быстро посмотрела направо и налево.

Пламя свечи давало совсем немного света. В двадцати ярдах мог стоять целый дивизион Шотландской гвардии, но в таком мраке Амелия не разглядела бы и латунной пуговицы.

И все же она была уверена, что Даниэль здесь и наблюдает за ней, и Амелия криво усмехнулась той наивности, с которой он пытался испугать ее, но улыбка получилась более вымученной, чем ей бы хотелось. Она разберется с Даниэлем утром.

Амелия вернулась к себе, снова закрыла дверь и охнула, чуть не выронив свечу: Даниэль стоял посреди комнаты.

– Убирайся сию же секунду! – сказала Амелия и свободной рукой стала нащупывать дверную ручку, пока дверь наконец со скрипом не отворилась.

Даниэль только улыбнулся и приблизился к ней. Он остановился и посмотрел гувернантке в лицо с жестоким равнодушием, словно она – муха, которую он сейчас прихлопнет. Затем он как ни в чем не бывало прошел мимо и покинул комнату.

С колотящимся сердцем Амелия постояла так еще мгновение, затем поспешно захлопнула дверь и повернула в замке ключ. Пошатываясь, она подошла к кровати и села, глубоко дыша, чтобы успокоиться.

– Завтра я разберусь с тобой, мальчишка, – сказала она себе. – Даже не сомневайся.

Той ночью Амелия спала довольно беспокойно, и ей пришлось почти десять минут собираться с духом, прежде чем она смогла присоединиться к семье за завтраком.

Она решила, что лучше всего будет поговорить с миссис Роланд, высказать ей свои тревоги касательно детей и спокойно, но твердо объяснить, что ей, как гувернантке, должны быть предоставлены полномочия, чтобы она могла установить их поведению границы.

Однако это намерение скоро испарилось: на протяжении всей трапезы Даниэль, как и накануне, ничего не ел, а только смотрел на нее со своим обычным презрительным видом. Молли потерялась о ногу Амелии, и та пнула ее, от чего кошка взвизгнула и выскочила из-за стола, прижав уши и распушив хвост.

– Нет, нет! – вскрикнула Амелия, отбрасывая салфетку гораздо яростней, чем намеревалась, и чайная ложка со звяканьем запрыгала по столу. – Это невыносимо!

– Дорогая моя! Что такое? – спросила миссис Роланд.

– Не понимаю, как вы можете задавать подобный вопрос. – Голос Амелии прерывался от возмущения.

– Но я не понимаю. – Миссис Роланд встревоженно посмотрела на детей. – Если вас так беспокоит Молли...

– Молли здесь ни при чем! – воскликнула Амелия.

Миссис Роланд нахмурилась и жестом велела горничной уйти – та стояла и с раскрытым ртом наблюдала за дерзким выпадом Амелии.

– В чем дело, дорогая? Возможно, вы хотите поговорить наедине? – спросила миссис Роланд тихо.

– Дело в *нем*, мэм, – ответила Амелия, указывая на Даниэля.

– В ком? – Миссис Роланд выглядела озадаченной.

– В Даниэле, разумеется! – ответила Амелия раздраженно.

– Даниэле? – переспросила миссис Роланд.

Сесилия захихикала, и Эндрю пнул ее.

– Ай!

– Дети, идите в свои комнаты, – велела мать.

– Но, матушка... – начал было Эндрю.

– Сию же секунду, – отрезала миссис Роланд. – Мне нужно поговорить с мисс Спенсер наедине.

– Я бы предпочла, чтобы Даниэль остался, – сказала Амелия самым строгим тоном, на какой была способна. – Он бродит ночами по дому и даже имел наглость войти в мою комнату и вести себя самым вызывающим образом.

Дети остановились как вкопанные и выжидающе уставились на взрослых. Миссис Роланд прижала ладонь к губам, глядя на Амелию так, будто внезапно ее испугалась.

– Сисси, Эндрю, идите к себе! – сказала она. – И, пожалуйста, не заставляйте меня повторять это еще раз.

Дети не привыкли, чтобы мать говорила с ними таким резким тоном, и вышли из комнаты без дальнейших возражений. Амелия посмотрела через стол на Даниэля, и тот ответил дерзким взглядом. Миссис Роланд сложила руки словно в молитве, и начать разговор пришлось Амелии:

– Извините, мэм. Мне следовало высказаться более сдержанно. Но я полагаю, что Даниэлю нужна твердая рука, а не то...

– Мисс Спенсер, – перебила миссис Роланд. – Мне кажется, что этот вздор пора прекратить.

– Прошу прощения, мэм?

– Сперва я восхитилась тем, что вы поддержали выдумку детей с тем же великодушием, что и я. Возможно, я поступила опрометчиво, но ведь их отец уехал. Однако теперь мне кажется, что это их тревожит.

– Тревожит *их*? – переспросила Амелия, бросая злобный взгляд на Даниэля: тот улыбнулся. – Так, значит, Даниэлю будет позволено вести себя со мной так, как ему вздумается?

Миссис Роланд снова поднесла руку ко рту, и Амелия поразилась, увидев в ее глазах слезы.

– Но, дорогая моя, – сказала миссис Роланд. – Даниэль – бедный мальчик из цыганской семьи, которого мы взяли на воспитание два года тому назад. Мы так и не узнали, как его зовут на самом деле, ведь он был немой и не умел писать.

– Из цыганской семьи? – Амелия была сбита с толку. Она заметила, что Даниэль, несмотря на бледность, довольно смуглый и не слишком похож на Эндрю и Сесилию, но не придала этому значения. – Я все-таки не понимаю, к чему вы клоните, мэм.

– Бедняжка попал в ловушку браконьеров, и его бросили. Ему наверняка было ужасно больно, но он не издал ни звука. Мы взяли мальчика к себе и сделали для него все, что могли. Но, боже мой, каким же он был сорванцом.

– Был? Боюсь, он таким и остался, – сказала Амелия. – Меня восхищает, что вы проявили христианское милосердие, приграв этого мальчика, мэм, но совершенное отсутствие манер и разумных норм поведения, по-видимому, говорит об отсутствии благодарности, и это...

– Но, моя дорогая, Даниэль умер, – тихо сказала миссис Роланд. – Год назад.

Амелия уставилась на нее, пытаясь понять, что она такое говорит.

– Что вы имеете в виду, мэм? Но кто же тогда это? – И Амелия указала на место за столом.

– Прекратите! Прекратите сейчас же! – закричала миссис Роланд, вскакивая на ноги. – Там никого нет!

Амелия посмотрела на Даниэля снова. Тот ухмыльнулся.

– Но что вы хотите сказать? Я же вижу... Он сидит прямо здесь! – воскликнула Амелия.

Миссис Роланд отшатнулась, отказываясь взглянуть туда, куда указывал трясущийся палец Амелии. По ее щекам текли слезы.

– Иногда за игрой дети говорили, что Даниэль с ними, и я, вероятно, по глупости, потакала им. У меня и в мыслях не было, что это им навредит. Я решила, что так они переживают потерю. У многих детей есть воображаемые друзья.

– Воображаемые друзья? – переспросила Амелия, глядя на миссис Роланд, и перед глазами у нее все затуманилось и поплыло. – Но ведь вы писали мне о Даниэле в своем письме.

– Я писала о *Натаниэле*. Натаниэле. Это наш старший, он уехал в школу.

– Натаниэль? – тихо повторила Амелия. И вправду. Теперь она вспомнила. В письме *действительно* упоминался Натаниэль. Ей стало дурно. Мысли кружились, как листья в осеннем вихре.

– Ох, моя дорогая, – сказала миссис Роланд. – Думаю, мне следует сообщить вашим родителям.

– Нет... Прошу вас...

– Я вынуждена настаивать. – В голосе миссис Роланд прибавилось твердости. – Так будет лучше. Вы не в себе.

Амелия снова посмотрела на Даниэля, но теперь, сколько бы она ни глядела, его стул был пуст. Когда она обернулась к миссис Роланд, та уже выходила из комнаты.

Станным образом Амелия почувствовала, что сжимается, словно она, как Алиса на пути в Страну чудес, сейчас попадет в новый мир, где все бессмысленно. Она копалась в памяти, лихорадочно перебирая часы, проведенные в этом доме, искала подтверждения того, что Даниэль столь же реален, каким кажется, однако находила лишь фыркающих садовников да хихикающих детей.

Молли принялась играть с ее шнурками, но на этот раз Амелия слишком ослабела, чтобы оттолкнуть ее ногой. Будто в трансе, она отодвинула стул и приподняла скатерть, чтобы прогнать кошку из-под стола, но тут же опрокинулась назад: из темноты на нее с жуткой ухмылкой надвигался Даниэль.

Впоследствии миссис Роланд рассказывала друзьям, что подобного крика она не слышала ни разу в своей жизни и точно не хочет слышать больше никогда и что, вернувшись в столовую, она увидела, как бедная обезумевшая девушка бешено сучит ногами в воздухе так, словно на нее напал сам дьявол.

Она села рядом с Амелией и обняла ее, велев горничной вызвать доктора. Тот прибыл через несколько минут и немедленно связался с лечебницей для душевнобольных при монастыре в Беннигтоне. До нее всего две мили.

Пока они ждали, Амелия мало-помалу перестала брыкаться так сильно, но миссис Роланд видела, что с лица девушки все еще не сошло выражение ужаса. Она уставилась в одну точку, и миссис Роланд поневоле проследила за ее взглядом, но увидела только собственных дорогих детей, которые без единого слова вошли в комнату. Сесилия держала Эндрю за руку. Вторая рука у нее висела вдоль тела, а пальцы были согнуты, будто их сжал кто-то незримый, стоящий рядом с ней. Затем так же безмолвно дети повернулись и вышли.

* * *

Замолчав, моя рассказчица с удовлетворением откинулась на спинку сиденья, чуть улыбаясь плотно сжатыми губами, ее глаза блестели, как будто она только что прочла самую духоподъемную и поучительную проповедь.

Боюсь, однако, что выражение моего лица было не совсем таким. Образ того призрачного мальчика почему-то особенно меня встревожил. Я почувствовал необходимость обсудить историю, чтобы освободиться от нее.

– Так, значит, гувернантка была душевнобольной? – нарушил я тишину.

– Если и так, то теперь она излечилась, – сказала Женщина в белом, издав пугающе неуместный смешок.

– Я хочу сказать, возможно, у нее были галлюцинации? – не сдавался я.

– Вы хотите найти этому подтверждение. – Женщина в белом смотрела на меня так, словно она была нянькой, а я – четырехлетним мальчиком, который оцарапал колено. – Хотите, чтобы вас в этом уверили. Вам хочется, чтобы существовало разумное объяснение.

Конечно, все сказанное ею – правда, и все же что-то в ее голосе заставило меня поежиться. Однако мне снова стало трудно сосредоточиться, поскольку усталость навалилась на меня с новой силой.

– Прошу прощения, но вы снова говорите так, словно все это произошло на самом деле, а не в рассказе, – сказал я. – Однако я всего лишь пытался понять героиню и возможный ход ее мыслей.

– Понимаю, – ответила Женщина в белом и замолчала.

Мимо моего лица лениво прожужжала муха и, словно пьяная, врезалась в оконное стекло. Она предприняла несколько попыток пробиться сквозь это препятствие и, не справившись с ним, снова принялась растерянно кружить по купе. Петляющая траектория ее полета даже несколько заворачивала.

Муха села на голову спящего Хирурга и поползла по его лбу. Я, ухмыляясь, глядел на него, ожидая, что он вдруг проснется и станет смешно махать руками и бранить назойливое насекомое.

Однако, к моему растущему изумлению, муха продолжала путешествие по лицу Хирурга, а у него лишь едва заметно дернулась бровь.

Тем не менее этого было достаточно, чтобы убедить муху сняться с места, и она снова начала хаотично метаться по купе. Даже не взглянув на нее, Женщина в белом протянула руку и вынула муху из воздуха.

Она проделала это так аккуратно, что не исчезни насекомое, я бы, вероятно, ничего не заметил. По-прежнему не переводя взгляда, она раскрыла ладонь, и мертвая муха упала на пол.

– Терпеть не могу мух, – сказала Женщина в белом. – Пожалуй, пора бы и привыкнуть к ним, но увы.

Это был такой немыслимый поступок – в особенности для благообразной молодой женщины, – что я почти сразу засомневался в увиденном, к тому же мои веки снова тяжелели, и все вокруг расплывалось. Может быть, мне это померещилось? Что-то вроде видения моей мачехи. И все же вот она, муха, лежит на полу – мертвая. В этом нет сомнений.

Однако, вспомнив о мачехе, я снова почувствовал, что не засыпать и быть настороже почему-то жизненно важно. Нужно продолжать беседу. Нужно, чтобы мозг не переставал работать.

– Вы, кажется, не слишком сочувствуете героям ваших историй, – сказал я, отрывая взгляд от мухи. – Простите за откровенность, но это, пожалуй, немного *неженственно*.

– Да что вы? – Она приподняла брови. – Дорогой мой, вам еще многое предстоит узнать.

– Я лишь имею в виду, что женщины по своей природе более заботливы.

– И тем не менее вас раздражает, когда заботу проявляет ваша мачеха.

Я нахмурился.

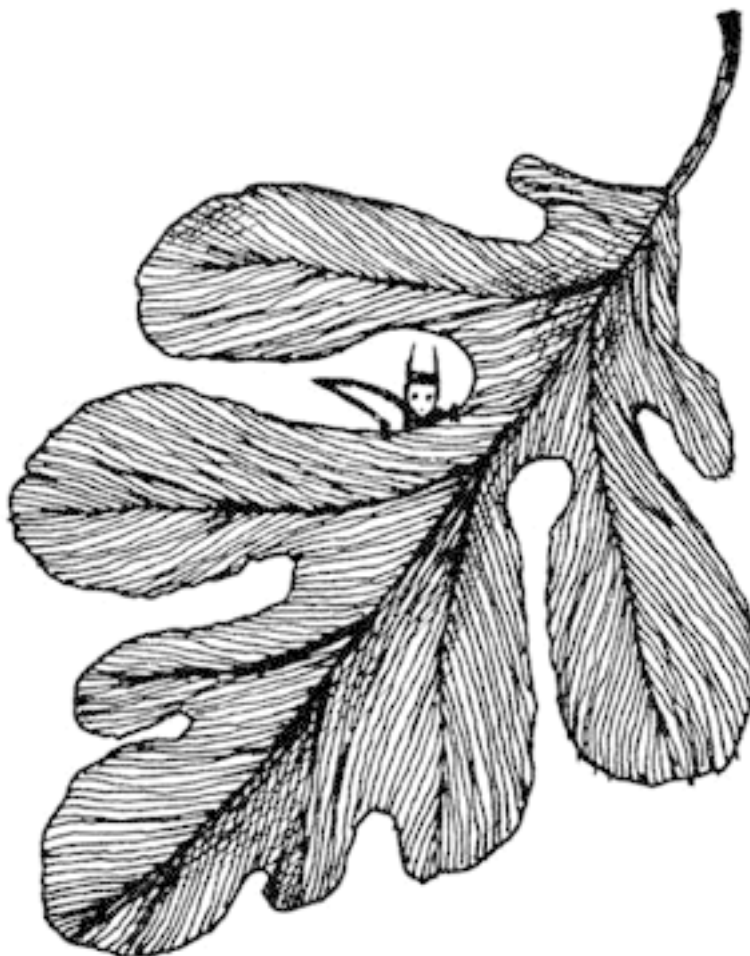
– Пожалуй, я рассказал о мачехе слишком много. Но вы, конечно, согласитесь, что леди более предрасположены к тому, чтобы печься об окружающих.

– Возможно. Но девочки бывают довольно жестоки, знаете ли.

Я должен был признать ее правоту. Однажды мой хороший школьный друг пригласил меня к себе на пасхальные каникулы, и его сестра оказалась просто гнусной. С тех пор я опасаюсь девочек.

– Девочки бывают особенно безжалостны к другим девочкам, – сказала Женщина в белом. – Вы – мальчик, никогда в полной мере не сможете этого понять. А уж когда девочки вынуждены сосуществовать против собственной воли, например, в школе или когда один из родителей вступает в новый брак и девочке достается сводная сестра, все становится еще хуже. Я знаю одну историю о таком злосчастном случае. Не хотите ли послушать?

Маленький народец

Пенелопа возненавидела свою сводную сестру. Ненависть опустилась на нее, как зимняя ночь: резко похолодало, и все чувства, которые она испытывала к Лоре, омрачились и застыли.

По правде говоря, Лора никогда и не нравилась Пенелопе, с самой их первой встречи. Когда Лора с матерью впервые приехали к ним домой, отец улыбался как идиот и объявил, что теперь у нее новая мама и сестра. Стоило Пенелопе вспомнить тот день – и ее по-настоящему мучило.

Пенелопе никогда не хотелось иметь мачеху, и, разумеется, никакой сестры ей тоже не было нужно. Не потому, что она чувствовала всепоглощающую любовь к покойной матери или хранила ей верность. На самом деле она никогда не любила мать так, как другие дети любят своих матерей.

Нет. Пенелопа ненавидела этих двух самозванок, потому что они все испортили. Когда ее мать умерла, отец стал принадлежать только Пенелопе. И она знала, что теперь, будучи вдовцом, он счастливее. Казалось, в нем появилась легкость, и Пенелопа считала, что это она помогла отцу ее обрести.

Но теперь-то ясно: он стал счастливее, потому что встретил эту женщину, это ужасное, тщеславное и самодовольное существо. Она называла себя актрисой, но на самом деле была натурщицей – или, как сама предпочитала выражаться, «музой» художников.

– Знаете ли вы, что Россетти сказал, что у меня самые красивые губы, которые он когда-либо видел? – спросила мачеха Пенелопы, выпятив нижнюю губу.

Пенелопа знала. Она, кажется, слышала эту новость уже четвертый раз. Еще она знала, что сэр Джон Эверетт Милле⁶ назвал ее «богиней» и умолял позволить ему написать ее портрет.

Но как бы ее ни раздражала мачеха, даже она не могла соперничать за неприязнь Пенелопы со своей дочерью Лорой.

Лора была совсем непохожа на мать. В отличие от нее, дочь не гонялась без устали за всеобщим обожанием и не вела себя так же несуразно, и все же ей удавалось привлечь к себе больше внимания, чем Пенелопе.

Как бы там ни было, сдержанная и замкнутая Лора была Пенелопе еще ненавистнее, чем ее мать, беспрестанно играющая на публику.

Отец Пенелопы уже взял в привычку называть Лору своим «цветочком». Всякий раз, когда Пенелопа слышала это, она словно ощущала укол иголки. Ее саму отец всегда звал только Пенелопой. Он даже не называл ее ласково «Пенни», как делала мать, – ни разу.

Из-за мачехи и ее общения – настоящего или вымышленного – с этими дурацкими художниками, которые называли себя Братством прерафаэлитов, голова у Лоры, по-видимому, забилась разными глупостями. Она постоянно пела дурацкие песенки о рыцарях-эльфах и королевах фей, и Пенелопа то и дело заставляла ее за чтением стихов. Однажды после ужина Лора даже прочла наизусть балладу *La Belle Dame sans Merci*⁷ Джона Китса.

– Зачем здесь, рыцарь, бродишь ты, – нараспев декламировала она, одетая в длинное белое платье, – один, угрюм и бледнолиц? Осока в озере мертва, не слышно птиц⁸...

Пенелопа зевала и вздыхала как могла, пока мачеха не шикнула на нее, но Лора не сбилась. И наверняка она вовсе не собиралась читать еще и «Волшебницу Шалот»⁹, но сделала это Пенелопе назло.

Пенелопа не любила ни книги, ни живопись, ни что-либо еще, и потому ей часто бывало скучно. Настолько скучно, что она даже снизошла бы до игр с Лорой, однако той никогда и ни во что играть не хотелось.

Обычно Пенелопа наблюдала, как Лора будто призрак бродит по дому или саду, спрятав нос в книгу или устремив его в облака. Она часто разговаривала сама с собой. Казалось, Лоре никто был не нужен. Она была совершенно самостоятельна и самодостаточна, и за это Пенелопа ее ненавидела.

Однажды Пенелопа бесцельно слонялась по саду и увидела, что Лора стоит у старого сливового дерева. Она всегда подозревала, что Лора располагается в таких живописных местах нарочно.

Слива отяжелела от белых цветов, в которых роились деловитые пчелы. Лора, прислонившись к серо-зеленому обросшему лишайником стволу, плела гирлянду из маргариток и по обыкновению разговаривала сама с собой. Пенелопа подошла к ней, и с дерева вспорхнула птичка.

– Ты ведь понимаешь, что с собой разговаривают только безумцы, – сказала Пенелопа. – Будь осторожна, а не то тебя отправят в лечебницу для душевнобольных.

На мгновение она позволила себе сполна насладиться этой мыслью. Лора и не подумала обернуться. Она будто знала, что Пенелопа здесь.

– Ты кончишь в сумасшедшем доме, – сказала Пенелопа. – Попомни мои слова.

⁶ Данте Габриэль Россетти (1828–1882) и Джон Эверетт Милле (1829–1896) – британские художники, одни из основателей Братства прерафаэлитов и одноименного художественного направления – прерафаэлитизма.

⁷ «Безжалостная красавица» (*фр.*).

⁸ Перевод Л. Андрусона.

⁹ Баллада английского поэта Альфреда Теннисона, основанная на средневековой легенде о девушке, умершей из-за безответной любви к рыцарю Ланселоту.

Так любила говорить ее мать, и Пенелопа заметила, что стала повторять это выражение все чаще. Ей очень даже нравилось, как оно звучит.

Лора наконец повернулась к ней:

– Интересно, за что ты меня так ненавидишь?

Теперь, когда слово «ненависть» повисло между ними, в воздухе появилось напряжение.

– Я тебя не ненавижу, – неуверенно сказала Пенелопа. – Я о тебе даже несколько не думаю.

– Зачем ты тогда ходишь за мной? – спросила Лора. – Если ты обо мне не думаешь, почему не оставишь меня в покое?

Это была правда. Пенелопа действительно ходила за Лорой по пятам. Она не могла объяснить почему, и вопрос ей не понравился.

– Я хожу, где хочу. Это мой дом. И мой сад.

– Они и мои тоже, нравится тебе это или нет.

– Вообще-то не нравится. Не нравится ничуть.

– Ну что ж. – Лора хихикнула и пожала плечами. – Не знаю, что с этим можно поделать.

Пенелопа почувствовала, как щеки заливают краска. Она терпеть не могла, когда ее лицо становилось таким, и потому разозлилась еще больше.

– Все было хорошо, пока вы не приехали! – прошипела она.

Она что, сейчас заплачет? О, хоть бы этого не случилось. Она умрет со стыда, если разревется на глазах этой мерзкой девчонки.

– Твой отец, кажется, вполне доволен тем, что мы здесь. – Лора нагнулась сорвать еще одну маргаритку.

Пенелопе хотелось пнуть ее, пнуть прямо в лицо. Сильно. И не один раз. Но она сдержалась.

– Я хотя бы не разговариваю сама с собой.

– Я разговаривала не с собой. – Лора устало вздохнула. – Я говорила с... – Она умолкла.

– С кем? – фыркнула Пенелопа. – Тут вообще-то никого нет.

Лора бросила на нее испепеляющий взгляд.

– Я говорила с маленьким народцем, – ответила она, помолчав.

Это было сказано скучливым будничным тоном, который настолько ошарашил Пенелопу, что она даже не смогла придумать достойного ответа на столь невероятное заявление. Лора и впрямь сумасшедшая.

– Да что за чушь ты несешь?

Лора только улыбнулась и снова взялась за гирлянду. Пенелопа дышала так громко, что дыхание отдавалось у нее в ушах; интересно, слышит ли его Лора? Она надеялась, что нет. Но способность Лоры не замечать ее так выводила Пенелопу из себя, что иногда она даже не знала, что ей сейчас сделает.

– Ты хочешь сказать, что видела фей? – хмыкнула Пенелопа. – Фей? Ты вообще понимаешь, как глупо это звучит? Как безумно?

Лора упорно не желала обсуждать собственную глупость.

– Так ты говоришь, что видела фей? – Пенелопа не отступала: на лице – снисходительное выражение, голос – чуть хриплый.

– Это *ты* так говоришь, – спокойно ответила Лора с полуулыбкой, которую Пенелопа видела уже много раз и которая всегда ужасно ее раздражала. Противная девчонка вернулась к своим маргариткам.

Пенелопа глядела на затылок сводной сестры, на ее длинные темно-рыжие волосы, которые блестели, словно какая-то жидкость. Она ощутила почти непреодолимое желание схватить лежащую неподалеку ветку и стукнуть ею Лору. Пенелопа даже представила, как бы захрустела ветка, ударившись о Лорин череп. Приятное чувство.

– Ну так докажи, – сказала Пенелопа, чуть задыхаясь. Ее сердце все еще колотилось при мысли о том, как бы она расквиталась с ненавистной сводной сестрой. – Докажи, что видела этих фей, или как ты их там называешь.

– Я не говорила, что это феи, – ответила Лора. – Это ты так сказала.

Пенелопа улыбнулась: вот как, теперь Лора отрешивается от своих слов.

– Я сказала, что говорила с маленьким народцем, когда ты меня увидела, – продолжила Лора. – Так оно и было. Если хочешь называть их феями – на здоровье.

Пенелопа почувствовала, что загнала Лору в угол, и, вложив в свой голос столько недоверия, сколько могла, спросила:

– Твой «маленький народец» – это, случайно, не обычные люди, просто низкого роста, как моя тетя Хэрриет? Я так понимаю, они какие-то особенные? Но, конечно, они еще и невидимые?

Лора пристально посмотрела на нее.

– Они не невидимые.

– Правда? – Пенелопа сжала губы. – Почему же тогда я никого не увидела рядом с тобой?

– Они очень застенчивы. Как только ты подошла, они улетели.

– Улетели? – Пенелопа фыркнула. – Они, значит, летают? Ты уверена, что это не феи? Это на них похоже.

– Маленький народец – и правда особенный, – сказала Лора. – Но откуда же тебе это знать? Тебя интересуют только магазины. Маленькому народцу ведомо то, чего тебе не узнать никогда.

– Что ж, – сказала Пенелопа. – Если этот маленький народец такой особенный, я хочу на него поглядеть.

Лора покачала головой и недоверчиво посмотрела на Пенелопу, подняв брови так, будто никогда не слыхала ничего более абсурдного.

– Ты не сможешь на них поглядеть.

– Не смогу поглядеть, потому что их не существует. – Пенелопа торжествовала.

– Не сможешь поглядеть, потому что они не хотят тебя видеть.

– Ты просто мерзкая лгунишка. – Пенелопа ткнула Лору пальцем. – Хотя чему тут удивляться? Ты вся в мать.

Лора пристально и холодно посмотрела на Пенелопу, и та отступила, испугавшись, что сводная сестра бросится на нее.

– Мне правда все равно, веришь ты мне или нет, – сказала Лора. – Почему это должно меня заботить? Разве у меня есть на то хоть одна причина?

Пенелопа стояла, сжав кулаки так, что побелели костяшки. Зубы она сцепила так крепко, что, казалось, они сейчас рассыплются.

– Почему они не хотят меня видеть? – прошипела Пенелопа. – Этот твой дурацкий маленький народец.

– Ты им не нравишься, – холодно сказала Лора.

Пенелопа нахмурилась и шагнула вперед. С чего вдруг эти слова так ее расстроили? Что ей за дело до того, какие чувства Лора приписывает этим воображаемым существам? Однако по неведомой причине Пенелопу это задело.

– Прости, – сказала Лора. – Но это правда. Я не знаю, почему ты им не нравишься, но, если они не хотят общаться, лучше держаться от них подальше.

Хорошо, что мать позвала Лору на урок фортепиано, иначе один Бог знает, что сделала бы Пенелопа. Пока она шла к дому, ее трясло.

Теперь все свои силы Пенелопа бросит на то, чтобы показать всем, какая Лора сумасбродка. Будет следить за ней денно и ночью и вынудит признать, что ее вера в этот так называемый «маленький народец» – просто жалкие бредни. И отец увидит, что Лора все сочиняет.

Больше всего отец терпеть не может лгунов. Она задрожала, предвкушая позор и унижение, которые предстоят ее сводной сестре.

Долгожданного унижения, однако, не последовало. Хотя за ужином Пенелопа и предоставила Лоре немало возможностей заговорить о феях, та упрямо избегала этой темы, и в результате до странности одержимой волшебными созданиями выглядела сама Пенелопа.

Ненависть Пенелопы ничто не сдерживало, и она все росла, а стремление выставить Лору дурочкой приобретало все более мрачные оттенки. Она почти не упускала Лору из виду. Неослабное желание вывести сводную сестру на чистую воду совершенно ее захватило.

Пенелопа намеревалась сделать так, чтобы отец увидел, как Лора разговаривает со своими невидимыми друзьями. Но устроить это было непросто. Каждый раз, заслышав чужие шаги – а слух у нее был как у кошки, – Лора притворялась, что занята чем-то совсем другим.

Наконец однажды Пенелопа увидела, как Лора болтает сама с собой у пруда, и, обернувшись, заметила, что по другой стороне лужайки идет отец. Она не могла поверить своему счастью. Приложив палец к губам, Пенелопа знаком подозвала его к себе.

– Что такое, дорогая? – прошептал он, подходя. – Там что-то интересное? – Ее отец был заядлым натуралистом-любителем. – Зимородок, да? Я и сам видел на днях одного. Они красавцы.

– Нет, отец, – прошептала Пенелопа, ухмыльнувшись. – Я хотела тебе показать...

Но в этот самый миг прямо перед ней прожужжала стрекоза, и Пенелопа, испугавшись, неистово замахала руками и свалилась спиной в пруд. Он был не очень глубокий, так что Пенелопа сидела в воде, запутавшись в кувшинках, и выглядела довольно жалко.

Лора прибежала на всплеск, и сначала на ее лице появилось обеспокоенное выражение. Однако отец Пенелопы не выдержал первым: его красные щеки затряслись, и он издал несколько смешков, которые вскоре превратились в раскатистый хохот, и падчерница с удовольствием к нему присоединилась. Пенелопа поднялась на ноги и, топая, направилась к дому, не обращая внимания на извинения отца и возобновившийся хохот.

Этот конфуз не остудил пыл Пенелопы разоблачить сводную сестру, совсем наоборот. Яд внутри нее сгустился. Она отомстит, даже если на это уйдет год. Будет выжидать и наблюдать.

Однако же новая слежка не принесла ничего, кроме обжигающей ненависти, которую подпитывала досада. Пенелопа замечала, как Лора куда-то крадется и время от времени что-то бормочет себе под нос, но этого мало. Ей все еще нужно как-то показать отцу, какова Лора на самом деле. Но как?

И вот возможность представилась: однажды вечером в коридоре заскрипел паркет. Осторожно приоткрыв дверь спальни, Пенелопа удивленно наблюдала, как Лора, крадучись, спускается по лестнице. Внизу лязгнули засовы.

Пенелопа ухмыльнулась, вернулась в свою комнату и подошла к окну. Лора что, действительно вышла из дома среди ночи? Да – вон она, куда-то идет в лунном свете. Она, оказываясь, еще большая сумасбродка.

Пенелопа поразмыслила немного, не разбудить ли отца прямо сейчас: как тогда Лора объяснит свое странное поведение?

Однако никого будить Пенелопа не стала. Хотя она и не смела себе в этом признаться, в глубине души ей хотелось верить, что Лора действительно общается с феями.

Поспешно надев платье, Пенелопа на цыпочках спустилась по лестнице в вестибюль, выскользнула из дома и пошла босиком по лужайке – земля все еще хранила тепло жаркого дня.

Лужайку заливал лунный свет, окутывая все вокруг сиянием – бледным и неземным, но все же достаточно ярким, чтобы предметы отбрасывали резкие синие тени.

Лора направлялась к воротам сада, ее белая ночная рубашка будто сияла в этом потустороннем свете. Она больше походила на привидение, чем на смертного, и мерцала блуждающим огоньком, растворяясь в дымчатом мраке рощицы.

Убедившись, что Лора не сможет заметить ее, если вздумает оглянуться, Пенелопа пересекла лужайку и проследовала за сестрой. Сердце взволнованно билось, пока она размышляла, что делать дальше.

Закричать и разбудить весь дом? Тогда Лоре придется объяснить, зачем это ей понадобилось бродить по саду среди ночи. Однако объясняться придется и Пенелопе.

Не выпуская из виду мерцающий Лорин силуэт, она вошла в рощицу из дубов и лещины, которая располагалась на краю луга за пределами сада.

Где-то высоко на дереве ухнула сова, и со стороны дома ей ответила другая. Пенелопа посмотрела вверх на очертания ветвей, и сова ухнула снова. Опустив взгляд, Пенелопа увидела, что Лора остановилась.

Дюйм за дюймом Пенелопа кралась вперед и не позволила себе издать даже самого тихого звука, когда ее голую лодыжку оцарапала ветка ежевики. В конце концов она прислонилась к стволу дуба, выглянула из-за него и раскрыла рот от удивления. Ей открылась сцена столь невероятная, что разум отказывался доверять глазам.

Лора, ясно освещенная лунным светом, сидела на коленях на небольшой прогалине посреди рощицы. Ее ночная рубашка разметалась по траве, а вокруг – на земле и у нее над головой – летали целые десятки крохотных фей.

Эти существа, должно быть, обладали сверхъестественными свойствами: они мерцали подобно светлячкам, с каждым движением их тела сияли ярче, и наконец они засверкали как крохотные звездочки. Они летали туда-сюда перед Лориным лицом и вокруг ее головы, создавая над ней ореол, который переливался прекрасными бело-голубыми огоньками.

Одна из фей, по-видимому, заметила Пенелопу. Она порхнула Лоре на плечо, что-то зашептала ей на ухо, и та медленно обернулась.

Пенелопа вышла из своего укрытия и выжидающе улыбнулась, надеясь, что Лора позовет ее разделить с ней это чудо, однако на лице сводной сестры было выражение неприкрытой злобы. Посмотрев на нее таким долгим и холодным взглядом, что Пенелопа поежилась, Лора отвернулась.

Пенелопа видела, что Лора говорит с феями, но не слышала ее слов. Они слетались к ней, цеплялись за ее ночную рубашку и садились на плечи. Из темноты их появлялось все больше и больше – должно быть, уже несколько сотен.

Пенелопа продолжала наблюдать, как вдруг Лора снова обернулась к ней, и светящийся рой маленьких лиц – тоже. Затем Лора, почти не разжимая губ, что-то прошептала, и феи мягко зашелестели крыльями и на миг все вместе зависли в воздухе, а потом устремились к Пенелопе.

Пенелопа, все еще зачарованная красотой удивительных существ и исходившим от них чудесным свечением, не сразу сообразила, что делать.

И только когда они оказались всего в нескольких футах от нее, она увидела, что это на самом деле за существа. Только тогда она разглядела их лица, их ужасные черные сверкающие глаза, чешуйчатые тела, ухмыляющиеся рты, острые зубы и цепкие когти.

Пенелопа открыла рот, чтобы закричать, но феи налетели на нее в мгновение ока.

Утром, выйдя насладиться природой, мачеха нашла Пенелопу. Девочка застряла в ветках ежевичного куста, ее бледная кожа была исполосована царапинами, в широко открытых глазах запечатлелся ужас.

Причину смерти определить не удалось. Доктор предположил, что Пенелопа ходила во сне и запуталась в кустах, а последующая паника привела к сердечному приступу. У некоторых людей сердце от природы более слабое, объяснил он.

Это было трагическое происшествие, но мачеха Пенелопы очень даже любила трагедии. Разумеется, она охотно взяла на себя устройство похорон, и все сошлись во мнении, что церемония получилась в высшей степени прекрасной и трогательной. Лора прочла стихотворение собственного сочинения.

О феях.

* * *

Образ роя маленьких дьявольских существ не желал покидать мое воображение. Я снова, точно во сне, увидел всю сцену. И снова у меня создалось то же странное впечатление, что там, во мраке, есть кто-то или что-то, в рассказе не упомянутое.

Я силился найти разгадку до того, как видение неминуемо рассеется. Похоже, Женщине в белом пришлось обратиться ко мне не единожды, прежде чем я наконец отозвался.

– Да-да? – ответил я довольно глупо. – Простите, я только...

Я не очень понимал, как этой фразе предназначено завершиться, и потому позволил ей затихнуть на полпути между нами. Мой разум молил об успокоительном отдыхе. Я сонно потряс головой.

– Вы, кажется, обеспокоены, – сказала Женщина в белом, но особенного участия в ее тоне не было. Ей словно было любопытно наблюдать за каждым моим действием. Кажется, любую неловкость, вызванную ее рассказом, она решительно почитала за достижение, и я не мог ее за это порицать. Рассказывай я сам подобные истории, я тоже хотел бы немного взволновать своего слушателя. В конце концов, в этом и заключается половина веселья.

– Нет, – ответил я. – Не то чтобы обеспокоен. История довольно странная. Если бы мне рассказали ее на ночь, она, вероятно, потревожила бы мой сон. Но, к счастью, я не верю в фей – ни в злых, ни в добрых.

– Разумеется. Ведь мы уже установили, что вы – рационалист.

– Полагаю, что так. Не знаю.

– Вы хотите найти всему в мире разумное объяснение.

– И все же мне нравятся рассказы о сверхъестественном, – сказал я. – Но я понимаю, что это лишь рассказы. Я не думаю, что в реальном мире подобные вещи действительно существуют. Хотя иногда мне хочется, чтобы это было так. – Я улыбнулся и добавил: – Правда, я рад обойтись без фей-убийц.

– В реальном мире? – переспросила она.

– Да, – сказал я, не вполне понимая, что здесь может смущать. – В реальном мире. – Я описал руками круг, пытаясь охватить пространство купе, поезда, въезда в тоннель и всего остального. – В нашем мире.

Женщина в белом улыбнулась своей странной улыбкой, ее глаза блестели.

– Значит, ничто раньше не наталкивало вас на мысль, что в этом мире, возможно, есть нечто большее, чем кажется?

– Я точно знаю, что никогда не видел фей, – улыбнулся я. – Думаю, их я бы точно запомнил.

– Ваша мачеха, однако, совсем другого мнения о подобных вещах, не так ли?

И снова беседа вернулась к моей мачехе.

– Несомненно, – ответил я. – Она имеет право так считать. Однако я думаю, что она ошибается.

Женщина в белом склонила голову набок и внимательно поглядела на меня.

– Не кажется ли вам странным, что вашей мачехе привиделся тоннель, и вот мы здесь?

Я не помнил, чтобы рассказывал ей, что за видение было у мачехи. Решительно, мои мысли начинали путаться.

– Да, – сказал я. – Полагаю, это необычно. Она и впрямь видела тоннель. Но ведь она еще видела...

Я вспомнил, что мачехе привиделся поцелуй, и покраснел. Негоже упоминать об этом в присутствии молодой дамы, которую я едва знал.

– Да? – Женщина в белом приподняла бровь.

– В этом-то все и дело, не так ли? – Я кашлянул и сменил тему. – Совпадения бывают всегда, и те, кому захочется придать им значение, так и сделают. На этом маршруте есть тоннели, моей мачехе и всем остальным это известно. Так или иначе, она предвидела опасность, однако вряд ли перерыв в путешествии чем-то нам угрожает, хотя он и затянулся донельзя.

– Вот как, – заметила Женщина в белом. – Но ваше путешествие еще не закончилось.

Она произнесла эти слова так же вежливо и благопристойно, как и прочие свои реплики, но в них почему-то слышалось превосходство.

Я обернулся и посмотрел на наших попутчиков, в очередной раз желая, чтобы они проснулись. Когда же этого не случилось, я громко кашлянул, но без толку. Разве что Фермер чуть шевельнул руками.

– Всякое путешествие сопряжено с опасностями, – сказала Женщина в белом.

– Но мы ведь едем всего лишь в Лондон, – саркастически сказал я. – А не пытаемся отыскать Северо-Западный проход¹⁰.

Она улыбнулась моему ехидству, и, должен признать, я был весьма доволен тем, как быстро нашелся с ответом.

– Вы не так уж много путешествовали. – Ее слова прозвучали скорее утвердительно, нежели вопросительно.

– Да. Я ни разу не покидал Британских островов. Вообще-то, если подумать, я ни разу не покидал Англии.

Это открытие весьма меня огорчило. Англия – замечательное место и, уж конечно, лучшая страна во всем мире. И все же было бы прекрасно поехать куда-нибудь еще, чтобы проверить эту теорию.

– Шотландия – невероятно романтическая страна, – сказала Женщина в белом. – Вам никогда не хотелось там побывать?

– Пожалуй, нет.

– Я знаю историю об одном шотландском острове. – Она совершенно не придавала значения моему заявлению об отсутствии интереса. – Не хотите ли послушать?

– Я, право... – начал было я.

– Превосходно.

¹⁰ Северо-Западный проход – морской путь через Северный Ледовитый океан. В ходе его поисков неудачу потерпело множество мореплавателей: одни вынуждены были повернуть назад, другие же пропали без вести или погибли. Впервые проход полностью прошел по воде Руаль Амундсен в 1903–1906 годах.

Горбатый камень

Продвинувшись еще дальше на север, чтобы спастись от отступающих ледников, наши древние предки, должно быть, сочли Внешние Гебридские острова Шотландии краем света. Даже теперь, когда мы знаем, что мир – это шар, который можно обогнуть, эти острова по-прежнему кажутся нам часовыми у границ земли.

Как раз на одном из таких островов по ухабистой дороге на западном берегу проделывала мучительный путь телега, запряженная пони, – ничтожная точка перед лицом широко раскинувшейся вересковой пустоши, дюн, песка и моря. В паре миль впереди на берегу узкого протока виднелась группка домов, столпившихся вокруг приземистой церкви.

Доктор Фрейзер поморщился, когда колесо телеги, которой он взялся править сам, подпрыгнуло, угодив в очередную яму. Дэви отвернулся от отца и окинул взглядом широкую косу белого словно кость песка и сине-черные горы, вершины которых прикрывали клочковатые облака. Отец натянул поводья и скомандовал пони остановиться. Тот охотно исполнил приказ и немедленно отвернул большую голову, чтобы пощипать травы.

– Пройдемся немного, – предложил отец. – Разомнем ноги, а?

– Но разве мы не опоздаем? – угрюмо ответил Дэви.

– Будет тебе. Думаю, у нас найдется пара минут, чтобы полюбоваться видом.

Доктор Фрейзер зашагал вниз, и Дэви, последовав за ним, перелез через низкую каменную ограду. Отец восторгался всем, что попадалось на глаза, от полевых цветов до спрятанных за облаками верхушками холмов вдалеке. Дэви почти не отвечал.

Они пересекли бугристый клочок земли, поросший травой, которую почти под корень общипали кролики. Их норы виднелись тут и там, пока Дэви с отцом взбирались на вершину высоченной песочной дюны и оглядывали широкую Атлантику.

– В Эдинбурге такого не увидишь, а, Дэви, сынок?

Дэви промолчал. Что тут скажешь? Конечно, в Эдинбурге такого не увидишь, равно как и в этой пустынной дыре не увидишь ничего, похожего на Эдинбург.

Однако он не мог не признать, что пейзаж впечатляющий. Хотя день был солнечный, ветер и море ревели так громко, что этот рев перекрывал все прочие звуки, за исключением хриплых криков морских птиц. Отцу приходилось кричать, чтобы Дэви его слышал.

– Что за место! – воскликнул он. – Что за необычайное место!

Дэви по-прежнему молчал. Улыбка отца медленно угасла, и он повернулся и зашагал вниз по ведущей к пляжу дюнной впадине. Дэви дождался, пока отец уйдет на пятьдесят ярдов вперед, и только потом последовал за ним.

Дэви понимал, что с тех пор, как умерла мать, отец был несчастлив в Эдинбурге. Он понимал, что отцу хотелось новых преодолений, чтобы занять скорбящий разум. Однако даже понимая все это, Дэви не мог простить отцу, что тот увез его прочь от друзей: прочь из города, в котором он вырос, прочь от могилы матери на кладбище Грейфрайерс. Уехав на Внешние Гебриды, они оказались в мире бесплодной пустоты.

Внешние Гебриды – даже в самом названии слышится что-то горестное и фатальное, словно в имени дальних земель из греческого мифа или скандинавской саги. Казалось, в таком месте человек может оказаться лишь в изгнании или если на эти берега его выбросит море.

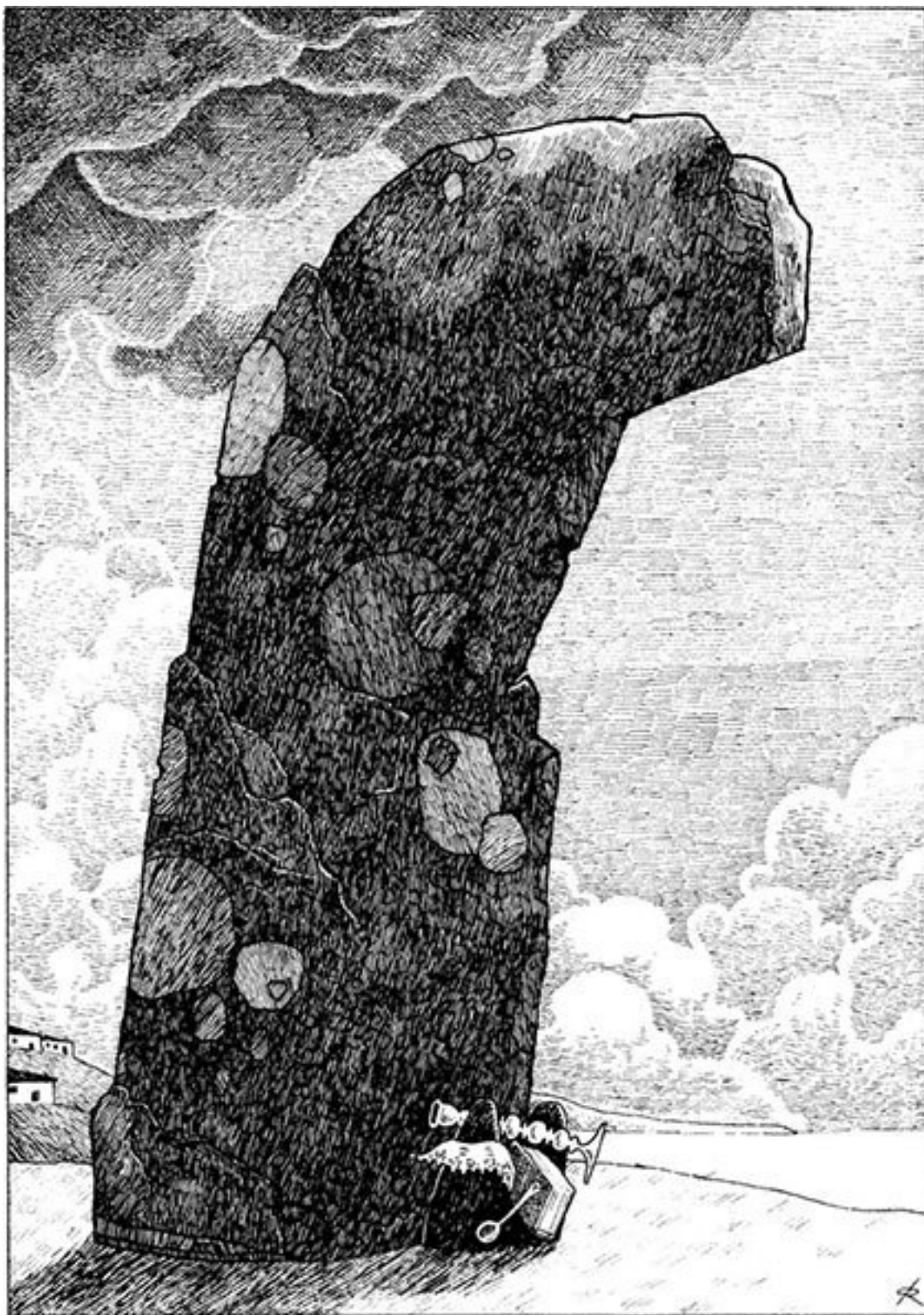
Здесь строили большое предприятие по упаковке сельди, и доктора Фрейзера наняли врачом для рабочих и остального населения. Но Дэви мог с трудом представить в этом отсталом месте современное рыболовное производство. Он бы удивился меньше, увидев, как мыс огибает корабль викингов, чем если бы это был пароход.

Это впечатление только усилилось, когда Дэви с отцом заметили высокий камень, торчащий, словно Экскалибур¹¹, из дюн неподалеку. Пока они направлялись к нему, солнце сместилось, и его луч прожектором пробежал по травяным кочкам и театрально осветил камень, будто актера на сцене.

Он был очень высок – должно быть, больше семи футов, подумал Дэви, – и скрючен. Казалось, что камень клонится на ветру, словно человек. У Дэви возникло тревожное чувство, что тронь его – и тот обернется.

Камень представлял собой длинный кусок гранита или подобной породы лосо-сево-розово и серого цвета. Тут и там в нем поблескивали кристаллики кварца. Самой поверхности камня почти не было видно. Его покрывали самые разнообразные лишайники: бледный серо-голубой, белый, яркие пятна цвета яичного желтка, похожие на водоросли хрупкие кустики. Этот камень словно бы отыскиали на дне бассейна, затопляемого приливами, выволокли оттуда и поставили сушиться на непрерывном ветру.

¹¹ Меч короля Артура – одного из главных героев британского эпоса. Это он возглавил рыцарей Круглого стола.

С верхушки камня по его сторонам стекали птичьи экскременты, а у подножия лежали обломки раковин моллюсков.

– Птицы используют его как наковальню, – улыбнулся отец. – Они разбивают раковины, чтобы добыть еду.

Дэви рассеянно кивнул. Отец провел детские годы на острове Малл и вечно пытался заинтересовать Дэви миром природы – миром, к которому Дэви не испытывал ни малейшего интереса. Он тосковал по черным от дыма стенам и мощным улицам Эдинбурга.

Дэви обратил внимание, что по другую сторону камня лежат не только осколки раковин. Он присел, чтобы рассмотреть получше.

В земле, наполовину скрытый пучками травы, сидел еще один камень. В нем зияла трещина, и этот разлом – вот странно! – был набит различными вещами. Отец подошел к Дэви и тоже заметил предметы, лежащие у подножия камня.

Рядом с кусочком кружева в солнечном свете вспыхивал латунный подсвечник, чуть поодаль – серебряная ложка, а за ними Дэви разглядел книгу, что-то похожее на шляпную булавку, шелковый шарф, брошь и другие украшения.

– Эй, вы! – закричал какой-то человек вдалеке на дороге. – Уйдите оттуда!

Дэви выпрямился: отца явно возмутило такое обращение, однако он, как и Дэви, заметил, что в руках у человека дробовик, направленный в их сторону.

– Дэви, пойдем, – велел отец хрипло.

Они прошли по траве обратно, к человеку с дробовиком. Тот не опустил дула, пока они не перелезли через низенькую сложенную из камней ограду и не оказались на дороге.

– Мне не слишком нравится, когда на меня наставляют ружье, – нахмурившись, сказал доктор Фрейзер незнакомцу. – И на моего сына.

– Вы не имеете права находиться на этой земле, – сказал человек, и теперь Дэви видел, что он стар и что из-под его кепи выглядывают седые волосы. Его нос был будто сделан из красной вытертой кожи. Пожалуй, никого более неприветливого с виду Дэви еще не встречал.

– Прошу прощения, если я сделал что-то не то, – сказал доктор Фрейзер. – Мы только приехали на остров. Но мы все еще...

– Держитесь отсюда подальше, – прорычал старик. – Нечего вам делать на дюнах.

– Но я новый док... – начал было отец, однако старик фыркнул и удалился.

– Поразительно! – воскликнул доктор Фрейзер. – Просто исключительная невоспитанность. – Он хмыкнул и покачал головой. – Будем надеяться, что здесь не все такие, а?

– Как бы я хотел оказаться сейчас в Эдинбурге! – прошипел Дэви.

Отец вздохнул и посмотрел сначала на поникшую голову сына, а затем на очертания камня на фоне моря.

– Ну, сейчас мы здесь, и ничего тут не поделаешь, – сказал он. – Пойдем. Мистер Маклеод будет о нас беспокоиться.

Он повернулся и направился обратно к пони и телеге, и, мгновение поколебавшись, Дэви последовал за отцом. В спину дуло, и Дэви вдруг показалось, что в дыхании ветра слышится шепот. Он обернулся, но увидел лишь дюны и камень.

Скоро Дэви с отцом добрались до жилища, которое на ближайшее будущее должно было стать для них домом. Они слезли с телеги и пошли по тропинке, и, оглянувшись, Дэви все еще мог различить на горизонте камень.

Дом был значительно больше, чем большинство других домов в округе, а по сравнению с хижинами с крышами из дёрна, попадавшимися по пути из гавани, он выглядел настоящим дворцом.

– Доктор Фрейзер, полагаю? – окликнул отца поджарый загорелый человек, стоящий на крыльце.

– Верно, – сказал доктор Фрейзер, пожимая его руку. – А вы, должно быть, мистер Маклеод.

– К вашим услугам, доктор, – ответил тот. – Входите.

Через вымощенный камнем вестибюль они прошли в гостиную, и мистер Маклеод представил их своей матери.

Войдя в комнату, Дэви сперва даже не заметил закутанную в шаль старушку, сидящую у камина. Слегка ошеломленная их вторжением, она походила на сову.

– Миссис Маклеод, – поздоровался доктор Фрейзер.

Старушка улыбнулась и кивнула.

– А этот приятный молодой человек, должно быть, ваш сын, – сказал Маклеод.

– Дэви, пожми руку, – велел отец. – Где твои манеры?

Дэви протянул руку, которую Маклеод радушно потряс.

– Не слишком ли вас утомила переправа? – спросил он, заметив кислое выражение лица Дэви.

– Ничуть, мистер Маклеод, – ответил доктор Фрейзер. – Море было спокойно, как мельничный пруд.

– Ну что ж, – сказал Маклеод. – Рад слышать. А дорога сюда?

– А, – сказал доктор Фрейзер. – Мы тут повстречались с одним местным. Не слишком приветливым.

– Да что вы? – Улыбка Маклеода померкла. – Очень жаль.

Доктор Фрейзер объяснил, что произошло, а Маклеод внимательно слушал, кивая и то и дело вздыхая.

– Это был Мёрдо, – сказал он.

– Он присматривает за местными старожилами, – сказала миссис Маклеод. – Он хороший человек.

– Я не имел в виду обратного, – улыбнулся доктор Фрейзер.

– Ему иногда... Как бы это сказать? Недостает светских манер, – сказал Маклеод. – Но дурных намерений у него нет.

– Уверен, что он славный малый. Уходя, он велел нам держаться подальше от дюн, – сказал доктор Фрейзер. – Мы просто разглядывали там старый камень.

Маклеод глубоко вздохнул и сложил руки, словно в молитве. Дэви заметил, что он бросил на мать обеспокоенный взгляд, но старая леди промолчала.

– Это *Клах кратах*, – сказал он.

– Прошу прощения?

– Вы не знаете гэльского, доктор? – спросил Маклеод.

– Знал, но давно, когда был еще мальчиком, – с грустью ответил отец Дэви. – Я надеюсь снова его вспомнить, пока я здесь.

– Что ж, это было бы замечательно, – сказал Маклеод. – «Клах» значит «камень». А «кратах» – ну, сгорбленный. Горбатый камень.

– Но почему этот Мёрдо так рассердился, что мы там ходили? – спросил доктор Фрейзер.

Маклеод выглядел смущенным. Дэви чувствовал его обеспокоенность; отец тоже это понял.

– Горбатый камень стоит здесь с тех пор, когда на острове еще не слыхали о Евангелии, – сказал Маклеод, помолчав.

– Вот оно что, – сказал доктор Фрейзер. – Ну что же. Удивительно, что здесь до сих пор стоит нечто подобное. Я слышал, что люди на этом острове богобоязненные. Нельзя ли его повалить, мистер Маклеод?

Глаза Маклеода раскрылись чуть шире.

– Повалить? – тихо переспросил он, будто обращаясь к самому себе.

– Ну да. Полагаю, вы с сыновьями...

– Я не могу этого сделать, доктор, – решительно сказал Маклеод.

– Ох, старожилам бы это не понравилось, – вмешалась миссис Маклеод. – Совсем не понравилось.

– Тише, матушка, – сказал Маклеод.

– Но ведь наверняка... – начал доктор Фрейзер.

– Вы, доктор, на острове человек новый, – Маклеод будто внезапно решил, что разговаривает с ребенком. – Мы не любим перемен. Если хотите со всеми здесь поладить, я бы советовал это понять.

Хотя эти слова были произнесены с улыбкой, в голосе Маклеода Дэви слышались угрожающие нотки.

– Рядом с камнем лежат разные предметы, – продолжил доктор. – Некоторые из них даже ценные. Надеюсь, что люди здесь не поклоняются этому порождению язычества.

Маклеод снова улыбнулся.

– Что вы, доктор Фрейзер. Ни к чему удивляться и расстраиваться. Некоторые оставляют у камня подношения, только и всего.

– Боже милостивый. Но зачем? – нахмурился отец Дэви.

Маклеод пожал плечами.

– О, ну вы понимаете, – ответил он, как будто оставлять у камня подношения – самое обычное дело. – Кто-то просит о благополучном путешествии перед переправой на континент, или чья-то дочь ждет ребенка, и для нее просят счастливого разрешения от бремени...

Дэви увидел, что отец начинает сердиться.

– Есть те, кто продолжает следовать старым обычаям, – объяснил Маклеод. – Мы народ простой, доктор. Простите нам наши чудачества. Уверен, что в Эдинбурге люди для такого слишком искушенные.

– Старожилов нужно уважать, – сказала миссис Маклеод.

– Пожалуйста, матушка... Доктор Фрейзер, прошу вас не судить здешний народ строго. Я вас уверяю, это добрые люди. Во всей Шотландии вы не найдете таких богобоязненных людей.

Доктор Фрейзер глубоко вздохнул и посмотрел на сына.

– Не пропустите ли вы со мной стаканчик, сэр? – предложил Маклеод. – Как по мне, стаканчик смягчает потрясения.

Доктор Фрейзер невольно улыбнулся и слегка потер ладонью лоб.

– Конечно, мистер Маклеод. Я не прочь пропустить стаканчик.

Маклеод вышел в другую комнату и вернулся с бутылкой солодового виски и двумя стаканами, а также чайником и парой чашек с блюдцами.

– Я взял на себя смелость принести одну бутылку сюда, – сказал Маклеод. – Надеюсь, вы не против?

– Очень любезно с вашей стороны. Вы не присоединитесь к нам, миссис Маклеод? – спросил доктор Фрейзер.

– О нет, доктор, – сказал Маклеод. – Матушка не пьет. Правда, матушка?

– Что-что? – спросила миссис Маклеод. Она с улыбкой повернулась к Дэви. – Ты ведь хороший мальчик, да? Ты ведь будешь осторожен со старожилами, да? Не будешь им докучать?

– Да, – ответил Дэви, не зная, что еще сказать. Если все «старожилы» острова похожи на миссис Маклеод, он не станет им докучать очень охотно. Маклеод подал ему чашку чая.

– Вот и славно, – кивнула миссис Маклеод. – Он славный мальчик, Аласдер. Хороший мальчик.

– Тише, матушка, – сказал Маклеод. – Ты смущаешь паренька. *Сланчевор*, доктор.

– *Сланчевор*. – Доктор Фрейзер поднял свой стакан. – Доброе виски.

Они разговаривали, а воображение уносило Дэви на улицы Эдинбурга, к их прежней жизни. В настоящее его вернул звон стакана, который отец поставил на стол.

– Расскажите мне о местных, мистер Маклеод, – попросил доктор Фрейзер. – Мне не терпится узнать побольше о моих пациентах и об их суевериях.

– Знаете, доктор, – ответил Маклеод, – поживите здесь немного, и вы, возможно, поймете, почему эти люди все еще чувствуют связь с водой, морем и погодой...

– И языческим камнем. – Доктор Фрейзер вскинул бровь.

– Верно, верно. Что касается камня, боюсь, я вынужден попросить вас держаться подальше от этой части острова. Вас и, конечно, юного Дэви.

– А не то нас застрелят? – Доктор Фрейзер усмехнулся. – И старый Мёрдо погонится за нами с дробовиком?

Маклеод глубоко вздохнул и устало улыбнулся.

– Не будьте так поспешны в суждениях, доктор Фрейзер. Мы все очень рады новому лэрду¹² с его рыболовным предприятием и рабочими местами, которые будут у молодых людей на острове, но тут не континент, доктор. Мы здесь не отмахиваемся от своего наследия и традиций так легко.

– Я не хотел никого оскорбить, мистер Маклеод, – тихо сказал отец Дэви, очевидно, жалея, что поддался порыву поддеть собеседника. – Виски развязало мне язык и заставило забыть о манерах. Прошу прощения.

Маклеод улыбнулся и сказал, что прощения просить не за что и что наверняка со временем доктор прекрасно со всеми сойдется. Он налил им обоим еще по одной порции.

– Для здешних людей этот камень очень важен, – продолжил он. – Я не могу вполне объяснить это тому, кто, подобно вам, никогда здесь не жил. Мы-то на острове с этим растем.

– Что это ты такое рассказываешь, Аласдер? – Миссис Маклеод нахмурилась.

– Это вас не касается, матушка.

– Аласдер – хороший мальчик. – Она глянула сначала на Дэви, а потом на его отца. – Он всегда хорошо обращался со старожилками.

– Матушка. – Маклеод улыбнулся и покачал головой. – Тише.

Он повернулся к доктору Фрейзеру и понизил голос:

– Извините матушку. В последнее время она не всегда осознает, что происходит.

– Понимаю, – ответил отец Дэви. – Не нужно извиняться. Вы рассказывали о камне.

– А, больше рассказывать особенно и нечего. – Маклеод опустил стакан на стол. – Но я должен просить вас быть к нам в этом отношении терпимее и не ходить на дюны к камню.

При этих словах тон Маклеода переменился. В его голосе Дэви уловил новую серьезность, словно он предупреждает их о чем-то. Он снова вспомнил о Мёрдо – человеке с дробовиком.

«Они сумасшедшие, – подумал Дэви. – Настолько, что готовы пристрелить любого, кто ходит по клочку земли, который они с какого-то перепугу считают особенным».

– И вот еще что, – сказал Маклеод, улыбаясь весьма натянуто. – Если вам вздумается обойти дюны и спуститься на пляж за ними, помните: вода прибывает ужасно быстро, а течение страшно сильное. Лучше не бывать там совсем.

С этими словами Маклеод поднялся на ноги, потер ладони и сказал, что пора бы ему и его матушке оставить их в покое. Если им что-нибудь понадобится – что угодно – им стоит только попросить. Его дом всего в четверти мили отсюда.

Следующие недели тянулись для Дэви медленно. Он не мог дождаться окончания каникул: тогда он вернется на континент и отправится в школу, правда, в этом есть неблагоприятная сторона, ведь школа новая, а Дэви не умеет с легкостью заводить друзей. Честно говоря, в старой школе он так ни с кем и не подружился.

¹² Так в Шотландии раньше называли нетитулованных дворян-землевладельцев.

То, как отец восторгался островом, выводило его из себя. Чем скучнее становилось Дэви, тем более бурно отец радовался какой-нибудь новой бухте, или холму, или клочку торфяника.

И если дни были унылы, то ночи – нескончаемы. Остров располагался севернее Эдинбурга, и летние дни тянулись, кажется, вечность, пока в десять вечера не начинались до странности ясные сумерки.

Дэви плохо спал, и его возмущал тот факт, что этот подарок в виде еще нескольких светлых часов совершенно некуда применить. И даже будь здесь какие-либо развлечения, никто бы не дал ему воспользоваться возможностью, ведь отец настаивал на соблюдении режима.

Часто по ночам Дэви лежал без сна, уставившись в потолок и на окно с занавесками, цветочный узор которых подсвечивали сумерки, и внутри все бурлило и кипело от негодования и злости на отца, привезшего их в это Богом забытое место.

В одну из таких сумеречных ночей Дэви не спалось. Он поднялся с кровати и подошел к окну. Отдернув занавеску, поглядел на бухту и море, которое странно отливало перламутром и больше походило на полированный металл, чем на воду.

В этом свете было нечто настолько потустороннее, что он не совсем походил на свет, а только придавал всему зловещий вид.

Дэви перевел взгляд на *Клах крадах* – Горбатый камень – и запретные дюны. Вдруг в голову ему пришла идея, и он улыбнулся. И как только он не подумал об этом раньше?

Следующий день разительно отличался от жутковато тихой ночи, что ему предшествовала. Атлантический океан ярился и шел пятнами белой пены. На дальние холмы опустились зловещие облака, а неистовый ветер свистел под карнизом и издевался над немногими согбенными деревьями, росшими у дома.

Сразу после завтрака Дэви пустился в путь, а его отец отправился на рыбный промысел. Когда Дэви сказал, что хочет пойти пробежаться, доктор Фрейзер довольно улыбнулся. «Похоже, мальчик начал мало-помалу привыкать, – подумал он. – Наконец-то он немного ожил».

Дэви прошел по дороге чуть вверх, а потом бегом пустился прочь от дома и от города, мимо Горбатого камня. Пробежав примерно милю, он свернул на узкую тропку, которая вела вниз к берегу.

Он пробрался меж двумя дюнами, увязая ногами в мягком песке, в песчаной траве песколюбке свистел ветер. Он побежал по широкой косе белого песка, чья призрачная белизна тянулась, куда ни глянь, дальше метнулся через линию прилива, где под ногами у него хрустели и ломались ракушки и высохшие водоросли, – и достиг кромки воды. Море оглушительно ревело и ворчало, а Дэви согнулся пополам, уперев руки в бока, и тяжело дышал.

Облако висело так низко, что над бухтой словно повисла водяная пыль, которая окутывала дальние холмы и горы на континенте, видимые в ясные дни.

Туманный покров придал Дэви смелости. Это место было окружено со всех сторон, его скрывала дымка и ревущая музыка непогоды. Никто не увидит его и не услышит, это уж точно.

Дэви приблизился к Горбтому камню, однако из-за вихрящейся дымки и странного пейзажа без горизонта казалось, что это камень приблизился к Дэви и угрожающе навис над ним.

Дэви посмотрел на подношения у подножия – подношения, которые он собирался украсть. Тут не было ничего, что ему хотелось бы иметь. Его цель заключалась в том, чтобы оскорбить этих мерзких людей – миссис Маклеод и других «старожилов» проклятого места – так жестоко, как только можно.

Они сразу поймут, кто украл эти вещи. Совершить такое на этом несчастном острове не осмелился бы больше никто. Они поймут, что это сделал Дэви, разразится скандал, и позор будет слишком велик, чтобы его вынести. Отец никак не сможет остаться на острове. От него отвернутся и станут презирать. Им повезет, если они успеют унести ноги до того, как о про-

изошедшем прослышит старик Мёрдо со своим дробовиком. Но они уедут, а это все, что нужно Дэви.

Он просунул ладонь в разлом и стал шарить там, но вдруг вздрогнул и отдернул руку. На указательном пальце зиял порез. Он был глубокий, и его края жутко разошлись, обнаружив под распоротой кожей скользкие розовые ткани. Дэви затошнило, и, чтобы не упасть, он схватился за камень. Его поверхность была удивительно теплой на ощупь.

Кровь большими рубиновыми каплями падала на расколотый камень, и на кружевной носовой платок, и на подсвечник, и на лежащий в глубине разделочный нож, о который и поранился Дэви. Он схватил платок и обернул им пальцы. Из-за водяной пыли платок промок и пропитался солью, но это было лучше, чем ничего.

Дэви поглядел на кровавые капли на расколотом камне и ухмыльнулся. «Что может быть ценнее крови?» – подумал он. Есть ли более справедливая плата за желание?

– Хочу, чтобы отец возненавидел это место так же, как и я, – с горечью проворчал Дэви. – Хочу, чтобы он бросил этот вонючий остров и увез меня обратно в Эдинбург.

Загадав желание, Дэви почувствовал себя глупо. Желание он, конечно, загадал, но он не такой легковёрный, как миссис Маклеод и остальные «старожилы» этого захолустья. Он схватил несколько предметов, которые легко унести – старые часы, ложку, табакерку, брошь – и рассовал по карманам. Затем встал и пошел прочь, к пляжу, чтобы вернуться в обход незамеченным.

Он обернулся посмотреть на Горбатый камень на вершине дюны, и его сердце затрепыхалось. Камень и впрямь походил на человека – горбуна, согнувшегося на ветру. Казалось, он выжидает, прислушивается.

Дэви отвернулся и тут же снова оглянулся на камень. Засмеялся себе под нос. Неужели он думал застать камень врасплох? Он определенно пробыл на острове слишком долго. Он снова засмеялся, глядя на камень. Но этот смех был нервический, и, уходя, он не стал оглядываться в третий раз.

Палец пульсировал от боли, а кружевной платок окрасился винным цветом. Дэви хотел размотать его и осмотреть рану, но не смог себя заставить. Он направился к дюнам; голова у него немного кружилась.

– Ненавижу это место! – выкрикнул Дэви в безразличный рев ветра. – **НЕНАВИЖУ ЭТО МЕСТО!**

По дороге к пляжу он впервые заметил, что в дюнах виднеются руины старых построек. Из-под песчаного покрова выглядывали стены, сложенные из больших кусков лососево-розового и сине-зеленого гранита, на которых влажно блестели кварцевые вены.

Дэви сел спиной к дюне такой высокой, что за ней могла бы укрыться целая армия. Он отдыхал в оазисе спокойствия посреди ревающего ветра и океана, который ворчал, рычал и в бешенстве пенился у песчаной кромки.

Он глубоко вздохнул, и ноздри обжег запах соленого воздуха и пьянящий аромат водорослей, которые прибой превратил в кашу. Ветер отыскал в обороне дюны крошечную брешь и закручивал песок в вихрь из похожих на сахар крупинок. Кружась, песок поднялся в воздух и обнаружил что-то, погребенное под ним.

Дэви подался вперед, чтобы подсобить ветру: ему стало любопытно, что же там в песке. Окровавленной перевязанной рукой он сделал два или три гребка и увидел, к своему ужасу, лицо – человеческое, очень бледное, с закрытыми, словно во сне, глазами.

Дэви отполз назад, широко раскрытыми глазами уставившись на лицо, вокруг носа, бровей и мертвенно-белого лба которого шевелился песок. В нем было захоронено тело.

Дэви вспомнил о совете держаться от дюн подальше. Не принадлежит ли тело человеку, кто не внял этому предостережению, с ужасом подумал он.

Велев себе подкрасться поближе, он заворуженно наклонился. Тело не могло пролежать здесь долго. Никаких признаков разложения не было.

Вдруг глаза раскрылись, и Дэви завопил.

Он вскочил и пустился бежать, но обернулся и увидел, что из мелкого белого песка поднимаются еще три или четыре головы, словно просыпаясь от глубокого забытья. Дэви остановился, слишком пораженный, чтобы сделать что-нибудь, кроме как закричать.

– Отец! Отец!

Но ветер подхватил его слова и разметал их над дюнами.

Что-то схватило Дэви за ногу. Он опустил взгляд: из песка рядом с ним высунулась рука, которая теперь держала его за лодыжку. Он попытался высвободиться, но рука оказалась сильнее и потянула его вниз.

Последнее, что увидел Дэви, пока в ушах у него визжал ветер, был стоящий высоко на дюне и согнувшийся в дымке Горбатый камень. Старожилы окружили Дэви, и песок захлестнул его, словно вода.

– Вы хотели бы устроить похороны, доктор? – спросил Маклеод. – Я знаю, к кому обратиться. Я поговорю с ним, если хотите.

– Нет, – холодно ответил доктор Фрейзер. – Не нужно, благодарю вас. Думаю, будет правильнее отвезти Дэви обратно в Эдинбург. Его мать... – Он осекся.

– Верно, – сказал Маклеод. – Понимаю.

Доктор Фрейзер велел бригадире рыболовного предприятия уложить тело Дэви в соль, и спустя два дня все было готово к отплытию в Эдинбург. Он похоронит Дэви на кладбище Грейфрайерс рядом с матерью.

Когда телега отъезжала от дома, взгляд доктора Фрейзера был прикован к камню, стоящему на вершине дюны. Облако погрузило пески в глубокую тень, в то время как за ними в солнечном свете ослепительно сверкало море.

Горбатый камень выделялся на этом ярком фоне восклицательным знаком. Доктор невольно вспомнил, как Дэви нашли на пляже: тело лежало на берегу, опутанное водорослями, а его плоть ужасно истерзали море и песок.

С чего вдруг мальчишке взбрело в голову плавать по такой-то погоде? Почему он не послушался Маклеода?

Доктор Фрейзер поднял воротник, защищаясь от холодного ветра. Тот напал с запада, растрепал лошадиные гривы и заколыхал ткань, которой был накрыт гроб его сына. Все, чего хотелось доктору, – убраться отсюда. Никогда раньше он не знал такой ненависти, какую испытывал теперь к этому острову.

* * *

И снова картина представилась мне очень отчетливо: Горбатый камень, жуткие «старожилы», останки Дэви, выброшенные на берег, словно плавник. И снова там, между склонов дюн, брезжило что-то еще. Но, как и раньше, образ ускользнул от меня прежде, чем я смог его распознать.

Я всегда имел некоторое предубеждение против островов Шотландии, и эта история совсем не способствовала тому, чтобы оно рассеялось. В школе я жил в одной комнате с мальчиком родом из тех мест – ужаснейшим занудой. Он никогда не упускал возможности попотчевать нас рассказами о так называемых чудесах родного края. Тогда я дал себе зарок даже не думать о путешествиях на север.

– Верите ли вы, что прошлое продолжает жить и влияет на настоящее? – спросила Женщина в белом.

– Полагаю, верю в какой-то степени. – Я откинулся на спинку сиденья. – Я хочу сказать, история чертовски важна. Но я не думаю, что она и вправду может продолжать *жить*. То есть я не верю в упырей, которые могут восстать и схватить тебя. Я не верю в привидения. Я вообще не верю в сверхъестественное.

– Да? – Она вскинула брови.

– Да.

Она сидела и смотрела на меня с необычайной смесью веселости и недоверия на лице. Меня это ужасно рассердило, и я не стану искать оправданий тому, что в ответ нахмурился. В конце концов, эта дама едва меня знает. Какое основание имеет она сомневаться в моих словах? В сверхъестественное я не верю, и точка.

По-моему, люди, убежденные в существовании подобных вещей, в лучшем случае заблуждаются или ошибаются, а в худшем – они просто шарлатаны. Уверен, по большей части так называемые сверхъестественные явления можно объяснить – при условии, что будет задействован достаточно здравый рассудок. Стань я свидетелем необъяснимого, я бы, вероятно, думал по-другому, но такого со мной не случилось.

Хотя... Сидя в этом купе, я с поразительной ясностью припомнил один любопытный случай из очень раннего детства.

– Что такое? – спросила Женщина в белом.

Я хотел было ответить, что ни в чем, но обнаружил, что мне не терпится рассказать эту историю прежде, чем она снова померкнет.

– Кое-что вспомнил. Я уже об этом позабыл – или думал, что позабыл.

– И что же?

– Я играл у реки недалеко от дома. Я тогда был маленький, не старше пяти лет. Поскользнулся и упал в воду. Я немного умел плавать, но река была холодная и глубокая, повсюду воронки и водоросли, в которых я тут же запутался.

Я закричал, но только наглотался мерзкой на вкус воды и стал погружаться еще глубже меж стеблей камыша. Я изо всех сил старался подплыть к берегу, но безуспешно.

И тут мне на помощь пришла женщина, которая, должно быть, проходила неподалеку. Она наклонилась и протянула мне руку. Я сделал то же, и хотя между нашими ладонями было едва ли больше нескольких дюймов, это расстояние казалось целой милей.

Я снова закричал и забарахтался еще отчаяннее, но расстояние между нами как будто только увеличивалось. Из-за воды и слез перед глазами у меня все расплылось, и я не мог разглядеть ничего, кроме руки этой женщины.

Она наклонилась так далеко вперед, что ей самой грозила опасность упасть с берега. Но наши пальцы никак не могли встретиться, и я продолжал бултыхаться в холодной реке.

Надежда меня покинула. Казалось, я был обречен утонуть, а несчастная, которая могла бы стать моей спасительницей, была обречена за этим наблюдать. Она не успела бы никого привести. Если бы она побежала за помощью, я бы опустился на дно реки прежде, чем она бы кого-нибудь отыскала.

Вдруг раздался громкий всплеск, и я почувствовал, как чьи-то сильные руки обхватили меня, освободили из пут водорослей и вытащили из реки на берег, где я стал кашлять и отплевываться, лежа в объятиях отца.

Мать тоже была там, она плакала, повторяла мое имя и гладила меня по волосам. Плакал и отец. Это был первый и последний раз, когда я видел, как он плачет. И, чтобы довершить картину, я тоже разразился рыданиями – так я радовался, что меня спасли.

Напрасно я искал глазами женщину, которая пыталась меня вытащить – вокруг никого не было. Я спросил родителей, куда она подевалась, ведь не могли же они ее не заметить: она была здесь за секунду до их появления. Но они ответили, что никого не видели, а когда спросили меня, как она выглядела, оказалось, что я могу дать разве что самое расплывчатое опи-

сание: чем больше я силился уловить ее образ в мыслях, тем проворнее он ускользал от меня, словно сон после пробуждения.

Матушка уверяла, что это был мой ангел-хранитель, который не дал мне потерять надежду, пока не подросла помощь.

– А что думаете вы? – спросила Женщина в белом.

– Не знаю. Это было давно. Но так или иначе, она помогла мне. Если бы она не протянула мне руку с берега, я бы, возможно, сдался реке.

– И все же вы не желаете признавать существование сверхъестественного, – улыбнулась моя собеседница.

– Возможно, мне это привиделось, – сказал я. – Или та женщина ушла, а мои родители, слишком занятые моим спасением, не заметили ее.

Женщина в белом сцепила руки и покачала головой.

– Вы всегда ищете рационального объяснения.

– Разве это так плохо?

– Иногда рациональное бессильно против иррационального.

– Да, но мы ведь говорим всего лишь об историях, – сказал я. – В конце концов, мистер Уэллс может писать о чудовищах с Марса, но это не значит, что они существуют.

– Это и не значит, что их не существует, – ответила она.

– Прошу прощения. – Я нахмурился. – Я вас не понимаю.

– История – это частично легенда, или миф, или плод воображения. Но если о чем-то рассказывают в форме истории, не значит, что в этом нет правды.

– Ну, полагаю, нет...

– Но почему бы мне не рассказать вам еще одну историю? Что нам еще остается? У нас здесь не так уж много возможностей развлечься.

Я оглядел спящих пассажиров купе и был вынужден с ней согласиться.

– Очень хорошо, – ответил я. – О чем же ваша история?

– О, но, если я скажу, вам будет совсем не интересно, – улыбнулась она.

Джеральд

Эмма Рейнольдс ковыляла по крутой мощеной улочке в нескольких ярдах позади матери. Камни были скользкими после утреннего дождя, и мокрая улица блестела, словно змеиная кожа.

– Эмма, дорогая, поспеши же. – Миссис Рейнольдс на мгновение остановилась и бросила на дочь взгляд, полный неприкрытого разочарования и жалости. – И прошу, не надо смотреть вниз, когда идешь. Ты ведь знаешь, как меня это раздражает. Благородная осанка – благородная душа. Так говорит мистер Картрайт. Идем же.

Эмма не ответила. Мистер Картрайт – священник, и мать Эммы обожает его цитировать. Эмма смутно подозревала, что мать чуточку влюблена в мистера Картрайта, и виновато улыбнулась этой мысли.

Они дошли до верхушки холма, и раскрасневшаяся Эмма шумно выдохнула, чем навлекла на себя еще один уничижительный взгляд матери.

– Эмма, тебе и вправду пора научиться считать себя молодой леди, – сказала та. – И вести себя соответствующе.

– Да, матушка, – ответила Эмма устало.

Они шли через город – миссис Рейнольдс, к большому смущению Эммы, желала доброго утра всем встречным – и наконец оказались на рыночной площади. Разноцветные прилавки ярко выделялись на фоне толпы. Люди здесь носили одежду унылых тонов, под стать серым зданиям вокруг площади и нависшему над ними грязно-коричневому небу.

Эмма заметила, что в одном из углов площади, перед хлебной биржей, сгрудились дети. Их было так много, а с ними и взрослых, что разглядеть, на что они смотрят, было невозможно. Виднелись лишь кусочки желто-красного навеса.

Миссис Рейнольдс увлеклась разговором с мистером Гилбертсоном из библиотеки. Они обсуждали возмутительное поведение кого-то, кто был Эмме не знаком. Эмма находила манеру матери сплетничать в высшей степени утомительной и стала ее умолять: пусть позволит ей присоединиться к остальным детям.

Получив разрешение, уже через несколько мгновений Эмма протиснулась сквозь толпу, которая собралась у низкой зубчатой железной ограды хлебной биржи. Зрелище ее заворожило.

Всё вокруг – неумолчный гомон и шум городской площади – будто смолкло, затихло, унеслось прочь от ее сознания. Это был кукольный театр, а кукольный театр Эмма любила – о, как любила!

Она растолкала людей и пробралась вперед, не обращая внимания на ропот других детей и их родителей, цокавших языком ей в укор. Эмма не слышала и не видела ничего, кроме кукольного представления. В этом скучном и тусклом северном городе оно блистало ослепительно, точно драгоценность.

Время от времени с пустошей налетали порывы холодного ветра, но Эмма их не ощущала. Она грелась, стоя перед ярко раскрашенным театральным балаганчиком, словно это была полная тлеющих углей жаровня.

Представление превзошло ее ожидания. Куклы двигались очень грациозно, и Эмма, зная, что никогда не сможет двигаться так же, любовалась ими еще больше.

Костюмы были восхитительны. Наряженные в них, искусно сделанные куклы напоминали хрупких тропических птичек или ярких разноцветных насекомых. Это походило на сон – прекрасный, прекрасный сон.

Мать Эммы несколько раз пыталась оттащить ее, однако с этим могла справиться разве что ломовая лошадь, а миссис Рейнольдс была невысокой и довольно тщедушной женщиной. Так что она сдалась и сказала, что вернется за Эммой через десять минут – и уж тогда они уйдут, что бы ни происходило на сцене.

Однако Эмма ее даже не слушала. Зачем ей слушать мать, когда перед ней пляшет и резвится прекрасная кукла-арлекин – скачет и выписывает пируэты, кланяется и кружится? Миссис Рейнольдс вздохнула и ушла, намеренная заняться своими делами, пока дочь поглощена театром.

Эмма вся отдалась кукольному представлению. Теперь музыка прекратилась, и куклы беседовали, но сюжет Эмму не интересовал, и она бы предпочла, чтобы кукловод не разговаривал за них такими дурацкими голосами. Это было отвратительно, но дети вокруг с готовностью смеялись. Эмме куклы совсем не казались забавными, и она не поддавалась на попытки кукловода вызвать у зрителей смех, а то и и грубый хохот, ведь все, чего она хотела, – смотреть, как прекрасные куклы танцуют и кружатся.

Миссис Рейнольдс в конце концов вернулась, и по случайности ее возвращение совпало с окончанием представления. Она была только рада избежать сцены, которую Эмма, несомненно, устроила бы, попытайся миссис Рейнольдс увести ее раньше. И как только, думала миссис Рейнольдс, умудрилась она произвести на свет столь своенравную дочь?

Эмма не стала противиться. Она ужасно огорчилась, когда занавес опустился, и городская серость, казалось, снова поглотила окружавший ее мир. Но, если бы она осталась и увидела, как кукловод убирает своих кукол, это ощущение только усилилось бы. Эмма хотела запомнить их такими, какими они были во время представления.

Она поплелась за матерью. Та как раз объясняла, что им следует поскорей пойти в «Лавку шляпок и лент мадам Клодетт» через дорогу (ведь им обоим нужны новые шляпки на свадьбу кузины). Бросив последний взгляд на кукольный театр, Эмма с кем-то столкнулась.

– Извините, – сказала она.

Она врезалась в мальчика примерно ее лет, но он не ответил и престранно уставился на нее. Эмма сперва подумала, что, видимо, напугала его.

Что-то в отсутствующем взгляде мальчика заставило ее содрогнуться. В его бледно-серых покрасневших глазах не было ни единого проблеска жизни или души. Через несколько мгновений Эмма поняла, что знает его.

Его звали Джеральд, правда, она с большим трудом узнала в этом печальном существе мальчика, который на церковном празднике выказал к ней живой интерес. Как и Эмма, Джеральд был довольно упитанным, но все же красивым. И тем большее беспокойство вызывало его нынешнее состояние. Он протянул к Эмме руки, раскрыл рот и издал громкий стон. Эмма отшатнулась с криком, и ее мать замерла и обернулась.

– Нужно смотреть, куда идете, юная леди, – раздался голос справа от Эммы.

Эмма повернулась и увидела внушительного вида женщину в большой и довольно жуткой шляпе с изгибающимися перьями, которая напомнила Эмме громадного паука.

– Вы могли сбить бедного Джеральда с ног, глупая вы девочка.

– Я попросила бы вас не говорить с моей дочерью подобным тоном, – сказала мать Эммы, вступая в поединок.

Миссис Рейнольдс, возможно, и была худощавая, но свое мнение выражать не стеснялась, хотя зачастую она использовала при этом голос, который, мягко говоря, можно было назвать пронзительным.

– Вашей дочери следует быть поосторожнее, – ответила мать Джеральда.

– Если мальчик собирается стоять посреди улицы, как мешок с картошкой, конечно, его собьют! – сказала миссис Рейнольдс.

Ноздри у матери Джеральда раздулись, и она, схватив сына за руку, повела его прочь.

– Ну и ну! – воскликнула мать Эммы.

– Бывают же люди! – сказала цветочница миссис Тимпсон-Грин, которая вышла из своей лавки, чтобы понаблюдать за перепалкой. – Но по-христиански мальчику следует посочувствовать.

– О, разумеется, – ответила мать Эммы, ведь она относилась к миссис Тимпсон-Грин с большим уважением. – По-христиански.

Она подошла ближе, заговорщически наклонила голову и прошептала:

– Судя по всему, это произошло внезапно.

– Совершенно верно, – сказала миссис Тимпсон-Грин. – Доктора озадачены. Говорят, в Харрогите в прошлом месяце был точно такой же случай.

Миссис Рейнольдс наклонилась ближе и заговорила еще тише, так что Эмма не могла больше ничего слышать. Она смотрела, как Джеральд с матерью исчезли в толпе и скрылись из виду. Но прежде Джеральд обернулся и посмотрел на нее последний раз.

О, как встревожил ее этот взгляд. Пристальный, но в то же время безжизненный и бессмысленный, как будто манекен в витрине обратил к ней свою пустую, вылепленную из воска голову. Она горячо надеялась, что никогда больше не увидит этого ужасного лица.

Эмма с матерью пробыли некоторое время в лавке мадам Клодетт, и каждая минута, проведенная в умиротворяющем очаровании любимого магазина, действовала на Эмму как целебный бальзам, столь необходимый после потрясения, вызванного встречей с Джеральдом.

Затем они зашли купить писчей бумаги, а после провели скучнейшие полчаса на почте – стояли в очереди, чтобы отправить письмо Эмминой тетушке в Канаду.

По пути домой они прошли через площадь. Кукольный театр закрылся и собирался уезжать. Некоторые торговцы тоже начали убирать свои прилавки: они выкрикивали последние, самые выгодные цены и вообще вели себя слишком напористо, отчего на лице миссис Рейнольдс появилось самое кислое выражение.

Затем, повернув за угол на Понд-стрит, чтобы спуститься с холма и отправиться к себе, они снова увидели Джеральда. Тот мычал и махал им с тротуара, цепляясь за материну руку.

Было что-то гнетущее в том, как он вперился в Эмму пустым взглядом и размахивал рукой, словно больше всего на свете хотел рвануться через дорогу и напасть на нее.

Эмма ускорила шаг и попыталась спрятаться от его взгляда, оглянувшись назад на площадь, но это, кажется, распалило Джеральда еще больше. Он вырвался от матери и, переваливаясь, направился к девочке.

Испугавшись, Эмма поскользнулась и упала. Когда она попыталась встать, Джеральд уже был рядом: одной рукой он схватил ее за волосы, а другой размахивал и куда-то указывал.

Миссис Рейнольдс вмешалась, сильно ударив Джеральда по щеке. Он не заплакал и даже не поглядел на нее. Секунду он только молча стоял и смотрел на Эмму, а затем вдруг издал жуткий крик.

– Как вы смеете бить моего мальчика?! – закричала подбежавшая мать Джеральда. – Я приведу полисмена!

– Будьте так добры, – сказала миссис Рейнольдс, – я расскажу ему, как ваш ненормальный сын пытался убить мою дочь.

Мать Джеральда взглянула на нее с выражением горького смирения, будто только теперь поняла, с кем связалась. Эмма горестно всхлипывала и умоляла отвести ее домой.

– В самом деле! – возмутилась миссис Рейнольдс. – И как только этому существу разрешили выходить на улицу, ума не приложу.

– Как можно быть такой жестокой? – спросила мать Джеральда. – Он не хотел никого обидеть. Ваша дочь чем-то его задела. Я никогда не видела его таким раньше.

– Моя дочь ничего не сделала вашему мальчику. – Мать Эммы задрала свой длинный нос к затянутому облаками небу. – Идем, дорогая, пока этот дикарь не вырвался и не набросился на нас обеих.

Встреча с ужасным, нелепым существом, каким стал Джеральд, так встревожила Эмму, что она, как ни силилась, не могла больше воскресить в памяти очарование кукольного представления. А ведь она надеялась мысленно возвращаться к нему неделями, чтобы скрасить однообразие своей жизни. Чудовищный мальчик все испортил! Она знала, что винить неповинного неправильно, но все равно его ненавидела.

Эмма была вынуждена снова пережить все случившееся за ужином. Мать, театрально все приукрашивая, рассказывала об инциденте отцу. Тот, как обычно, не слишком старался скрыть отсутствие интереса к чему-либо кроме цен на хлопок.

Эмму с чашкой теплого молока отослали в постель пораньше, потому как ее мать была уверена, что она, должно быть, ужасно переживает из-за нападения «этого отвратительного существа».

В других обстоятельствах Эмма воспротивилась бы подобной заботе, однако сейчас ей казалось, что в материных словах есть зерно правды и что произошедшее действительно сильно отразилось на ней. Она была рада найти покой в своей постели и забыться сном.

Но сон Эммы не был мирным. Ее разум полнился непрошеными воспоминаниями о Джеральде: странной, пустой оболочке того мальчика, с которым она была знакома так недолго и который – хотя теперь эта мысль причиняла ей боль – очень ей понравился.

Как и бывает в самых худших кошмарах, реальный и нереальный миры жутким образом переплелись. Эмме приснилось, что он здесь, в комнате, в ее спальне. Правда, во сне ее разбудил странный звук, раздавшийся где-то в доме.

Она услышала, как вдалеке, в коридоре на нижнем этаже распахнулась и затем захлопнулась парадная дверь. Услышала, как шуршат шаги. Во сне не было сомнений: Эмма знала, что это Джеральд.

Она выбежала на лестничную площадку и перегнулась через перила. Мальчик стоял в коридоре спиной к двери и глядел на нее своими жуткими, безжизненными и пустыми серыми глазами.

Эмма раскрыла рот, но не издала ни звука. Она кричала безмолвно, пока не заболели легкие. Затем внезапно, что на контрасте с его былой неподвижностью пугало еще сильнее, мальчик зашаркал к лестнице.

Эмма вся застыла и, дрожа от ужаса, смотрела, как он удивительно быстро карабкается вверх по ступеням.

Только когда Джеральд добрался до верха и заковылял по коридору к ней, Эмма наконец сумела оторвать ноги от пола, броситься обратно в комнату и захлопнуть за собой дверь.

Она знала, что это сон. Снова и снова она твердила себе, что спит, а шаги подбирались ближе и ближе, ближе и ближе. Затем дверная ручка угрожающе заскрежетала.

Эмма вздрогнула и проснулась, не успев опомниться от кошмара. Реальность и вымысел так перепутались, что Эмма подумала, уж не попала ли она из одного сна в другой. Она чувствовала, что на лбу выступили бусинки пота.

И тут раздались шаги. Мелкие, торопливые, тихие – так что сперва ей показалось, что они далеко. Но нет. Они в комнате. Здесь, в комнате, она в этом уверена.

Ее разум все еще пытался стряхнуть с себя путы мыслей, оставшихся после кошмара, и Эмма не понимала, что же она слышит. Ее глаза постепенно привыкали к сумраку спальни. Шаги затихли.

Вдруг раздался грохот. Эмма взобралась обратно на кровать и вжалась в стену, натянув одеяло до самого подбородка.

Что-то незримое сбило с ее ночного столика вазу и спряталось за шторой. Это что-то двигалось, и тяжелая ткань пузырилась и морщилась.

Вдруг шторы сильно натянулись и дернулись, как будто кто-то полез по ним вверх. Темный силуэт прошмыгнул по подоконнику и исчез в открытом окне.

Окончательно уверившись, что осталась одна, Эмма подбежала к окну и захлопнула его на случай, если существо решит вернуться. Ночь была облачной и безлунной, но стояла середина лета, и на небе все еще лежал бледный отсвет не желающего кончаться дня. В этом рассеянном и тусклом свете она краем глаза заметила, как что-то промелькнуло по саду. Промелькнуло очень быстро, но странным образом показалось Эмме знакомым.

Задерживая шторы, Эмма наступила большим пальцем на что-то острое, наклонилась и увидела, что на полу валяются ножницы. И кое-что еще.

На полу и на подоконнике лежали волосы, Эмма сперва приняла их за мех пробравшегося в дом существа, кем бы оно ни было, но потом поняла, что эти волосы – ее собственные. С ее головы срезали толстую прядь.

Эмма тут же вспомнила мычащего Джеральда: как он потянулся к ней и схватил за волосы, как до ужаса напряженно и бессмысленно смотрели его бездушные глаза.

Эмма закричала, и в этот раз ее крик совершенно точно не был беззвучным. Через несколько секунд в комнату вбежал отец, а Эмма сидела, крепко зажмурившись и не помня себя. Она кричала и кричала, пока отец легонько не шлепнул ее по щеке.

Наконец спустя несколько часов родителям удалось успокоить Эмму, и она заснула только благодаря тому, что совершенно вымоталась. На следующий день отцу понадобились весь его здравый смысл и сила убеждения: такой мальчик, как Джеральд – ужасно неповоротливый и неуклюжий – ни за что не мог бы забраться к ней в спальню, уверял он, пусть даже ему хватило бы ума ускользнуть из собственного дома и прошагать полмили до дома Рейнольдсов.

Кроме того, в спальне у Эммы было маленькое створчатое окно. Мальчик комплекции Джеральда никак не смог бы в него пролезть.

Очевидно, Эмме приснился кошмар, потому-то она и ходила во сне. Должно быть, она нашла где-то ножницы и отрезала себе прядь волос. Ее родителям оставалось лишь радоваться, что она не поранилась.

Эмме потребовалось время, чтобы в конце концов признать резонность этих доводов, ведь другого объяснения она найти так и не смогла. Тем не менее следующим вечером перед сном она убедилась, что окно плотно закрыто, а ее мать – только из предосторожности – убрала из спальни Эммы ножницы.

Прошло несколько дней, прежде чем миссис Рейнольдс решила, что Эмма достаточно оправилась, чтобы пойти в город. Конечно, опасность столкнуться с этим ужасным мальчиком и его матерью никуда не делась, но они были готовы пойти на этот риск. Если отсутствовать в городе слишком долго, люди решат, что они в чем-то виноваты. Миссис Рейнольдс знала, как разносятся слухи. И знала прекрасно.

Эмма страшилась этого похода и, чтобы его избежать, притворилась, что у нее болит живот. Но она понимала, что не сможет сидеть дома вечно. Только соблазн зайти в шляпную лавку и надежда снова увидеть на площади кукольный театр заставили ее подавить страх.

Однако у мадам Клодетт было столько народа, что миссис Рейнольдс в конце концов вылетела из магазина, таща за собой Эмму, которая даже не успела взглянуть на прекрасную розовую ленту, которая так подошла бы к ее новому чепцу.

Ко всему прочему, на площади было полно прилавков и тележек, но отсутствовало то, о чем так мечтала Эмма, – кукольный театр.

Затем, когда они вышли из аптеки, в довершение своих мучений Эмма увидела, что на тротуаре через дорогу стоит Джеральд.

Эмма попятилась и столкнулась с мистером Картрайтом, священником, который остановился, только чтобы, коснувшись шляпы, поприветствовать их и извиниться, что оказался у нее на пути. Миссис Рейнольдс попыталась вовлечь его в разговор, но тот, видимо, торопился. Джеральд тем временем направился к Эмме.

Мистер Рейнольдс долго беседовал с дочерью об этой встрече и том, что Эмма должна делать, если – или когда – это произойдет. Она не станет принимать этого беднягу, который не может отвечать за свои поступки, за мальчика из своего кошмара. Если она будет сохранять спокойствие, Джеральд потеряет к ней интерес.

Однако теперь, когда Джеральд стоял перед ней и снова тянул руки к ее волосам, сохранять спокойствие было труднее, чем Эмма ожидала. А это было довольно непросто даже в ее воображении.

Его лицо с мертвым взглядом было даже страшнее, чем ей помнилось. Под ужасными бледными глазами пролегли темные тени, на фоне которых выделялись тусклые белки под тяжелыми веками. Серая радужка, такая красивая, когда в глазах Джеральда еще горел огонек, была теперь мутной, как у слепца.

– Что тебе нужно? – всхлинула Эмма. – Почему ты смотришь на меня? Зачем ходишь за мной?

– Эмма! – шикнула на нее мать. – Прошу, держи себя в руках. Тебе было нехорошо, но пора бы выказать сдержанность. Ты стала одержима этим существом, и это должно прекратиться. Он слабоумный. Он в этом не виноват. Ты должна научиться не обращать на него внимания.

– Этот слабоумный, как вы его называете, – мой сын, – холодно сказала мать Джеральда, которая вдруг возникла рядом с ним и презрительно посмотрела на Эмму.

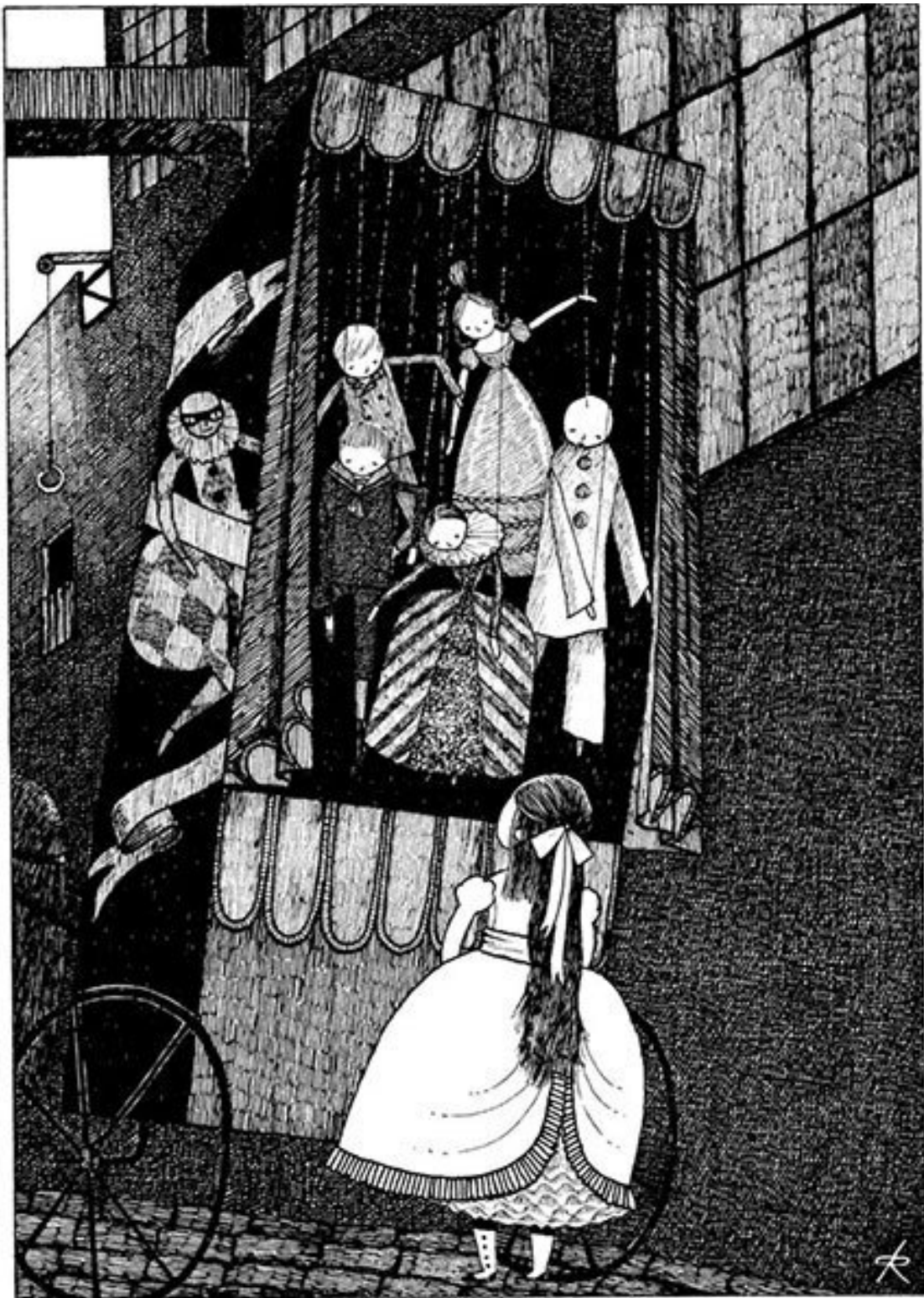
– Но он беспокоит мою дочь, – сказала миссис Рейнольдс, приготовившись дать отпор, поскольку ее рассердил неприязненный тон собеседницы.

– Мой сын ничего не сделал, мадам. Он ей не нагрубил и ничем не обидел.

– Возможно, ему не стоит бывать в столь людных местах. – Мать Эммы поджала губы.

Вдруг Джеральд дернулся к Эмме, и она не выдержала. Повернулась на каблуках и побежала, не разбирая дороги и натываясь на людей в толпе, а мать кричала ей вслед.

Эмма выскочила в темный мощеный переулок, с одной стороны над ней возвышались склады, с другой – стена. Единственным признаком жизни в переулке кроме нее самой была весело раскрашенная повозка. Через несколько мгновений Эмма поняла, что это тот самый кукольный театр, который так ей понравился.

– А ну-ка, – улыбнулся появившийся из-за повозки кукловод, – что это тут у нас?

Эмме всегда наказывали не разговаривать с незнакомыми, и при обычных обстоятельствах она бы дала дёру от этого странного человечка с нафабранными усами и в аляповатом гриме, однако сейчас ей показалось, что он – меньшее из зол.

– Прошу вас, – сказала Эмма. – Есть один мальчик. Он ходит за мной.

Брови кукловода поднялись и опустились, и он ухмыльнулся, постучав себя сбоку по носу.

– Ага! – сказал он. – Путь истинной любви¹³ и так далее.

Эмма покраснела и нахмурилась.

– Нет, – ответила она. – Это совсем не то.

– Не обращай внимания, – сказал кукловод. – Мы тебя спрячем, правда, мальчики и девочки?

Эмма не сразу сообразила, что он обращается к куклам в повозке, которые печально висели на ее каркасе.

– Здравствуйте, юная мадам, – поклонился ей кукловод. – Очень рад знакомству с вами.

– Здравствуйте. – Эмма обеспокоенно оглянулась через плечо. – Я недавно видела ваше представление.

– Да что вы? И вам понравилось?

– О да. Мне очень понравились куклы. И их костюмы. И танцы. Мне все очень понравилось.

– Правда? – Кукловод хлопнул в ладоши. – Что ж, замечательно. Просто замечательно.

Эмма улыбнулась. Он, кажется, был искренне тронут.

– Послушайте, – сказал кукловод и повернулся, ища что-то в повозке. – Раз вы так любите кукол, я могу показать вам кое-что интересное.

Он продолжал рыться в повозке, но вдруг издал возглас и обернулся к девочке с куклой в руках.

– О, она прекрасна! – выдохнула Эмма.

– Похожа на вас, да? – Кукловод приподнял бровь.

И впрямь: кукла действительно немного походила на Эмму. Вообще-то, очень даже походила: такое же платье и такие же аккуратные ботиночки, какие Эмма выпросила у матери. Особенно похожи были волосы.

– Это настоящие волосы? – спросила Эмма, но тут заметила, что в другой руке кукловод держит еще одну куклу. Она тоже выглядела знакомо.

Это был вылитый Джеральд в миниатюре, но странным образом в кукле было больше жизни, чем в настоящем Джеральде. По сравнению с ним лицо куклы выглядело более одушевленным.

– Станцуйте для леди, – сказал кукловод.

К изумлению Эммы, кукла, похожая на Джеральда, и те другие, что висели в повозке, медленно зашевелились.

– Ну же. – В голосе кукловода появилась злость. – И вы называете это танцами? Танцуйте!

В ответ куклы задвигались быстрее и стали выделять головокружительные коленца.

– Как это у вас получается? – спросила Эмма, с улыбкой глядя на скачущих кукол. Кукловод снова постучал себя по носу и подмигнул ей.

– Не могу же я раскрыть тебе все свои секреты, правда? – сказал он. – Вот. Можешь посмотреть Арлекина, если хочешь.

И, не дождавшись ответа Эммы, кукловод вложил куклу ей в руки. Эмма ахнула. Арлекин был восхитительный. И вдруг он пошевелился. Он повернул голову и посмотрел на нее.

Эмма выронила куклу, будто та раскалилась добела, и кукловод засмеялся. Это просто еще один замысловатый фокус, подумала она. И как только ему это удастся? Но пока она гадала, Арлекин поднялся на свои крохотные ножки и пошел обратно к кукловоду. У Эммы вдруг закружилась голова.

¹³ Цитата из комедии Уильяма Шекспира «Сон в летнюю ночь»: Увы! Я никогда еще не слышал И не читал – в истории ли, в сказке ль, — Чтоб гладким был путь истинной любви. (Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник)

Ну конечно. Вот кого она видела (и даже смутно узнала) тогда во сне. Вот кто бежал по саду. Это он проник в ее комнату. Это он отрезал ее волосы, забрал их и принес этому человеку, чтобы тот сделал по куклу по ее подобию, и с ее же волосами. Но зачем?

Внезапно Эмма почувствовала, что падает, задыхается, слабеет и парит в воздухе словно пушинка, парит на теплом летнем ветру.

Затем она вдруг увидела саму себя, а вместе с тем услышала стук колес под ногами. Она смотрела на безжизненную девочку в переулке, ту, которая когда-то была Эммой, но теперь в ней едва ли осталось что-то, кроме крови, костей и бледной усталой плоти.

Все лучшее, что было Эммой, мерно раскачивалось в повозке. Она повернулась к кукольному Джеральду и слишком поздно поняла, что мальчик, которым он раньше был, пытался предупредить ее даже во сне и отпугивал от кукольного театра, чтобы Эмма не поделила его судьбу. Но напрасно.

– Едем, мои прекрасные, – сказал кукловод. – Пора нам найти новых товарищей для игр.

С этими словами он щелкнул поводьями, и повозка с грохотом покатила по мощеному переулку.

* * *

Мои жизненные силы тоже словно бы кто-то похитил. Я снова почувствовал, что забываюсь, и хотя голос Женщины в белом по-прежнему доносился до меня, он становился все более неземным и похожим на эхо.

– А вам нравится театр? – говорила она.

– В детстве я любил кукольный театр, – ответил я, собрав всю свою волю. – Увидев его, я всегда бежал посмотреть. Меня приходилось уводить силой. Я всегда находил их увлекательными.

– Совсем как Эмма, – ухмыльнулась Женщина в белом.

– Да, пожалуй, что так, – ответил я, не вполне уверенный, что мне приятно сравнение с несчастной девочкой. – Хотя, думаю, куклы всегда немного меня пугали, – добавил я, припомнив странный трепет, который у меня вызывали их разрисованные личики.

Образ повозки, полной висящих в ней кукол, пронзил мое воображение, словно разряд молнии. Я практически слышал стук колес уезжающей повозки и снова отчетливо ощутил нечто незримое. Оно было рядом, но я не мог его разглядеть. Знал только, что это нечто еще более ужасное, чем кукловод.

– А что вы скажете о настоящем театре? – спросила Женщина в белом. – О настоящих, живых актерах?

Я был рад избавиться от своей фантазии. Покачал головой, будто пьяный, и покраснел, вспомнив кое-что забавное. Дама приподняла бровь. Я глуповато ухмыльнулся.

– Однажды в субботу мы с несколькими товарищами из школы отправились в Лондон и пошли в мюзик-холл. Было страшно весело. Там был мужчина, который выбрался из бака с водой. А одна собака исполнила государственный гимн.

– Звучит замечательно.

– Боюсь, некоторые шутки бы вас возмутили.

Она улыбнулась.

– Там была леди, которая... – начал было я, но не смог подобрать вежливых выражений, чтобы описать действия этой леди, а потому сконфуженно поглядел на спящего Епископа и потер руки.

– А настоящий театр? – спросила она. – Что вы скажете о великом барде – Шекспире?

– Думаю, я видел недостаточно, чтобы судить. Однажды отец водил меня на «Макбета». Очень интересно.

– Ах, «Макбет». Прекрасный выбор. А почему, как вам кажется, пьеса вам так понравилась?

Прошла вечность, прежде чем ее слова достигли моего слуха, будто нас разделяла не пара футов, а целое ущелье. Воздух словно сгустился, и мы застыли в нем, как в желе. Я из последних сил сосредоточился на Женщине в белом и подгонял разум, чтобы тот скорее сочинил ответ.

– Что ж, полагаю, мне понравился сюжет о ведьмах, предсказаниях и прочем, хотя вы и сказали, что я люблю все рациональное. И мне, как вы знаете, нравятся мрачные истории. Ну а в «Макбете» много крови, убийств, привидений и много чего еще.

– Совершенно верно.

Я на мгновение закрыл глаза, но тут же открыл их, испытав жуткое ощущение, что падаю.

– И, конечно, мне нравится все, что связано с историей, – продолжил я. – Рыцари, воители и так далее. Я бы очень хотел отправиться в прошлое и посмотреть, как все действительно было в те времена.

– Вы хотели бы? – Ее голос звучал равнодушно. Почему-то девушек обычно не слишком интересуют подобные вещи. Отчасти поэтому я считал, что собеседницы из них никудышные.

– О да. Разве не замечательно было бы понаблюдать за битвой при Гастингсе или осадой Трои? Не могу представить себе ничего более увлекательного.

Женщина в белом наградила меня довольно сочувственным взглядом.

– Битвы не столь увлекательны, как вам кажется.

Для того, кто никак не мог иметь опыта военного дела, она произнесла эти слова с холодной и странной уверенностью. И тут меня озарило.

– Возможно, вы медсестра, мисс? – сказал я, взмахнув в воздухе указательным пальцем на манер университетского профессора, решившего особенно трудную математическую задачку.

Она склонила голову набок и улыбнулась.

– Нет, – ответила она через мгновение. – Нет, дорогой мальчик, я не медсестра. Хотя меня часто призывали к больным, и надеюсь, что иногда эти визиты приносили им облегчение.

Женщина в белом взглянула на часы.

– Который час? – спросил я.

– У меня есть для вас еще одна история, – сказала она. – Хотите послушать?

Я нахмурился, не получив ответа на свой вопрос, но не мог выдержать ее взгляда и, вздохнув, кивнул. Честно сказать, я слишком утомился, чтобы протестовать.

– Чудесно, – сказала она, постучав кончиками пальцев обеих рук друг о друга. – Она о монахине.

– Да что вы?

– Да, – ответила она довольно. – Ее звали... Впрочем, вы это сейчас узнаете. Давайте начнем.

Сестра Вероника

Сестра Вероника провела тыльной стороной руки по лбу, вытирая собравшиеся на нем капельки пота. Она глубоко дышала носом, и ноздри ее при этом раздувались. Собравшись с духом, она улыбнулась своей сияющей белозубой улыбкой – улыбкой, которая, по словам матери-настоятельницы, могла озарить даже самые темные времена.

– Можешь кричать и визжать сколько угодно, глупое дитя, – сказала она. – Эти древние стены ужасно толстые, и от города мы далеко. Никто тебя не услышит, а если и услышат, то не придадут значения.

Сестра Вероника подняла лещиновый прут над правым плечом и опустила его под таким углом, что он со свистом разрезал воздух и хлестко ударился о голые ноги девочки.

Та завизжала от боли, и сестра Вероника сжала губы, прежде чем снова поднять и опустить прут. Свист. Удар. Визг.

Сестра Вероника закрыла глаза и позволила трепещущему от эйфории сердцу замедлить биение. Девочка стонала и всхлипывала, прижимаясь лбом к вытянутым рукам. Она цеплялась за край стола так, что побелели костяшки. Постепенно сестра Вероника очнулась от своего транса.

– Ступай, дитя. – Она чувствовала, как подступает привычная головная боль. – Мы все должны стремиться к тому, чтобы уподобиться святым, которые переносили страдания с кротостью, стойкостью и достоинством.

Девочка поморщилась, соскользнула со стола и, как могла, подошла к своим товаркам, стоящим тут же.

– Хотя, конечно, – продолжала сестра Вероника, – благословенные святые не стали бы красть с кухни, правда?

Сестра Вероника позволила себе усмехнуться, однако ее улыбка быстро исчезла, как это бывает с улыбками, когда их никто не разделяет. Девочки слышали, что именно сестра Вероника думает о благородных страданиях святых, уже много раз – много, очень много. Ее речи часто сопровождалась широкой белозубой улыбкой. И побоями.

– Итак, девочки, – сказала сестра Вероника, хотя была чуть старше их. Прошло не так много лет с тех пор, как она сама ходила в училищах. – Поскольку все вы знали о том, что Кристина нагрешила и не сообщили об этом, никто из вас не пойдет в этом году в деревню на праздник.

– Вместо этого, – продолжила она, – мы посмотрим, что можно сделать с вашими ничтожными душами. Мы посвятим это время изучению искусства. Способностями к нему Господь из всех своих творений одарил лишь человека. Постараемся же получить хотя бы малую толику знаний о блаженстве, которое есть рай.

И снова сестра Вероника удивилась, что ее речь не была встречена ропотом и стонами. На самом деле девочки, кажется, внимали ей очень сосредоточенно. Возможно, ей наконец удалось достучаться до этих жалких созданий.

В те темные минуты, пока сестра Вероника не проваливалась в сон, ее одолевали сомнения – ужасные, ужасные сомнения. Однако она искренне верила, что призвана привести этих девочек к благодати.

Сестра Вероника чувствовала, что отчасти ее призвание заключается в том, чтобы привить девочкам немного своей любви к искусству. Разумеется, к искусству исключительно религиозному – не к этим вульгарным французским картинам, которыми ее отец заполнил фамильный дом.

Сестра Вероника считала произведение искусства настоящим, если оно приближало ее к Богу, если уносило ее прочь от низменных и прозаичных тревожений этого приземленного мира.

Но эти девочки такие приземленные, а их тревожения – так прозаичны. Лишь одна из них демонстрировала хоть какую-то способность ощутить божественный экстаз, который может вызвать картина; кажется, только Барбара могла по-настоящему оценить неземную прелесть искусства. Однако теперь она потеряла и Барбару.

Сестра Вероника знала, что Барбара винит ее в том, что произошло с Мэри Макгриви. Но как можно возлагать на нее ответственность за судьбу этой глупой девчонки? Как можно винить ее за то, что недалекая Мэри Макгриви вечно навлекала на себя неприятности?

Перевоспитать девочку поручили сестре Веронике, и, если бы Мэри не была такой противной, скверной и мстительной пакостницей, не было бы нужды наказывать ее столь часто.

Раньше, когда сестра Вероника была обычной девочкой по имени Кэтрин Коннор, ее тоже часто били, да-да. Она была глупа, легкомысленна, поддавалась соблазнам, и потому ее били. Так она стала сильнее. Так к ней пришло краткое божественное озарение о страданиях святых. Так она приблизилась к Богу.

Но Мэри Макгриви не суждено было увидеть свет Божьей благодати. Она была неспособна понять, каково это – служить кому-то, а не себе. В конце концов Мэри совершила ужасный грех, наложив на себя руки. Разве нужны другие доказательства ее дьявольской природы?

Барбара, милая Барбара всегда считала глупую, своевольную Мэри Макгриви своей закадычной подругой. Это было необъяснимо, это выводило из себя. Сестра Вероника часто видела, как они болтают и хихикают, будто деревенские простушки, и удивлялась, как сильно это ее злит. Мэри, казалось, поработила всех девочек. Но как с такой взбалмошной греховодницей могла водиться Барбара? Это было необъяснимо досадно.

И вот, с тех пор как глупая девчонка обрекла себя на адовы муки, лишив себя жизни, Барбара почти не разговаривала с сестрой Вероникой. Во время мессы она взяла в привычку смотреть на монахиню пристально и довольно дерзко. Будь это любая другая девочка, сестра Вероника выпорола бы ее. О, еще как выпорола! Но сделать такое с Барбарой она не могла. Только не с Барбарой.

– Видите, дети? – Сестра Вероника улыбнулась так лучезарно, что стоящая рядом с ней девочка вздрогнула, и указала на одну из небольших картин, изображавших стояния крестного пути¹⁴. – Это Святая Вероника, в честь которой назвали меня. – Она улыбнулась, чтобы дать этому факту улечься в их сознании, и прикусила щеку с внутренней стороны, смутно трепеща от того, сколь близка она к греху гордыни. – Видите, как отирает она благословенное чело Господа нашего?

Сестра Вероника глядела на картину с отрешенным выражением на лице. Это ее выражение девочки научились узнавать и бояться.

– Интересно, может ли кто-либо из вас представить, каково это – быть так близко к Спасителю нашему и послужить Ему в час испытаний?

Девочки молчали. Долгим и мучительным опытным путем они усвоили, что любой их ответ может вызвать у сестры Вероники очередной приступ гнева. Конечно, молчание тоже могло его вызвать, но все же безопаснее было ответить ей взглядом, ничего не говоря и не меняясь в лице. Сестра Вероника посмотрела на них из-под полуприкрытых век и покачала головой.

– Но где вам? Разве способны такие, как вы, осознать нечто подобное? Разве можете вы понять, что значит посвятить себя служению другим, как Святая Вероника и как мы?

Сестра Вероника относилась к урокам живописи очень серьезно. У нее и самой был некоторый талант, хотя она старалась не слишком этим гордиться. Иногда она даже наказывала себя уничтожением рисунка, который удался особенно хорошо, и это она ненавидела.

Некоторые девочки, окончив школу, стали гувернантками в именитых семьях Англии и ее колоний. Как раз на днях сестра Руфь получила письмо от своей ученицы, которая теперь служит в семье на Багамах.

Когда сестра Руфь – по мнению сестры Вероники, слишком восторженно – рассказывала о письме, сестра Вероника почти поддавалась уколу зависти. Она ни разу не получала писем от своих подопечных. Такой-то благодарностью отплатили ей эти девчонки! Кроме того, сестра Руфь пересказала из письма один совершенно непристойный пассаж о «привлекательных молодых людях», и сестре Веронике пришлось сказать, что она торопится по срочному делу, чтобы завершить беседу.

– А теперь, девочки, – сказала сестра Вероника так громко, что крошка Сьюзен Тиллер подпрыгнула, – мы займемся рисованием. Это лучшее, чему вы можете посвятить свое время вместо того, чтобы тратить его на нечестивые развлечения на деревенском празднике или строить глазки деревенским мальчишкам – да-да, речь о тебе, Маргарет.

Маргарет не ответила. Обычно одно только упоминание о мальчиках вызывало смешки, но не в этот раз. Сестра Вероника нахмурилась.

– Я думаю, мы можем вернуться к натюрморту, который...

– Сестра Вероника.

Сестра Вероника, словно змея, обернулась к перебившей ее девочке – о, как она ненавидела, когда ее перебивают. Барбара стояла с поднятой рукой и – неужели? – улыбалась.

– Да, Барбара. Что такое?

– Прошу прощения, сестра Вероника, – Барбара шагнула вперед, – мы с девочками тут говорили, правда, девочки?

– Да, да, – согласно закивали остальные.

¹⁴ Стояния крестного пути – основные эпизоды пути Иисуса Христа на Голгофу, где его распяли на кресте.

– Мы хотели спросить, сестра Вероника, нельзя ли нам нарисовать ваш портрет.

Сестра Вероника силилась – не слишком успешно – не покраснеть. Она вонзила ногти в ладони, сердясь на себя за то, что так по-девчачьи разволновалась.

– Мой портрет, дитя? – переспросила она, сияя улыбкой. – Право же, не знаю...

– Вы беспокоитесь, не будет ли это грехом тщеславия, да, сестра Вероника? – спросила Барбара.

Улыбка исчезла с лица сестры Вероники. Грех тщеславия ее действительно беспокоил. Беспокоил часто. Она знала, что красива, но очень старалась не возгордиться.

– Мы так и думали, – продолжила Барбара. – Я сказала Маргарет: «Сестра Вероника не позволит нам себя рисовать. Она ни за что не захочет выставить себя в таком свете. Она сочтет это святотатством».

– Не уверена, что это такое уж святотатство, – ответила сестра Вероника. В комнате вдруг сделалось темно: облако напозло на солнце, и в сумраке ее улыбка казалась еще ярче. – Но тщеславие действительно ужасный грех. Знаете почему?

– Потому что отвлекает нас от любви к Господу, сестра, – сказала Барбара.

– Очень хорошо, Барбара. – Сестра Вероника просияла. – И потому мы должны всегда быть настороже. Итак, вернемся к натюрмортам?

– Мы так и думали, что вы не позволите нам рисовать вас в вашем собственном образе, – продолжала Барбара.

– Я не понимаю, дитя. – Сестра Вероника направилась к столу с натюрмортом.

– Поэтому мы кое-что придумали, – сказала Барбара. – Ну пожалуйста, пожалуйста, сестра Вероника, разрешите. Пожалуйста.

Сестра Вероника неспешно обернулась к ней.

– Но я и вправду не понимаю, Барбара.

– Ой, простите, сестра, – девочка хихикнула. – Мы подумали, что вы можете позировать нам в образе святой.

У сестры Вероники чуть закружилась голова. Барбара снова разговаривает с ней, и девочки еще и хотят, чтобы она позировала им в образе одной из благословенных святых. Это похоже на грезы. Хотя, конечно, она никогда бы не позволила себе грезить о подобном.

– И что же это будет за святая?

– Мы хотели попросить вас встать в позу, а потом угадать.

Сестра Вероника посмотрела на стайку девочек, на их лицах – ожидание и предвкушение. Не смеются ли они над ней? Она боялась ослабить бдительность, но разрушать волшебство момента не хотелось.

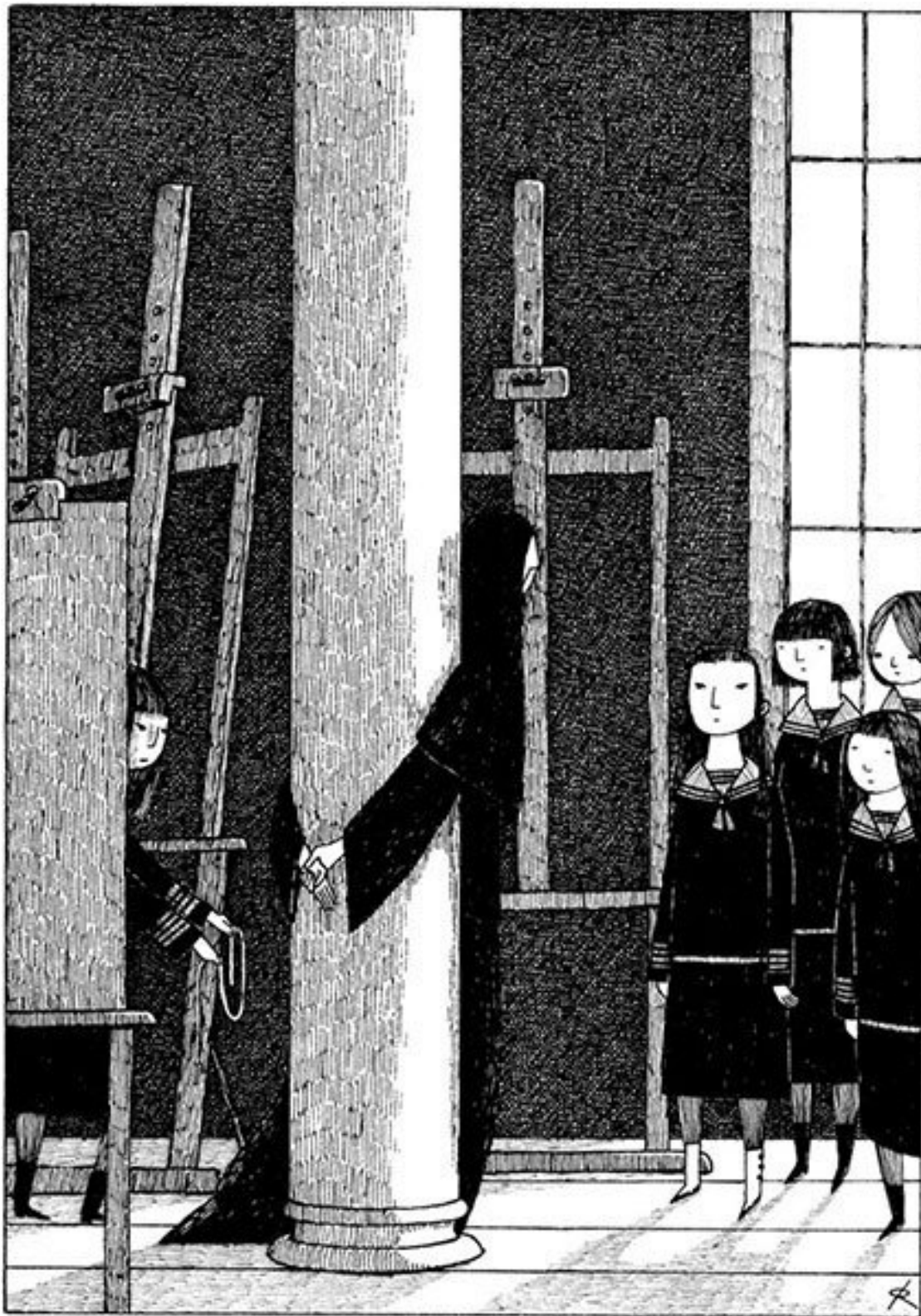
Мать-настоятельница однажды пожурела ее за отсутствие чувства юмора. «Иногда хорошо бы показать, что умеешь повеселиться», – сказала она. Может ли сестра Вероника «повеселиться» сейчас? Она в этом не уверена. Ну разве что ради Барбары.

– Что ж, хорошо. – Сестра Вероника кротко улыбнулась. – Как мне встать?

– Встаньте, пожалуйста, рядом с колонной, – сказала Барбара. – Ну, знаете, как будто вы привязаны.

Сестра Вероника подошла к одной из колонн в классной комнате. Строители монастыря разместили их в ряд у одной из стен. Помещение от этого было во многом неудобным, но зато походило на часовню, что сестре Веронике очень нравилось. Вдруг в витражном окне вспыхнул солнечный свет, и на каменную кладку брызнули цветные пятна: золотые, зеленые, кроваво-красные.

Сестра Вероника прислонилась к колонне, но Барбара велела ей завести руки назад, как будто они связаны за спиной. Сестра Вероника послушалась, спрашивая себя, как долго ей удастся простоять в такой неудобной позе, пусть она и намеревалась разделить с девочками «веселье».

– Вы уже догадались, что вы за святая, сестра Вероника? – спросила Барбара.

– Может быть, Святой Себастьян? – При этой мысли голос сестры Вероники слегка задрожал. В житиях святых была гравюра с изображением Святого Себастьяна, которая ей особенно нравилась, хотя она часто беспокоилась, что рассматривать ее с таким удовольствием ей не пристало.

– Нет, сестра Вероника, – сказала Барбара. – Не Святой Себастьян.

Сестра Вероника нахмурилась, мысленно перелистывая жития и стараясь припомнить, кого еще из святых привязывали к колонне. На ум ей приходил лишь сам Иисус (его привязали к колонне, чтобы бичевать перед распятием), но она не могла позволить себе столь кощунственной мысли.

Мысленно перебирая святых, сестра Вероника поняла, что всегда представляла их только в муках, а не в благих деяниях. Ведь именно страдания чаще всего изображали на картинах и оттисках, которые она так любила рассматривать.

Она всегда представляла Святого Варфоломея с атрибутом его мученичества – перекинутой через плечо собственной кожей, которую с него содрали заживо. Иаков Алфеев виделся ей с дубинкой, которой его забили до смерти, Апостол Павел – с мечом, которым его обезглавили, Власий Севастийский – с железными гребнями, которыми строгают его плоть, Лаврентий Римский – с решеткой, на которой его изжарили. Погруженная в эти размышления, сестра Вероника вдруг поняла, что ее схватили за руки и чем-то обвязали запястья.

– Девочки, – сказала она, пытаясь освободить руки от веревки. Нет, не веревки – это же проволока. – Боюсь, мне несколько больно.

Из-за колонны, ухмыляясь, вышла Маргарет.

– Маргарет, ты меня слышала? – прорычала сестра Вероника. – Развяжи меня сию же секунду.

– Вы еще не догадались, какая вы святая, сестра? – вместо ответа спросила Маргарет.

– Я уже начинаю сердиться на вас, девочки, – сказала сестра Вероника.

– Ну что вы, сестра, – сказала еще одна из девочек. – Угадайте.

– Я не хочу угадывать! – рявкнула сестра Вероника. – Я хочу, чтобы вы развязали меня сию же секунду.

Девочки захихикали.

– Может, это даст вам подсказку. – Барбара достала большие клещи, которые нашла на конюшне. Сестра Вероника однажды видела, как смотритель вытаскивает ими из забора огромный ржавый гвоздь.

Она снова потерела проволоку на запястьях, но, кажется, только затянула ее туже. Пути врезались в кожу, и сестра Вероника поморщилась.

– Ну же, сестра Вероника. – Барбара с усмешкой повернулась к остальным девочкам. – Вы наверняка догадаетесь.

Однако сестра Вероника уже догадалась.

– Это зашло слишком далеко! – сказала она голосом, который должен был звучать властно, но вместо этого получился тоненьким и умоляющим.

– Можешь кричать сколько угодно, глупое дитя, – сказала Барбара, и сестра Вероника поняла, что она подражает ей. – Никто тебя не услышит.

Барбара кивнула девочкам, и сестра Вероника почувствовала, как чьи-то руки схватили ее за лицо: одна держала челюсть, а другая цепляла что-то ей на нос. Бельевую прищепку. С выражением мрачной решимости Барбара шагнула вперед.

– О Господи! – выдохнула сестра Вероника. – Боже мой!

Аполлония Александрийская. В житиях святых была довольно неприятная гравюра: пухлолицая женщина держит инструмент, отдаленно напоминающий тот, которым Барбара теперь щелкала у нее перед носом. Аполлония Александрийская – ее пытали, привязав к колонне и вырвав все зубы. Аполлония Александрийская – покровительница зубных врачей.

Прищепка больно сжимала сестре Веронике нос, и ее размытые очертания почти скрыли из виду Барбару и клещи, которые придвигались к ней все ближе.

* * *

Эти клещи неприятным образом так и стояли в моем воображении, и мне показалось, что в Женщине в белом есть нечто такое, отчего легко представить, что это она держит их в руках. Однако несмотря на эту тревожную мысль я широко зевнул, силясь не задремать. Накопительный эффект рассказов, как бы они меня ни пугали, был таким же, как у сказок на ночь: мне хотелось спать все сильнее и сильнее.

Правда, вспомнить, как мне рассказывали сказки на ночь, оказалось непросто: мои родители не придавали ритуалам такого рода большого значения. Напрягая память, я неожиданно вызвал в памяти образ той самой гувернантки, которую я уже упоминал и с которой так жестоко обходился.

Я вспомнил, как она улыбалась мне, когда желала доброй ночи, вспомнил тихий хлопок, с которым она закрывала книгу, и почувствовал укол вины и стыда. Женщина в белом, кажется, заметила эти чувства на моем лице и с любопытством на меня посмотрела.

Честно говоря, мне становилось все труднее поддерживать с ней зрительный контакт. Я боялся, что через некоторое время впаду в глубокое забытие, как и мои попутчики.

Пытаясь скрыть свое сонливое состояние от Женщины в белом, которая выглядела как никогда свежо и бодро, я заговорил неестественно жизнерадостным голосом и громко хлопнул в ладоши.

– Что же, мы, выходит, до сих пор не двигаемся? Возможно, мне стоит выйти и разыскать машиниста.

Я попробовал встать, но, еще не перенеся вес на ноги, понял, что это бесполезно. У меня попросту не было сил. Если бы я поднялся, то наверняка свалился бы на пол, выставив себя на посмешище. К моему облегчению, Женщина в белом жестом остановила меня.

– Нет-нет. – Она придержала меня за руку. – Так не годится. Нельзя сходить с поезда, когда он в тоннеле.

– Правда? Но...

– Правда, – сказала она так, словно эта тема окончательно закрыта. – Тут и говорить не о чем.

– Надо же. – Я снова откинулся на своем сиденье и попытался сосредоточиться; Женщину в белом я теперь видел до странности размыто. – Я и не знал, что есть такое правило.

– Есть, – ответила она. – И, уверяю вас, нарушать его нельзя.

Даже теперь, когда мой разум затуманился, я с трудом мог поверить, что эта женщина обладает особыми знаниями о процедурах железнодорожной компании, но пока у меня было недостаточно сил, чтобы действовать в соответствии со своими высказываниями, так что оставалось лишь поверить ей на слово.

Я бросил утомленный взгляд на других пассажиров, чей сон ничто не тревожило. Их забытие теперь не только не раздражало меня, но и казалось заманчивым. Однако мысль о том, чтобы спать, пока Женщина в белом бодрствует, наполняла меня глубокой, хотя и необъяснимой тревогой.

– Скажите, пожалуйста, который час? – спросил я, посмотрев в окно и увидев, что свет быстро угасает. Небо болезненно побледнело, а откосы выемки почти утонули в тени.

– У вас такой усталый голос, – сказала Женщина в белом ласково. – Прошу, не нужно бороться со сном из вежливости. Меня вполне удовлетворит моя собственная компания. Прошу вас. Закройте глаза, если вам хочется.

О, как же я желал именно так и поступить, но ее просьба лишь укрепила во мне уверенность ничего подобного не делать.

Женщина в белом словно почувствовала мое сопротивление и улыбнулась почти так, как мать иногда улыбается своевольному ребенку, который не хочет делать что-то для своей же пользы. Я по-прежнему боролся с собой, лишь бы отяжелевшие веки не сомкнулись, а разуму – не поддался туману, который стремился окутать каждую мою мысль.

– Итак, – сказала Женщина в белом через несколько мгновений. – Вы возвращаетесь в школу. Вы из тех мальчиков, что, затаив дыхание, ждут не дождутся каникул?

– Нет, – ответил я. – Будь моя воля, я остался бы в школе до возвращения отца. Как я уже говорил, мы с мачехой не слишком ладим.

– И все же она вас любит.

Я нашел это предположение очень курьезным и громко хмыкнул.

– Вы думаете, невозможно любить кого-то, кто не любит вас? – спросила моя спутница.

– Не знаю. – Прежняя боль на миг пронзила виски. – Я об этом не думал. Мне совершенно точно не приходило в голову, что мачеха испытывает ко мне особые чувства.

Женщина в белом улыбнулась.

– Это потому, что вы к ней особых чувств не испытываете?

– Да. Нет... Я не знаю. Думаю, я больше не хочу говорить о мачехе.

– Конечно, конечно. Мы заговорили об этом только потому, что я спросила у вас о каникулах. Если вам не нравится проводить время с мачехой, должно быть, на каникулах вы ужасно скучаете.

– В основном я сижу дома или в саду и читаю, – объяснил я.

– Ах, да. Книги могут быть большим утешением.

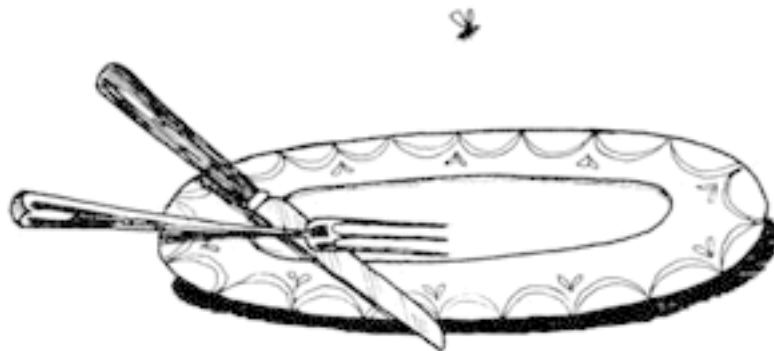
– Не уверен, что ищу в книгах утешения. Я не думаю, что в нем нуждаюсь. Я читаю, чтобы развлечься, вот и все.

– Тогда, возможно, вы позволите мне развлечь вас еще одним рассказом.

Головная боль терзала меня так сильно, что я охотно согласился. Поддерживать беседу было чересчур утомительно.

– Так совпало, – сказала она, пока я пытался сосредоточиться на ее голосе и не уснуть, – что этот рассказ о мальчике, очень похожем на вас. Ему тоже было скучно на каникулах. Но он нашел для себя совсем другое занятие...

Мальчик-шептун

Роланд со свистом втянул воздух сквозь зубы, отшатнулся и покачал головой. Это точно Каттер, и он несомненно мертв. Роланд и раньше видел мертвецов: всего лишь год назад ему пришлось поцеловать холодный посеревший лоб своей бабушки.

Однако свою бабушку он едва знал, и она мирно покоилась в темной спальне, а не лежала вот так, распластавшись, на улице, как собака. А Каттера он знал хорошо, он Роланду даже нравился. Но нужно не выказывать волнения. Вожаки должны всегда сохранять хладнокровие.

– Это Мальчик-шептун! – тихо сказал один из мальчиков, дрожащим пальцем указывая на тело. – Это опять он, да?

– Замолкни! – сказал Роланд: чужой страх придал ему сил. Это игра, как бег наперегонки. Он не обязан быть бесстрашным. Ему просто нужно казаться не таким испуганным, как остальные. Ему просто нужно быть лучше их, и Роланд чувствовал, что как никогда способен выполнить это условие.

С тех пор как Роланд приехал из школы на каникулы, разговоров вокруг только и было, что о Мальчике-шептуне. Компания идиотов. Они одержимы каким-то дурацким фантомом, так и носятся с ним. Вот почему им нужен Роланд. Эти глупцы похожи на неразумных животных.

– Реббит прав. – Тоненький голос Джека прерывался. – Это точно Мальчик-шептун.

Роланд вздохнул и покачал головой. Он посмотрел на Джека так, как мог бы посмотреть учитель на ребенка, чья попытка понять элементарные азы латинской грамматики в который раз провалилась.

– Ты не можешь знать всего, Роланд, только потому, что ходишь в свою дорогую школу, – сказал Джек.

– Я знаю, что не верю ни в каких шепчущих мальчиков.

– Да что ты? – Джек указал на тело Каттера. – Ты видел его лицо?

Роланд видел. Как бы он ни храбрился для виду, чтобы показать, будто он верховодит их маленькой компанией, он не мог не признать, что лицо Каттера выглядит странно. Его глаза были раскрыты так широко и смотрели так дико, что чуть не вылезали из орбит, а белки налились кровью. Каждый раз, когда Роланд взглядывал на это лицо, его напускная храбрость давала трещину.

Глаза Каттера свидетельствовали о том, что он должен был умереть в страхе, крича во все горло, однако по его губам этого видно не было. Рот Каттера был закрыт, губы – плотно сомкнуты. Живому лицу контраст между безумным взглядом и сжатыми губами придал бы комический вид. Но Роланд уже успел об этом поразмыслить.

– Думаю, его задушили. – Он поднял руку к лицу для большей выразительности. – Думаю, кто-то зажимал ему рот, пока он не умер.

Мальчики забормотали, и Роланд с трудом подавил желание улыбнуться. Очевидно, никто из них об этом не подумал.

Отца Роланда ужасало, что сын проводит время с этими ребятами, но Роланд упивался возможностью главенствовать над ними. Их невежественность и скудоумие его и привлекали. В школе у него никогда не было возможности кем-то помыкать. Несмотря на глубокое убеждение, что он ровня своим сверстникам – если не лучше их, – они не обращали внимания на его способности.

Однако здесь, в своем родном городе, среди бестолковых уличных мальчишек, Роланд нашел свое место. Он был достаточно умен, чтобы казаться этим местным олухам настоящим мудрецом, и ему хватало силы и жестокости, чтобы, если потребуется, подкрепить свое превосходство физически. Он представлял себя генералом, который командует сбродом.

– Кто бы это ни был, он сильный, – сказал Фигг. – Каттер и сам был силен и без боя бы не сдался. Но видите, на нем нет никаких следов.

Фигг прав. Каттер вел себя как животное, если его раздражить. Кто бы ни прикончил Каттера, его стоит бояться, это уж точно. Но это не мальчик, шепчущий или нет. Это дело рук мужчины: высокого, сильного, нехорошего мужчины.

Борясь с отвращением, Роланд наклонился и закрыл Каттеру глаза. Он подумал, что это удачный жест. Однажды он видел, как старику, упавшему замертво у трактира «Пес и гусь», закрыли глаза именно так.

Роланд уже собирался опустить Каттеру веки, как вдруг отпрянул, смутившись своего панического вопля. Во рту у Каттера что-то двигалось.

На свет высунула головку жирная муха; ее бутыльно-зеленое тельце появилось через несколько секунд. Мальчики, застыв, уставились на нее. Крылышки мухи затрепетали, и она, лениво жужжа, улетела прочь.

Роланд услышал, как за его спиной рвет Норриса, и это привело его в чувство.

– Ненавижу мух, – сказал он.

– А кто ж их любит, – просипел Джек.

– Мерзость какая. – Голос Реббита прерывался, потому что он силился сдержать всхлип. – Кто-нибудь, накройте его, пока все мухи в этой дыре не заползли ему в горло.

– Накрыть его? – спросил Роланд. – Это чем же? Пожертвуешь свою куртку?

– Нет! – Лицо Реббита перекопилось. – Должно быть что-нибудь.

Однако быстрый осмотр показал, что поблизости ничего нет.

– Нам лучше не стоять тут, а пойти и привести кого-нибудь. Иначе будет похоже, что это сделали мы, – сказал Джек. – Норрис, сходи к моему отцу и расскажи ему, что случилось.

Роланду не понравилось, что лидерство захватил не он, а Джек, но очевидно, что так и нужно поступить, поэтому Роланд ничего не сказал, а только угрюмо кивнул Норрису, который оглянулся на него, ища подтверждения.

Норрис был рад удалиться от тела Каттера. Не сказав ни слова, он устремился с холма вниз к центру города и мясной лавке отца Джека.

Роланд успокоился. Ужас, который он испытал при виде тела Каттера, отступил. Несмотря на вмешательство Джека, он чувствовал, что владеет собой и всей ситуацией.

– Это они виноваты, – Реббит указал на чернорабочих, строящих новые дома. – Это они потревожили могилы.

– Ага, – сказал Джек. – Только глянь на них. Зачем нам такие дома? Какой прок в этом кирпиче да шифере? Или в раздвижных окнах? У нас тут не Лондон.

Джек вперил взгляд в Роланда. Это его отец купил землю и оплатил строительство домов. Роланд ухмыльнулся и покачал головой. Джек что, и вправду думает, будто может его запугать?

– Да какая разница, что они строят и из чего? – сказал Реббит. – Они раскопали могилы, и это факт. Говорят, там хоронили чумных.

– Нет там могил чумных.

– А что там тогда? – спросил Роланд небрежно.

– Старый работный дом, который снесли перед стройкой, – ответил Фигг. – Сто лет назад или около того там была вспышка лихорадки. А жили там маленькие дети. И вот их просто заперли и оставили помирать. Ну, мой старик так говорит.

– А он все знает, да? – усмехнулся Роланд. – Он же годами не выходит из дома, разве что дойти до паба. И не сказать, чтоб он особенно много читал.

– Чтобы знать, что там был работный дом, ничего читать не надо, – ответил Джек холодно. – Это все знают. Потому Мальчик-шептун и поступает так.

– Нет никакого Мальчика-шептуна, – сказал Роланд.

– Нет, есть.

– А вот и нет.

– *Нет, есть.* – Джек сжал кулаки. – Я сам его видел!

Все повернулись к нему.

– И почему же ты не говорил об этом раньше? – спросил Роланд.

Джек покачал головой.

– Не знаю. Небось, вы бы все равно не поверили.

– А почему ты думаешь, что сейчас поверим? – осклабился Роланд.

– Дай ему сказать, – вмешался Фигг. – Валяй, Джек. Расскажи, что ты видал.

– Это было в тот день, когда нашли каменщика. – Джек присел на стену. – Он был первым, помните? Теперь их пятеро, считая Каттера.

– Хорошо, – сказал Роланд. – Считать мы умеем. – Он улыбнулся Реббиту. – Ну, почти все. Что там с каменщиком?

– Я видел его прямо перед смертью, – ответил Джек. – Он прошел мимо меня. А потом, через пару минут, я услышал странный звук.

– Шепот? – спросил Роланд.

– Нет, не шепот. Как будто кто-то дышит. Или свистит, тихонько так. Я повернулся, и вместо каменщика там был тот мальчик. Теперь-то я знаю, что каменщик в яме лежал, и лицо у него было ровно такое, как у нашего Каттера. Вот только... Не могу точно объяснить.

– Не можешь объяснить? Расскажи тогда, как он выглядит.

– Да не могу я, не знаю. – Джек покачал головой.

– Не можешь его описать? – Роланд ухмыльнулся.

Джек нахмурился.

– Хочешь сказать, что я вру?

– Я ничего не хочу сказать, – ответил Роланд. Джек хоть и небольшого роста, но сильный. На него не стоит слишком напирать, если только не хочешь нарваться на драку. Для этого еще будет время и место, подумал Роланд. Но не сейчас. – Но ты либо видел его, либо нет.

– Видел.

– Тогда скажи, как он выглядит.

– Это не больно-то просто. Сначала никого не было, а потом он появился. А потом снова исчез.

Роланд сплюнул, хмыкнул и посмотрел на Джека с видом человека, который услышал достаточно.

– Ну а когда он *был*, а не исчезал, *как он выглядел*?

– В том-то и дело, – сказал Джек. – Он особо никак не выглядел.

– Но он же должен выглядеть как мальчик. – Роланд улыбнулся. – Иначе это был бы Пешептун, или Чайник-шептун, или еще что-нибудь, разве нет?

– Так он и выглядит как мальчик, – сказал Джек. – Но только очертаниями, что ли. А так он вроде тени или чего-то такого. Словно сделан из дыма.

– Сделан из дыма? – Роланд рассмеялся. – Приятель, ты только послушай, что ты говоришь. Из дыма?

– Я просто рассказываю, что видел, – ответил Джек. – Нечего спрашивать, если ответ тебе не по душе, понял?

Джек посмотрел на Роланда с таким выражением лица, что всем стало ясно: он беседу закончил.

Роланд пообещал себе, что расквитается с Джеком, и скоро. Он позаботится о том, чтобы это произошло на его условиях. Он уже положил в карман куртки короткий металлический брусок – как раз на такой случай.

Через некоторое время Норрис привел мясника, отца Джека Лэндона. Он кликнул сына, и тот показал ему тело. Лэндон-старший уже известил констебля и теперь присел, чтобы взглянуть на лежащего на голой земле Каттера.

Лэндон не испытывал к Каттеру теплых чувств, но он погиб трагически, и его мать сойдет с ума от горя. Прежде чем попросить жену сообщить новость матери Каттера, он решил лично убедиться, что это не какой-то злой розыгрыш, но теперь снова послал Норриса в лавку.

Лэндон кивнул Роланду, по привычке отдавая ему дань уважения как сыну мелкопоместных дворян. Однако сделал это нехотя. Отец Роланда, может, и состоятельный мировой судья, но Лэндону не нравилось, как он и его семья подмяли здесь всех под себя. На руку ему села муха, и он с отвращением ее отогнал. Хотя поквитаться ему хотелось с отцом, не повредит немного досадить и сыну, подумал он. Совсем не повредит.

В тот вечер за ужином Роланд заметил, как отец слегка кивнул матери, и она тут же поднялась, сказав, что оставляет их беседовать вдвоем – ей еще нужно написать письмо. Уходя, мать вымученно улыбнулась Роланду.

– Ну что ж. – Отец Роланда снял салфетку с колен и бросил на стол. – Я подумал, что пора нам поговорить, как мужчина с мужчиной.

Он зажег сигару, и по комнате поплыло облачко зловонного серого дыма.

– О чем вы хотите поговорить, отец? – спросил Роланд равнодушно.

– Днем я повстречал в банке мистера Лэндона. Он сказал, ты был там, на месте, когда нашли тело того бедного паренька.

– Да, отец, я там был.

– Скажи, будь добр, что ты там делал?

– Ничего. Я был с друзьями, вот и все.

– С друзьями, – фыркнул отец. – Ты в самом деле называешь эту шайку карманников и Бог знает кого еще друзьями?

– Я не знаю, какого ответа вы от меня ждете, отец. – Роланд отвел взгляд.

– Лэндон сказал, ты спелся с этими бандитами и мнишь себя их предводителем.

– Его сын тоже в этой компании! – Роланд раздраженно взмахнул руками. – Как он смеет делать замечания мне?

– Его мнение меня ни капли не волнует, – сказал отец. – Это я нахожу такое поведение неприемлемым!

Роланд знал, что отвечать бесполезно, и потому уставился в пустую тарелку. По ней ползала муха, и он вспомнил о Каттере. Роланд хотел прихлопнуть ее, но промахнулся.

– Это должно прекратиться!

– Отец, в самом деле. Ведь тут нет никакого вреда. Мне что, нельзя самому выбирать, с кем дружить?

– Да! – Отец сердито затушил сигару. – Да, нельзя!

Он взглянул на Роланда и глубоко вздохнул, пытаясь сдержать данное жене обещание не выходить из себя.

– Я говорил с директором Хезеринг-корт, – через мгновение продолжил он, уже не повышая голоса. – Мы решили, что для всех будет лучше, если ты не станешь возвращаться в школу после каникул.

Это заявление застигло Роланда врасплох. Он ожидал, что ему запретят выходить из дома или водиться с местным сбродом, но такое! Он невольно заулыбался.

– Судя по выражению твоего лица, мысль о прощании со школой не слишком тебя огорчает.

– Пожалуй, нет. Терпеть ее не могу. – Но тут его осенило. – В какую же школу я пойду? Отец сложил руки в замок и громко хрустнул костяшками.

– Ну, в этом-то и дело. Ты вообще больше не пойдешь в школу.

Роланд недоуменно нахмурился. Что здесь такое происходит?

– Я не понимаю, – сказал он.

– Думаю, мы оба знаем, что тебя вряд ли ждет большое академическое будущее. Нет, ты умен, иногда мне кажется, что даже слишком, но ведь наука тебя не интересует, верно?

Роланд промолчал.

– Я и сам никогда не был силен в учебе, сынок. Может, у нас больше общего, чем мы думаем, как знать?

По лицу Роланда было видно, что ему это кажется очень, очень маловероятным.

– Мне удалось выбить для тебя место в Ост-Индской компании, – продолжал отец. – Ты ведь всегда хотел путешествовать.

– Нет, не хотел.

– Ты отправишься в Бомбей в следующий вторник.

В кои-то веки Роланд не нашелся с ответом. Он смотрел на отца, не веря ушам.

– Так ты станешь мужчиной, мальчик мой, – сказал тот. – Так ты станешь мужчиной.

Роланд знал, что тут ничего не поделать. Они с отцом и впрямь чем-то похожи: если уж он принял решение, то не передумает. Однако Роланд намеревался лишиться отца удовольствия считать, что он одержал над сыном верх.

Поэтому Роланд принял свою судьбу без дальнейших препирательств и переживаний. В следующий час он полностью примирился с новым будущим и даже решил, что это лучше однообразной жизни в Англии.

Однако он чувствовал, что должен окончательно порвать с прошлым. Неправильно будет просто шагнуть из одной жизни в другую, не очертя никакого рубежа.

К тому же у него есть неоконченное дело. Скорее всего, лидерство наверняка захватит Джек Лэндон, но Роланд считал, что этот мальчишка не должен занять его место тихо и мирно. Прощаться с остальными из своей шайки ему не хотелось. Он не питал симпатий ни к одному из них. С Джеком у него исключительно личные счеты.

Роланд ждал у мясной лавки Лэндонов на главной улице, и вскоре оттуда вышел Джек и свернул в близлежащий переулок. Роланд догнал его прежде, чем тот дошел до его конца.

– Чего тебе? – Джек обернулся на голос Роланда.

– Я просто пришел сказать, что через несколько дней уезжаю, – сказал Роланд.

– Да? Ну ладно. – Джек изобразил равнодушие и собрался было уходить.

– Приходи к новым домам, – крикнул ему вслед Роланд. – Где мы нашли Каттера. На закате. Или ты все-таки трус, каким я тебя всегда считал?

Джек снова повернулся к нему.

– Я не боюсь тебя, – сказал он спокойно. – И никогда не боялся. Это мой старик боится твоего отца, только и всего. Если б не он, я бы давным-давно с тобой разделался. Говоришь, на закате? Жду не дождусь.

Роланд рассчитывал испугать Джека, назначив встречу в том месте, где они нашли тело Каттера, но, судя по всему, это ему не слишком удалось. Он отметил выражение лица Джека: тот настроен на победу.

Надо признать, что Джек был бы прекрасным соперником. Он норовистый и настойчивый, гордый и сильный. Но есть у него одна слабость. Несмотря на все невежество и неотесанность, среди которых он вырос, в глубине души он добрый и справедливый.

Этим Роланд и собирался воспользоваться. Шагая по главной улице обратно, он нащупал в кармане металлический брусок и улыбнулся. Нет, он не рискнет потерпеть поражение от этого оборванца. Роланд покажет Джеку, почему он главный.

Может, перед отъездом он еще и запустит в окно Лэндонов кирпичом, чтобы этот жирный мясник знал, как совать нос в чужие дела.

Когда тем вечером Роланд поднялся на холм, он увидел, что Джек стоит в тени одной из немногих оставшихся стен старого рабочего дома. Хмыкнув себе под нос, Роланд подумал, что, может, и ошибался в Джеке. Он-то считал, что Джек из тех, кто сразу бросается в драку, а не таится в темноте.

Но когда Роланд подошел чуть ближе, он понял, что это никак не может быть Джек, ведь Джек лежал перед ним на дороге, и мухи ползали по его лицу – такому же искаженному, как и у мертвого Каттера.

Роланд осторожно подошел к телу, и мухи все как одна полетели к прижавшейся к стене фигуре. Роланд услышал те странные свистящие и шелестящие звуки, что дали имя Мальчику-шептуну, и его очертания начали показываться из тени.

Роланд вытащил из кармана куртки брусок и взмахнул им над головой, тяжесть металла в руке его успокоила. Кто бы это ни был, Роланд не намерен пускаться наутек. Этого он не делал ни разу в жизни.

– Думаешь, я тебя боюсь? – сказал он тоненьким дрожащим голосом. – Я проломлю тебе голову, кто бы ты ни был!

Роланд едва не добавил: «чем бы ты ни был». Теперь, взглянув на мальчика еще раз, он понял, что Джек имел в виду, говоря, что тот словно состоит из дыма. Он скорее тень, а не человек. И что это на нем надето?

Когда Роланд заговорил, мальчик остановился. Может, он испугался металлического бруска? Роланд взмахнул им снова. Мальчик-шептун двинулся к нему.

Двигался он так же странно, как и выглядел: хотя оба они стояли на неровной и усыпанной битым кирпичом земле, Мальчик-шептун словно скользил по начищенному паркету балльной залы. Шепот становился все громче.

Роланду подумалось, что, возможно, и впрямь стоит пуститься наутек, ведь никто не увидит его отступления. Но пока он раздумывал, прямо к нему полетела большая жирная муха. Роланд чуть не разбил себе голову, пытаясь отогнать ее брусом.

Но следом за первой полетела и вторая, и третья, и через несколько жутких роковых мгновений Роланд понял, что происходит, хотя его разум и отказывался это признать.

Мальчик-шептун походил на мальчика лишь очертаниями, и очертания эти образовывали мухи, бесчисленные мухи, которые движениями крыльев создавали непрерывный свист, похожий на шепот тысячи душ.

Роланд бросился бежать, но мухи опережали даже его мысли. Они полетели ему в лицо и облепили его, словно обернув рот и нос живым шарфом.

Роланд сжал губы и попытался не дать мухам забраться ему в нос, но зажать его и в то же время дышать было невозможно. Его разум отказывался принять неизбежное. Он чуть приоткрыл рот. Этого мухам было достаточно.

Мухи снова образовали фигуру Мальчика-шептунa, хотя в этот раз они слетелись вместе небрежно, будто растеряв всю дисциплину.

Они удалялись: то принимая очертания мальчика, то становясь просто стаей мух, то исчезая, то снова становясь силуэтом. Они мерцали, меняли форму и снова разлетались в ничто. Мухи – и только.

* * *

Пока Женщина в белом вела свой рассказ, я был полностью им захвачен, мой разум ловил каждое слово и превращал в образы. Я был там. Я видел Мальчика-шептунa. Видел мух. Видел эту ужасную смерть.

Однако в то же время мне опять показалось, что я наблюдал за этим не один. Самым краем глаза я заметил, как что-то мелькнуло – то, что неизменно ускользало от взгляда и оставалось размытым пятном, еле заметным следом, призрачным наваждением.

Как только рассказ был окончен, я почувствовал, что, слушая его, я словно растратил огромное количество сил. Эти истории высасывали их из меня, словно вампиры – кровь.

– Который час, мисс? – снова спросил я, пытаясь вспомнить, ответила ли она хоть раз.

– Скоро будет поздно. – Она даже не подумала сделать вид, что смотрит на часы.

Я был поражен, увидев, что вид из окна стал практически одноцветным: небрежный набросок в сизых тонах, и только самый краешек откоса освещало умирающее солнце.

– Дедушка будет страшно беспокоиться, – сказал я в отчаянии. – Он станет гадать, что со мной случилось. Я хотел бы сообщить ему, что со мной все в порядке.

– Дедушка? – переспросила Женщина в белом.

– Да. Он должен встретить меня на вокзале Кингс-Кросс, а потом мы вместе поедем через весь Лондон на Чаринг-Кросс и сядем там на другой поезд. По крайней мере, я на это надеюсь. Я уже так задержался, что нам, возможно, придется сесть на поезд еще позже и...

– Как отрадно, что дедушка принимает такое участие в вашем образовании.

– Дедушка платит за мою учебу, мисс. Он всегда особенно заботился о моем образовании. С ним самым произошло в школе нечто скверное, и это очень на нем отразилось.

– Да что вы?

– Когда он учился в школе, с одним из его одноклассников произошел несчастный случай.

– Какой кошмар. Расскажите.

– Ну... – Я пытался не обращать внимания на усмешку, которая появилась на ее лице, и намеревался ее стереть. – Вообще-то, там произошло самоубийство.

Она приподняла бровь, но промолчала.

– Простите, если это повергает вас в шок. – Я очень надеялся, что так и есть. – Но что случилось, то случилось. И боюсь, что дальше все было гораздо, гораздо хуже.

– Продолжайте.

– Дело касалось директора школы, где учился дедушка. Мальчики называли его Монти, хотя по-настоящему его звали Монтегю...

– И что же сделал этот Монти? – перебила Женщина в белом.

– Он распустил слух, что один мальчик крадет у других. Его и так не любили, и этого было достаточно, чтобы беднягу начали нещадно избивать.

По-видимому, Женщину в белом это несколько не впечатлило, так что я счел нужным перейти к сути.

– В этом нет ничего необычного, я понимаю. В школе мальчиков часто бьют одноклассники или учителя. Но это другое. Побой не кончались и становились все более жестокими после каждой новой кражи. И, конечно, нельзя забывать о том, что мальчик был невиновен.

– Невиновен? – переспросила она так, будто уже знала ответ.

– Да, – ответил я. – Более того, это директор...

– Монтегю, – подсказала она.

– Да, – сказал я, недовольный, что она меня перебила. – Это он крал у учеников. Мальчик был ни в чем не виноват.

– И этот мальчик совершил самоубийство до того, как стало известно о преступлениях директора?

– Да, – ответил я. И почему она все время вмешивается в мой рассказ? – Мой дедушка ужасно огорчился и решил, что его дети и внуки ни за что не будут подвергаться такому обращению.

– Он чувствовал себя виноватым? – Женщина в белом улыбнулась.

– Не понимаю, почему он должен чувствовать себя виноватым, – сказал я, хотя задавался этим вопросом уже много раз.

– Потому что он тоже избивал того несчастного мальчика и тем самым подталкивал его к самоубийству.

– Я нахожу ваше предположение оскорбительным, – возмутился я.

– Но в глубине души вы всегда знали, что это правда, не так ли?

Она подалась вперед и коснулась моей руки. Как только она это сделала, я, словно во сне, перенесся в другое место, в комнату, которую раньше не видел. Но, как это бывает во сне, я точно знал, где нахожусь.

Это была школьная спальня: целый ряд кроватей, а дальше – группа мальчиков, один из которых уверял остальных, что ни в чем не виноват. От группы отделился другой мальчик и сильно ударил его в живот, отчего тот застонал и повалился на пол, а обидчик продолжал осыпать его жестокими пинками и ударами. Я знал этого мальчика только стариком, но каким-то образом я понял, что это дедушка.

– Как? – только и мог сказать я, когда видение поблекло и я снова оказался в купе вагона поезда.

– Вам на миг явилось откровение, вот и все, – ответила Женщина в белом. – Но теперь вам лучше поспать. Вы так устали.

Это было слабо сказано. Я, словно сомнамбула, пребывал скорее во сне, чем в сознании. Да и вообще, не сновидение ли все ли это – Женщина в белом, сама поездка, мои спящие попутчики – сновидение, от которого я еще не очнулся.

– Не могли бы вы рассказать мне еще одну историю? – спросил я, желая на чем-нибудь сосредоточиться. Сплю я или нет, я был твердо уверен, что мне нельзя поддаваться тому глубокому забытию, которое словно ждало меня, подобно черноте бездонной ямы.

Трещина

Филип с матерью стояли в большой пустой комнате, которая должна была стать его спальней. Она находилась в мансарде, и с одной стороны потолок опускался почти до пола, а окна выходили на высаженные полукругом вишневые деревья.

– Ах, Боже мой. – Мать Филипа всплеснула руками. – Эти обои никуда не годятся. Только посмотри: какой гадкий желтоватый оттенок. От такого и с ума можно сойти. Я велю Бенсону и его людям немедленно их снять.

Филипу обои вполне нравились, но он знал, что в вопросы отделки лучше не вмешиваться, ведь это исключительно вотчина матери.

По правде говоря, она стала этим по-настоящему одержима. Отец Филипа однажды заметил, что они переезжают в новый дом в Челси только потому, что его жена больше не может придумать, как бы переделать старый.

Сколько Филип себя помнил, декораторы ходили к ним домой неиссякаемым потоком, рассылные постоянно доставляли самые модные горшки, ковры и предметы мебели, а грузчики приезжали, чтобы вынести уже вышедшие из моды предметы.

Хотя Филипу не хотелось перебираться в новый дом, стоило признать, что он был гораздо лучше старого: больше, наряднее, да и улица красивее. И что самое важное, комната самого Филипа теперь тоже больше и наряднее.

Итак, рабочим было велено убрать из нее желтые обои и заменить их на те, что выберет мать.

Мистер Бенсон был высок и хорошо сложен, с коротко стриженными волосами, широким уверенным лицом и маленькими, глубоко посаженными колючими глазками.

С ним работал мальчик по имени Томми, долговязый лопухий паренек лет пятнадцати, который обычно покашливал, прежде чем что-нибудь сказать.

Хотя Бенсон сыпал своими «да, мадам» и «конечно, мадам», по его манере держаться Филип догадался, что раболепство не в его природе. Он заметил, что, стоит его матери отвер-

нуться, как заискивающая улыбка сразу слетает с губ Бенсона, и видел, как тот закатывает глаза в ответ на очередные диковинные просьбы.

Пока шли работы, Филипу пришлось спать в гостевой комнате, которую его мать уже отдала в особенно отвратительной и кокетливой манере, уставив все поверхности разного рода безделушками. Повсюду были керамические вазы и павлиньи перья, и потому Филип был особенно заинтересован в том, чтобы его комната в мансарде была готова как можно скорее.

Умывшись, одевшись и позавтракав, Филип шел наверх и вставал в дверном проеме, проверяя, как все продвигается. Рабочие тем временем сняли со стен обои и приступили к ремонту и отделке.

Сперва его появление встречали дружелюбно, а Бенсон еще и ерошил ему волосы и подмигивал. Однако с каждым новым визитом его приветствовали все менее радостно, и наконец между ними установилась некая холодность, поскольку Филип проявлял нетерпение и разочарование медленным ходом работы столь же очевидно, как Бенсон проявлял недовольство тем, что за ним наблюдают.

Бенсон попытался напугать его, оставив в комнате одного, но Филип был не из пугливых. Время от времени Бенсон бросал на него взгляд, по которому было ясно, что ему хочется ударить мальчишку по уху и сбить его с ног, так же как он однажды ударил глупого Томми. Однако Филип продолжал бдеть на пороге. Он прекрасно знал, что Бенсон не может ничего ему сделать или пожаловаться на него, ведь Филип действительно всячески старался не мешать.

– Да чтоб тебя... – сказал Томми одним ясным утром, когда солнце пустило свой золотистый луч в мансардное окно и осветило голые доски пола.

– Что такое, Томми? – спросил Бенсон.

– Тут трещина, мистер Бенсон, – сказал Томми в отчаянии. – Я уже все перепробовал, чтобы ее заделать, но никак не выходит. Я только ее замажу, как все вываливается обратно на пол. Я уж не знаю, как быть.

– Не злись так, Томми. – Бенсон добродушно похлопал мальчика по плечу. – Оставь это мне. У тебя, верно, штукатурка слишком жидкая. Или, может, слишком сухая. Я разберусь. Тут еще полно другой работы.

Филип наблюдал за ними с порога. Бенсон заметил его и подмигнул. «Он сегодня в хорошем настроении», – подумал Филип. Бодро насвистывая, Бенсон принялся замешивать на небольшой пластинке штукатурку, а затем начал замазывать трещину. Филип шагнул вперед, чтобы посмотреть повнимательнее.

– Ну вот, – сказал Бенсон. – Так-то лучше, а, юный джентльмен?

– Она тоже отвалится? – спросил Филип.

– Отвалится? – хмыкнул Бенсон. – Думается мне, после тридцати с лишком лет работы я уж знаю, как зашпатлевать трещину.

– Извините. – Филип понял, что задел его.

– Ничего, – ответил Бенсон. – Я немало горжусь своим мастерством.

Филип кивнул.

– Теперь все делают тят-ляп и готово. Довольно посмотреть на эти старые церкви, огромные дома и так далее. И глянь на нашу работу. Так сегодня уже не делают, точно тебе говорю. Этим молодым терпения недостает.

– Вы хотите сказать, таким как Томми?

Бенсон нахмурился и посмотрел на Филипа, прищурив глаза.

– Томми свое дело знает. О нем речи не было. Он старается. Житье у него трудное, но от него и слова жалобы не услышишь.

Филип догадался, что снова ляпнул нечто обидное, хотя и не совсем понимал, что именно.

– Извините, – снова сказал он.

– А извиняться ты мастак, как я погляжу. – Несмотря на улыбку, взгляд у Бенсона остался холодным.

Когда Филип вернулся после обеда и заглянул в комнату, он увидел, что приподнятое настроение Бенсона испарилось без следа. Он сидел на корточках. Трещина появилась снова.

– Быть того не может. – Бенсон подобрал с пола большой кусок штукатурки.

– Вот и у меня было точно так же, – сказал Томми.

– Ничего не понимаю. – Бенсон поднялся, с досадой глядя на трещину. – Штукатурку как будто выдавили обратно наружу.

– Что будем делать, мистер Бенсон? – спросил Томми. – Она же, наверное, снова отвалится?

Бенсон вздохнул и кивнул.

– Кажется, так, парень, – ответил он. Он оглянулся, и Филип спрятался за стену, боясь, что его заметили, но Бенсон просто проявлял осторожность.

– Мы сделаем вот что, – сказал он, подтащив Томми поближе. – Мы заклеим ее обоями.

– Заклеим обоями? – переспросил Томми, в его голосе сквозил укор.

– Именно так, – ответил Бенсон уже более настойчиво. – Эти никчемные снобы ничего не заметят, ведь так? Они прилепят на это место какую-нибудь чертовски ценную картину и даже не узнают, что там трещина. А если и узнают, кто сказал, что штукатурка не может, к примеру, просесть?

– Просесть? – повторил Томми.

– Именно. – Бенсон взъерошил себе волосы. – Тут такое постоянно. Ну, из-за реки. Влажность и так далее. Завтра утром первым делом поклеим обои, пока никто не заметил эту трещину и не заставил нас снова ее заделывать.

Филип улыбнулся, вспомнив, как Бенсон разглагольствовал о засилье недобросовестных рабочих. Он и сам не лучше. Наблюдать за тем, как взрослые попадают в паутину собственной высокопарности, всегда приятно, и Филип наслаждался моментом, но тут, судя по звуку шагов, рабочие направились в его сторону, и пришлось удирать так быстро и тихо, как только можно.

Филип стоял в пустой комнате и пытался почувствовать себя ее хозяином. Он знал, что она будет принадлежать ему – да на самом деле уже принадлежит, – но все же ему так не казалось.

Без мебели, без ковра и с голыми стенами комната походила на пустой сосуд в ожидании того, кто решит его наполнить.

Шаркая ногами, Филип обошел ее кругом. Обернувшись, он заметил ту самую трещину, с которой не смогли справиться рабочие.

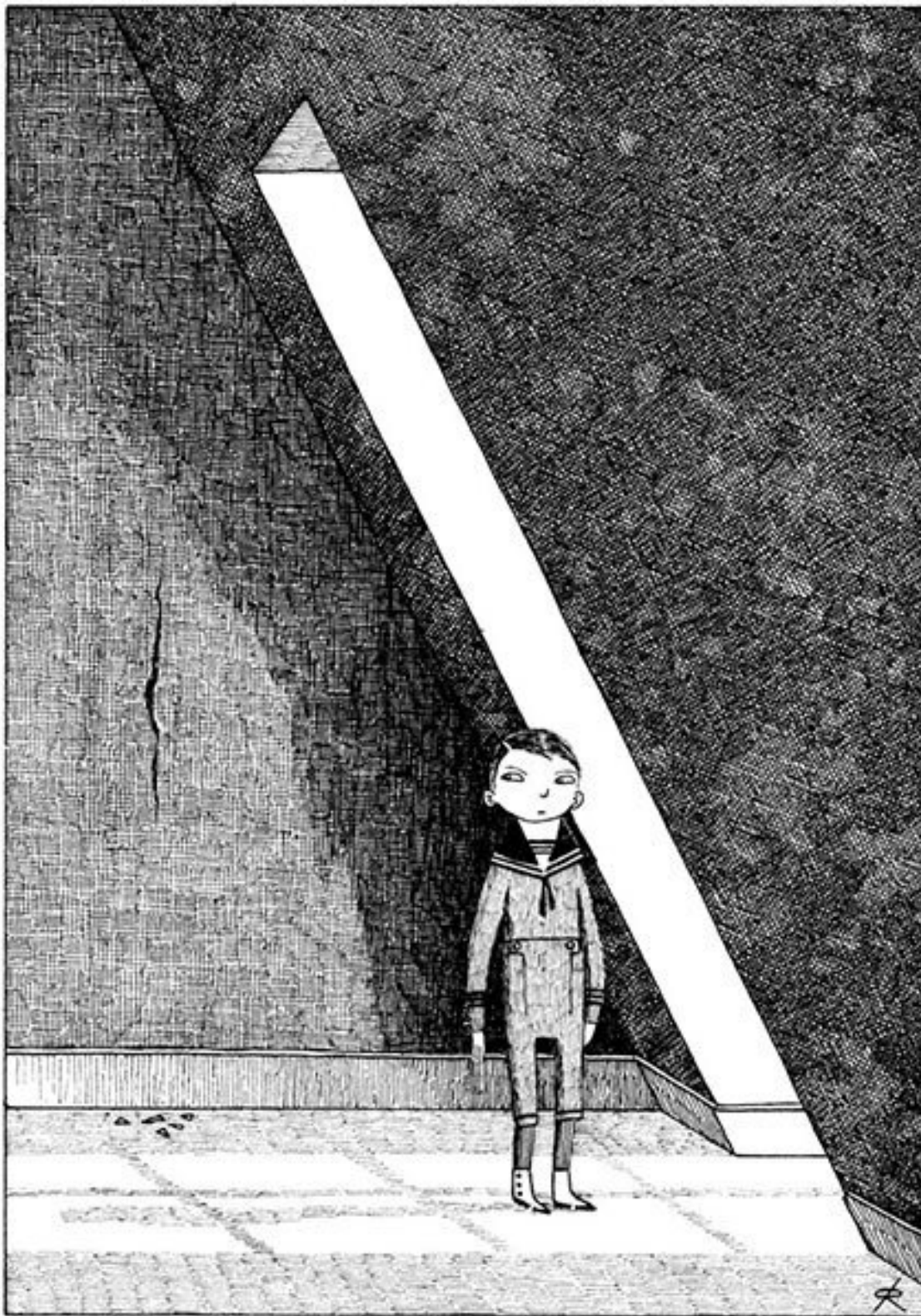
Филип нерешительно приблизился к стене. Половицы жалобно заскрипели. Он остановился примерно в футах и после некоторого колебания, поборов желание развернуться и уйти прочь, подался вперед и заглянул в трещину. В ней что-то было.

Филип попытался ткнуть в трещину пальцем, но она была слишком узка. Он огляделся и увидел, что Бенсон оставил у порога мешочек с гвоздями, так что Филип взял один и вернулся к треснувшей стене.

Он орудовал острым концом гвоздя несколько секунд. Из трещины выпал крошечный кусочек свернутой бумаги – так он сперва решил – но, когда он развернул его, оказалось, что это, по-видимому, пергамент.

Он был испещрен странными значками и символами. Филипу показалось, что в одном углу что-то написано, но такого языка и таких букв он не знал.

Почему кто-то засунул кусочек пергамента в трещину в стене? Это было для Филипа совершенной тайной. Однако тайны ему нравились.

Когда он поднял взгляд от пергамента, ему показалось, что он заметил какое-то движение, хотя и не сразу понял где. Филип подался вперед, пока его ресницы не коснулись неровного края трещины.

Не привиделось ли ему? Нет-нет, он абсолютно уверен. Там что-то есть. Мало-помалу его глаза привыкли к мраку. В трещине виднелось другое помещение. Взгляд Филипа как раз

уперся в противоположную стену комнаты, которая полностью повторяла ту, в которой стоял он сам.

Однако, несмотря на увиденное, разум говорил ему, что это невозможно. Филип отступил от стены и попытался разобраться, но не мог.

Его комната находится в торце дома. Стена с трещиной – наружная; к их дому не примыкает никакой другой. С этой стороны нет ничего, кроме дорожки, ведущей к каретному сараю в тени раскидистого платана. Филип запутался было в этих противоречащих друг другу действительностях, как вдруг в трещине что-то мелькнуло.

Филип поколебался, затем робко подался вперед и заглянул туда, и, хотя комната никуда не делась, там было пусто. Он шагнул вперед, снова приник лицом к стене и, прищурившись, уставился в трещину.

Он надеялся, что при более тщательном рассмотрении все это окажется иллюзией, игрой воображения, но нет. Неввероятно, но он отчетливо видел за стеной еще одну комнату, и больше того – в ней кто-то был.

У дальней стены просматривался силуэт высокого худого человека, одетого во все черное. Он стоял к Филипу спиной и тоже будто разглядывал трещину в стене своей комнаты.

Филип охнул, и человек в черном стал медленно и нерешительно поворачиваться на звук его голоса. Сердце Филипа колотило в его грудную клетку будто боксер без перчаток, но оторвать взгляда он не мог.

Человек полностью повернулся к нему, но Филип не мог различить его лица. На верхнюю часть его тела падала тень, хотя было неясно, что ее отбрасывает. Человек будто нес ее с собой. Он стоял, слегка наклонив голову, будто кого-то слушая, его руки подергивались. И вдруг он решительно направился прямо к Филипу. Тот отскочил от стены, врезался в кого-то спиной и в ужасе закричал.

– Так, – сказал кто-то позади него. – Что тут случилось?

Филип указал на стену, но, как ни старался, никак не мог произнести нужные слова.

– Т-т-там к-к-кто-то есть! – наконец выпалил он.

Томми фыркнул.

– Где? – спросил Бенсон. – О чем это ты? С тобой все нормально, парень?

– Там, за стеной, – ответил Филип уже чуть смелее, увидев, что Бенсон на его стороне. – Я видел его в трещине.

Бенсон посмотрел на пол и увидел кусочки штукатурки, которые отвалились от стены, когда Филип вытащил из нее кусочек пергамента.

– Так-то ты нам не мешаешь, а? – сказал Бенсон холодно. – Эта трещина велика и без того, чтобы ты еще ее расковыривал. Ты, что ли, считаешь, что это весело? Прибавить нам, работягам, еще забот?

– Но с другой стороны...

– Нет там ничего с другой стороны, кроме вонючего лондонского воздуха, – рассердился Бенсон. – Томми, приготовь клейстер и принеси рулон обоев. Давай-ка приниматься за комнату, а не то юный джентльмен обрушит тут все прямо на наши головы.

– Разве не нужно сперва замазать трещину? – спросил Филип.

Бенсон положил широкую ладонь Филипу на плечо и решительно вывел его из комнаты.

– Иди-ка по своим делам, – сказал он, – и дай нам поработать. Ну, парень, бывай.

Затем он подтолкнул Филипа – довольно сильно – и вернулся в комнату.

Мать Филипа немного удивилась, когда он сказал, что ни за что не будет спать в комнате, которая ему так нравилась, и что он, несмотря на все прежние жалобы, намерен остаться в гостевой спальне.

Ее также раздосадовало заявление сына, что они должны переехать при первой же возможности, потому что в доме водятся привидения. Поминутно вздыхая, причем вздохи делались все громче, она выслушала какую-то чепуху о трещине в стене и о том, что, по словам Филипа, он в ней видел.

Мать Филипа всегда с опаской относилась к детям и их буйному воображению, и мужу пришлось использовать всю свою силу убеждения, чтобы уговорить ее завести ребенка. Когда оказалось, что Филип, к счастью, воображения лишен, она испытала немалое облегчение. Перемена в характере сына ее встревожила.

Отец Филипа решил, что самое лучшее – поменять комнаты. Если Филип не хочет жить в мансарде, она будет гостевой. Филип останется там, где спит сейчас, они только отделают эту комнату более подходящим образом. Тем более что мансарда, которая предназначалась Филипу, больше, так что затруднений никаких.

Филип больше не стоял на пороге комнаты, где работали Бенсон и Томми, а поспешно проходил мимо нее. Во-первых, не хотел смотреть на жуткую стену и зловещую трещину. Во-вторых, чтобы ему ничего не мог сказать Бенсон, который явно наслаждался тем, как Филипу неловко.

В конце концов Бенсон навесил дверь, и наблюдать за работами стало невозможно. Филип иногда останавливался в коридоре и смотрел на дверь и свет, который из-под нее сочился.

Теперь, когда за Бенсоном и Томми не наблюдал ни Филип, ни их наниматели, они в два счета закончили комнату и принялись за вестибюль и лестницу, как велела мать Филипа.

Филип стоял в коридоре на верхнем этаже, пока рабочие выносили из комнаты инструменты и освобождали ее. Томми подмигнул ему. Они оставили дверь открытой. Филип помедлил, но любопытство победило страх, и он шагнул внутрь.

В только что окрашенную и оклеенную обоями комнату лилось солнце, освещая парящую в воздухе плеяду пылинок. С тех пор как он побывал здесь последний раз, комната совершенно изменилась, и Филип подумал, что находится в совсем другом помещении.

Он знал, что трещина, должно быть, все еще там, под слоем обоев, но так совсем не казалось. Она словно никогда и не существовала, как не существовали и комната за ней, и таинственный жилец. Словно это в разуме Филипа появилась трещина, словно надломилось его воображение.

Он все равно ни за что не хотел бы спать здесь, но находиться в комнате было удивительно приятно. Филип ухмыльнулся, довольный, что ему удалось преодолеть страх перед этим местом.

Вдруг дверь за его спиной захлопнулась, и Филип подбежал к ней. Он подергал дверную ручку, но ее словно кто-то держал с другой стороны, и она не поддавалась.

– Мистер Бенсон! – закричал Филип, уверенный, что это рабочий. – Пожалуйста, выпустите меня!

Никто не ответил. Филип снова потянул ручку, но безрезультатно.

– Томми! – закричал он. – Это ты? Пожалуйста, выпусти меня! Пожалуйста!

Ответа опять не последовало. Филип глубоко вздохнул и замер, стараясь не издать ни звука. Он надеялся, что, кто бы это ни был, он подумает, что Филип отпустил ручку, и ослабит хватку. Филип собирался внезапно дернуть дверь, но услышал за спиной какой-то шум.

Сперва он не понял, откуда этот шум доносится. Что бы это ни было, звук был такой, будто что-то движется. Но где? Комната ведь пуста. Он крикнул снова, но никто не отозвался. Шум становился громче. Филип подумал было, что под половицами или по крыше ползает мышь, но сразу отверг это предположение. Звук был не такой, как от семенящих шажков. Звук был скользкий.

И тут краем глаза он заметил его: почти неуловимое движение. Он попытался рассмотреть, что же это, но не увидел ничего, кроме стены и обоев. Что-то шевельнулось снова.

Там, под обоями, что-то было. Разглядеть было сложно, но кое-где обои совершенно точно топорщились, и вздувшийся бугорок быстро двигался по стене.

Филип смотрел, как что-то плавает под обоями, замороженный тем, как они приподнимаются, и природа этого незримого и непостижимого явления пугала его, но и завораживала. Затаив дыхание, он гадал, что же это такое.

И все же Филип знал, что это связано с трещиной и тем человеком, кем бы он ни был. И действительно: бугорок начал описывать круги вокруг того места, где находилась трещина. С каждым разом эти круги сужались, и в конце концов бугорок, дрожа, остановился, приняв форму неровного отверстия под обоями.

Филипа разрывало: тело говорило ему бежать или по крайней мере броситься в самый дальний угол комнаты, подальше от трещины. Каждый мускул инстинктивно понимал, что нужно спасти Филипа от опасности. Его наэлектризованный мозг трепетал от страха и ужаса.

Однако отчего-то он будто прирос к месту. Другая часть Филипа пульсировала от любопытства, восхищения и желания. Каждая клеточка его тела, каждый натянутый нерв приказывали ему бежать, но было совершенно невозможно сопротивляться желанию узнать, что за сила скрывается там, под цветными обоями.

Филип протянул руку и коснулся обоев. Это был как будто обычный пузырек воздуха, оставшийся после поклейки. Филип сжал его ногтями, сорвал обои, и кусочек упал на пол.

Он подался вперед, сердце глухо билось. Трещина больше не была темной. Из нее сочился странный голубоватый свет, который так и притягивал к себе.

Филип заглянул в трещину и снова увидел комнату. Она купалась в том же тусклом голубоватом свете, который проникал теперь в широко раскрытый глаз мальчика.

На этот раз комната выглядела заброшенной: потрепанная, захудалая и невыразительная копия той, в которой стоял Филип. И вдруг, заслонив собой все помещение, снова появился человек, и его выпученный, налитый кровью глаз оказался в каких-то дюймах от глаза Филипа.

Мальчик отскочил как ужаленный, упал на спину и пополз к противоположной стене, не сводя взгляда с разорванных обоев и трещины, которая снова потемнела и теперь зияла, словно глубокая темная рана. Загрохотала дверная ручка, и дверь распахнулась. Филип закричал.

В комнату вошел Бенсон.

– Что это ты тут делаешь, а? – Он наклонился к Филипу. От него пахло пивом.

– Ничего, – ответил Филип. – Я просто смотрю.

– А я думал, парень, ты боишься сюда входить. – Бенсон зловеще ухмыльнулся. – Я думал, ты говорил, что тут какой-то призрак.

Филип все смотрел на противоположную стену, и Бенсон проследил за его взглядом. Он увидел разорванные обои и ругнулся.

– Не пойти ли тебе отсюда, а? – прошипел Бенсон сквозь зубы. – Тебе что, больше нечем заняться, кроме как чинить мне неприятности? Ты, что ли, придумал себе такую забаву? Такие-то у тебя шуточки? А ну-ка вон отсюда, пока я тебя не...

Бенсон замахнулся, будто для удара, и, хотя Филип увернулся, его не последовало. Бенсон, может, и выпил лишнего, но он был не дурак.

Филип воспользовался возможностью и поднялся на ноги. Он посмотрел на Бенсона, и вдруг его захлестнуло отвращение. Какой же он мерзкий. Такой грубый, такой жестокий. Кто-то должен преподать ему урок.

Вдруг глаза Бенсона широко раскрылись от ужаса, и, вытянув руки, он отступил от Филипа и что-то забормотал. По его щекам покатались слезы. Он стал похож на огромного ребенка. Филип не смог держать смеха и последовал за Бенсоном в коридор.

Когда Бенсон дошел до лестницы, на него будто снизошло необычайное спокойствие. Он сел на перила, перекинул через них сначала одну ногу, потом другую и, посмотрев в последний раз на Филипа, полетел на мраморный пол нижнего этажа вниз головой.

Никогда еще Филип не слышал такого звука, с каким Бенсон ударился головой о мрамор. Вскоре послышались крики Томми и истерические вопли горничной.

Перед тем как Бенсон прыгнул вниз, выражение его лица словно говорило: «Должен ли я?». Это было лицо человека, чья воля сломлена, человека, который вынужден подчиниться. Выражение забитой собаки. И Филипу оно понравилось.

Суэта внизу нарастала, по вестибюлю застучали каблуки. Филип услышал, как кто-то поднялся по лестнице на несколько шагов вверх, а потом снова спустился. Зачем ему вмешиваться? В конце концов, Бенсон ему никогда не нравился.

Вдруг его голову пронзила странная боль – даже не совсем боль, но если и так, то боль необычная, почти приятная, как когда больше не закладывает уши. Филип вошел в комнату и посмотрелся в зеркало гардероба.

В его лице что-то изменилось. Он не мог бы сказать, что именно, но выглядел он немного по-другому.

И чувствовал себя – тоже. Опять же, он затруднялся сказать, как именно по-другому. Он не заболел, но ощущение было странное. Как будто он вдруг стал слишком мал, чтобы вмещать все то, что у него внутри. Как будто ему тесно в собственном теле.

Филип понял, что теперь внутри него живет что-то еще – или кто-то. Но вместо того, чтобы испугаться этого паразита, он странным образом почувствовал, что стал цельным. Он охотно – и даже более чем охотно – примирился с его присутствием. Он хотел этого. Хотел больше всего на свете.

Женщина в белом

Когда рассказ кончился, я повалился набок, будто оказался в когтях огромного зверя – такого, какой выбрался из заточения кургана и схватил тех несчастных мальчиков. Однако, в отличие от него, мой воображаемый зверь ослабил хватку.

Образы были, как и всегда, яркими, хотя и непрошеными. Я видел, как черный человек устремился к трещине в стене, видел Бенсона с разбитой головой в луже собственной крови и снова заметил, как мелькнуло что-то незримое, затаившееся.

Я вынужден был слушать рассказы этой женщины, но спрашивал себя, хватит ли мне сил еще на один, ведь каждый истощал меня сильнее предыдущего. Теперь я держал глаза открытыми лишь усилием воли.

Темнота снаружи стусилась, и прохлада начала проникать сквозь стекло и обшивку вагона; коснувшись его, я вздрогнул. Свет, казалось, стекал с неба. Наступала ночь.

Как обычно непроницаемая, Женщина в белом откинулась на сиденье и пристально смотрела на меня. Из-за усталости я не мог видеть ее отчетливо, и она казалась мне столь же размытой, сколь ее отражение в окне купе.

Напрасно я пытался отдавать мозгу приказы и понукал его, чтобы привести в более собранное состояние. Как долго мы здесь сидим? Сколько уже спят наши попутчики? Я похлопал Епископа по руке. Ничего.

– Сэр? – позвал я.

Епископ не очнулся. Я потряс его. Никакой реакции. Я громко хлопнул в ладоши. Никто из спящих даже не шевельнулся. Женщина в белом улыбнулась.

В голову мне пришла ужасная мысль. Может быть, эта странная женщина чем-то их одурманила? А если не одурманила, то каким-то неизвестным мне образом воздействовала на них.

В том мюзик-холле, о котором я рассказывал, один человек исполнил невероятный волшебный фокус: гипноз. Этот человек, которого звали Месмеро, стоял на краю сцены в свете рампы и не моргая глядел вперед. Затем, почти сверхъестественным образом завладев публикой, он заставил всех вести себя донельзя комично. Одни у него лаяли как собаки, другие катались по полу, как капризные дети, третьи выделывали коленца, словно пьяные моряки. Еще одного человека он пригласил на сцену и заставил его мгновенно заснуть. Может, у этой женщины такой же дар? Вдруг она нас загипнотизировала?

Возможно, она даже убийца: я знал, что такие женщины существуют. Возможно, она каким-то образом сумела дать каждому из нас по очереди яд. И, может быть, в силу юного воз-

раста я сопротивлялся ему лучше, чем наши более старшие попутчики. Оказал ли уже яд свое смертельное действие? Быть может, оно еще не достигло рокового апогея?

Какой бы тревожной ни была эта теория, она полностью объясняла нежелание Женщины в белом раскрыть свое имя и немного – ее необычное поведение.

– Боюсь, здесь произошло что-то нехорошее, – сказал я, не сводя с нее глаз. Хватит ли у меня сил добраться до двери? Я мог бы разбить стекло саквояжем Хирурга. Может быть, ее получится открыть с другой стороны.

– Правда? – прошелестела она.

– Да. Не может быть, чтобы все эти люди так крепко спали так долго. – Я хлопнул в ладоши и громко топнул. – Видите?! – закричал я, и мой голос надломился. – Их не разбудить!

Я даже не старался скрыть в голосе обвинительные нотки. Я не буду молчать и не позволю этой женщине совершить надо мной зло. В конце концов, я сын своего отца.

– Вы вдруг очень обеспокоились, – сказала Женщина в белом.

«А *вы* почему-то очень спокойны, – подумал я, изо всех сил стараясь не уснуть. – Интересно, почему вас совсем не волнует состояние этих людей и почему вас не тревожит, что мы сидим в этом поезде уже Бог знает сколько времени и никто не говорит нам, что происходит».

Женщина в белом улыбнулась, а затем абсолютно безмятежно посмотрела в окно.

– И к чему же все эти размышления вас привели? – спросила она.

Я нахмурился, затрудняясь вспомнить, произнес ли я то, о чем думал, вслух.

– Не знаю, – ответил я. Мне не хватало смелости открыто обвинить ее в чем-либо, не имея доказательств.

Я вытащил часы и вспомнил, что они остановились. Я сердито встряхнул их и встал, чтобы снова попытаться открыть окно, но его заело намертво. От досады я стукнул по нему, схватил Фермера за лацканы куртки и потряс. Он не проснулся.

– Успокойтесь, – сказала Женщина в белом.

– Успокоиться, говорите вы?! – закричал я в панике. – Мне кажется, мы сохраняли спокойствие уже достаточно долго! Что с ними? Что вы с ними сделали?

– Что я сделала? – Она, кажется, слегка обиделась. – Вы считаете, что за их состояние в ответе я?

– Я... я... Думаю, что да, – пролепетал я.

– Уверяю вас, я здесь ни при чем. Пожалуйста, сядьте.

Стоило ей произнести эти слова, как я почувствовал, что ноги меня больше не держат. Не оставалось ничего, кроме как добраться до сиденья прежде, чем я упаду. Проклиная свою слабость, я собрал последние силы, чтобы противостоять ей и защититься.

– Мисс, я настаиваю, скажите мне, который час, – сказал я, пытаясь придумать, как бы выгодно выйти из этого положения. Вдруг у нее в сумочке пистолет? Теперь я был уверен, что имею дело с женщиной, которая не остановится ни перед чем, чтобы достичь своей извращенной цели. Что бы сделал на моем месте Шерлок Холмс?

– Какой час? – повторила она с улыбкой.

– Да! – ответил я громко, надеясь показать, что я не такого робкого десятка, как она могла бы предположить. Я обрадовался, увидев, что моя настойчивость возымела эффект. Она взглянула на часы и кивнула.

– Что ж, Роберт, настал *ваш* час.

– Что вы хотите сказать? – спросил я с раздражением.

К моему изумлению, она подалась вперед, схватила меня за галстук и, прежде чем я успел понять, что происходит, притянула мое лицо к своему.

Мы поцеловались. Но это было не похоже на тот нежный поцелуй, которым мы обменялись с Честити Мэннингтри в беседке на свадьбе моего кузена этим летом. Этот поцелуй не был взаимным.

Она положила вторую руку мне на затылок и прижалась своим лицом к моему с такой силой и страстью, каких я не ожидал от женщины.

Я пытался вырваться. Я уверен, что пытался. И все же в ее поцелуе было нечто подавляющее, нечто опьяняющее. Мне казалось, что я падаю с огромной высоты куда-то в затянутую туманом долину далеко внизу.

Не могу сказать, как долго я падал и как долго бы это еще продолжалось, но мое подобное сну падение вдруг прекратилось, и меня будто выхватили из него.

Вместо мягких губ рассказчицы я чувствовал на своих губах что-то совсем другое. Я распахнул глаза. К моему лицу прилепилось чужое, и я вырвался, задыхаясь и кашляя.

– Что это еще такое?! – сбивчиво заговорил я, глядя на мужчину с усами, который только что, кажется, целовал меня. Теперь я видел, что он одет в черный полицейский мундир с латунными пуговицами. Что здесь происходит?

– Джордж спас тебе жизнь, парень, – сказал второй мужчина в такой же форме, – тоже полисмен – которого я только что заметил. – Иначе бы ты точно отдал Богу душу.

Я уставился на них в ужасе и замешательстве.

– Это называется дыхание рот в рот, – пояснил первый полисмен. Я выплюнул волосок от его усов и оглянулся: на меня нахлынули звуки и запахи этого места.

Я был так сбит с толку, что подумал, не умер ли я и не попал ли в ад. И, если так, я хотел бы, чтобы мне предоставили побольше возможностей нагрешить, поскольку подобный приговор, несомненно, слишком суров для того, кто вел, прямо скажем, жизнь скучную и праведную. Но я не умер. Теперь это было ясно.

Придя в себя, я словно оказался в романе мистера Уэллса «Война миров». Поезд лежал на боку, словно мертвое животное, разбитый и искореженный, сломанный, зияющий пробоинами. Вокруг все кричали и звали на помощь.

С ужасным скрежетом металла обломки поезда растаскивали и волокли в стороны. Повсюду раздавался оглушительный лязг и грохот, звон бьющегося стекла, треск дерева.

Моим глазам потребовалось время, чтобы привыкнуть к темноте, ведь солнце уже скрылось за холмом, в котором был прорыт тоннель, и хотя на западе виднелся какой-то свет, он был слабым и зловещим. Фонари и факелы мелькали тут и там среди мрака и хаоса словно светляки.

– Ничего не понимаю, – сказал я сухим надтреснутым голосом.

– Поезд потерпел крушение, сынок, – сказал один из полисменов. – Страшное крушение. Тебе повезло.

Мне не казалось, что мне особенно повезло. Вдруг я вспомнил о своих попутчиках и попытался сесть, но поморщился от боли и, тяжело дыша, снова опустился на землю.

– Там были и другие пассажиры, – прошептал я. – В моем купе.

Полисмены переглянулись.

– Была женщина в белом, священник, а еще...

Один из них подался вперед и похлопал меня по плечу.

– Как я и сказал, – вздохнул он. – Тебе повезло.

Я переводил взгляд то на одного, то на другого, то на окружающие нас хаос и разруху. Даже все еще находясь в замешательстве, я понял, что они хотят сказать, но не мог до конца этому поверить. Неужели никто из моих попутчиков не выжил?

– Как бы там ни было, твоя мать будет счастлива тебя увидеть, – сказал один из полисменов. – Она уже там, ждет, пока...

– Она не моя... – начал было я, но не смог договорить.

– Что-что, сынок?

– Ничего.

И вот что странно: в то мгновение мне больше всего хотелось увидеть знакомое лицо. Мне не стыдно признаться, что на глазах у меня выступили слезы. Первый полисмен положил руку мне на плечо, утешая.

– Она с ума сходит от беспокойства. Мы никого сюда не пускаем, но с тобой, кажется, все в порядке. Думаю, скоро мы сможем отвести тебя к ней.

Я уже начал понимать, что происходит в темноте вокруг. Повсюду сновали спасатели, которых время от времени скрывал из виду плывущий в воздухе дым. Раненые всхлипывали. Какая-то женщина билась в истерике. Пахло чем-то едким. У въезда в тоннель, недра которого казались еще более темными, горело небольшое пламя.

Но именно в свете этого пламени я увидел ее: женщину из моего купе, Женщину в белом, ту самую рассказчицу. Я ахнул и улыбнулся.

Невероятно, подумал я, что ей удалось пережить крушение и не просто остаться невредимой, но даже не запачкаться. Ее белые одежды без единого пятнышка резко выделялись на фоне черноты. Просто чудо.

Я обрадовался, увидев рядом с ней остальных пассажиров нашего купе: Майора, Фермера, Епископа и Хирурга. Кажется, они тоже не пострадали. Рядом с ней столпились и другие, но их я не знал.

Полисмен, очевидно, ошибся, чему я был очень рад. Они стояли поодаль – разумеется, чтобы не мешать оказывать помощь раненым. Я вовсе не единственный из нас, кто выжил. Более того, из-за злосчастной превратности судьбы я один, кажется, отделался не так легко.

И тут, отведя взгляд, я увидел, как мимо меня тащат носилки, поднимая их на насыпь вверх по зигзагообразной тропинке, но санитары, не найдя надежной опоры, вдруг забуксовали. Тело, которое они несли, принадлежало жертве крушения, голова была накрыта одеялом. Когда один из санитаров поскользнулся, соскользнуло и одеяло, и лицо мертвого оказалось в нескольких дюймах от моего.

Оно было ужасно изранено и избито, но среди крови и синяков я сумел различить черты Майора. И в то же время он каким-то образом стоял, невредимый, у въезда в тоннель.

Сердце у меня схватило от жуткой боли, я охнул и обмяк. Женщина в белом стремительно направилась ко мне, двигаясь рывками со страшной скоростью. Нас разделяло пламя, но его жаркое марево не могло объяснить странных размытых контуров ее приближающейся фигуры. Она протянула ко мне руку, и только ее цепкие пальцы я видел ясно и четко.

Вдруг в мои легкие ворвался воздух и вдохнул в мои конечности жизнь, и рука Женщины в белом повисла вдоль ее тела. С мерцающим, искаженным лицом она смотрела на меня еще мгновение, а затем отступила обратно к тоннелю так же странно и порывисто, как приблизилась. Как могло ее лицо казаться мне прекрасным?

Теперь мне все было ясно. Тянувшаяся ко мне цепкая рука пробудила давно спящее воспоминание. Это та таинственная женщина, которую я видел на берегу реки несколько лет назад, когда едва не утонул.

Но она вовсе не ангел-хранитель. Она не пыталась помочь мне, нет. Она хотела забрать мою жизнь, как забрала жизни моих попутчиков.

Это ее я никак не мог разглядеть в образах из рассказов. Это она таилась у тел всех тех, кто был лишен жизни так жестоко. Она всегда была рядом, выжидая.

Санитары подняли меня, и я увидел, что она присоединилась к остальным. Она улыбнулась мне, а затем снова повернулась ко мне спиной и повела мертвых в ужасный, необъятный и бесконечный мрак тоннеля.

ПРОЧИТАЙ
(если осмелишься перевернуть страницу)
ЕЩЕ ПАРУ ПУГАЮЩИХ ДО ДРОЖИ ИСТОРИЙ

Лекарство для отдыха

Думаю, после той ужасной катастрофы я стал мудрее и лучше, чем тот юноша, которым я был, когда садился в тот поезд.

Мои травмы – по крайней мере, травмы физические – были незначительны. Однако у меня развилось нервное расстройство, и некоторое время я провел в мрачном учреждении для больных различными душевными недугами. Я его возненавидел. Я понял, что мне там не место, когда однажды в саду рядом со мной присел несчастный, который отравил собственных детей.

Я был так рад воссоединиться с мачехой! Мне не стыдно признаться, что я разрешил ей поцеловать себя как маленького ребенка и что я, как маленький ребенок, навзрыд плакал. Я радовался спасению, стыдился того, как обращался с этой ни в чем не повинной женщиной, и испытывал еще множество разных чувств.

Дедушка согласился, что мне лучше будет пожить некоторое время с мачехой, так как я еще не оправился, чтобы ехать в школу. Он сказал, что мне нужно выздороветь, и хотя я думал, что проведу это время с ним, меня воодушевила возможность лучше узнать мачеху. У меня явственно сложилось впечатление, что дедушке не хотелось отягощать себя моим присутствием.

Как бы там ни было, у мачехи уже созрел план. Она рассказала мне, что унаследовала небольшой сельский дом, в котором выросла. Она не смогла с ним расстаться и сдавала его в аренду. Однако жильцы недавно съехали, и теперь дом пустовал.

Мачеха посчитала, что этот дом в тихой сельской местности Кембриджшира прекрасно подойдет для моего восстановления. Я обрадованно с ней согласился.

Так я оказался в другом поезде. Мачеха хотела найти другой способ передвижения, но я считаю, что уж если ты упал с лошади, лучше как можно скорее снова начать ездить верхом. Мне казалось, что если я не сяду в вагон в самое ближайшее время, то не сяду уже никогда.

Пожалуй, для меня не было ничего труднее, чем ступить в вагон. Купе до ужаса напоминало то, в котором я сидел с Женщиной в белом.

Никогда бы не подумал, что такое возможно, но тот факт, что теперь на ее месте сидела мачеха, кажется, подействовал на меня благотворно. Боль и страх притупились.

К слову, меня особенно обнадежило, что у нас на пути нет тоннелей. К ним я еще не был готов. Думаю, я впал бы в панику. Я в этом даже уверен. Совершенно уверен.

Погода стояла приятная, хотя и холодная. Чем ближе мы подъезжали к Кембриджу, тем шире и привольней становился пейзаж, и это сказалось на моем настроении. Еще нельзя было утверждать, что я счастлив, но на душе у меня полегчало.

В Кембридже мы пересели на другую ветку и продолжили путешествие. Кажется, мы были единственными пассажирами во всем вагоне, но мачеха уверила меня, что летом поезд набит битком. Представить это было сложно.

Через некоторое время мы сошли на небольшой станции и, пройдя пешком милю или около того, добрались до принадлежащего мачехе дома. На улице было свежо, и как же приятно было обнаружить, что экономка, жившая неподалеку, уже разожгла во всех очагах огонь. Она исполняла также роль кухарки и подала нам на ужин сытное жаркое и яблочный пирог. Кажется, так плотно я не ел никогда в жизни.

Мы переместились в гостиную поближе к камину, и экономка заглянула к нам сообщить, что уходит. Утром придет ее дочь, чтобы снова разжечь огонь и приготовить нам завтрак.

Час был довольно ранний, но уже стемнело. Мы оба устали с дороги, но не настолько, чтобы отправиться в постель.

– Не рассказать ли тебе историю? – спросила мачеха, когда мы сидели, глядя на огонь.

Это предложение меня испугало, учитывая то, что произошло со мной в поезде, но ведь она не могла об этом знать. Хотя мы и сблизились, я ни за что не расскажу о том, что случилось в тот день ни ей, ни кому-либо еще. Мне самому трудно смириться с этим.

– Еще совсем рано, да и камин располагает, не находишь? – добавила она.

– Располагает? Это что, история о привидениях? – спросил я.

– Не совсем. Но все же она довольно необычная. Тебе нравятся рассказы о сверхъестественном, Роберт?

Во рту у меня вдруг пересохло.

– Раньше нравились.

– Раньше?

– Простите. – Я слабо улыбнулся. Не хотелось поставить под угрозу нашу новообетенную дружбу. – Они и сейчас мне нравятся. Пожалуйста, расскажите вашу историю. Я уверен, что она придется мне по душе.

– Что ж, хорошо. – Она откинулась на спинку виндзорского стула, и тот скрипнул. – Если ты не против...

– Совсем не против, – ответил я.

Голос

Этот рассказ о девочке – назовем ее Дорой – которая, к большому сожалению, в нежном возрасте тринадцати лет осталась без матери.

Дора была очень близка с матерью: та была молода и обладала нравом юной девушки. Они скорее походили на сестер.

Обе любили ездить верхом и делали это весьма умело, но даже самый опытный наездник может упасть с лошади. Однажды, когда они скакали легким галопом по тропинке у реки, мать Доры вылетела из седла и получила необратимые повреждения внутренних органов. Она умерла, одурманенная морфием, после нескольких дней агонии. С тех пор Дора перестала ездить верхом, и стоило ей увидеть лошадь, как она начинала безутешно плакать.

Отец Доры решил, что им лучше оставить дом, который хранит так много воспоминаний. Доре очень хотелось остаться там навсегда, но она знала, что это невозможно. Отец устроил так, чтобы дом сдали в аренду.

Он делал все возможное, чтобы утешить дочь, но никогда не понимал, как можно ездить верхом ради удовольствия, и после несчастного случая только утвердился в своем мнении. По правде говоря, детская безрассудность жены с каждым годом раздражала его все больше, и он не мог скорбеть так сильно, как, по его мнению, был должен.

В сущности, он был хорошим человеком, и эта неспособность горевать как следует мучила его довольно сильно. Единственной, кто понимал его чувства, была вдова, жившая неподалеку. Однажды она призналась, что не испытала должной печали, когда ее муж случайно прострелил себе шею, чистя дробовик.

Все соседи были в ужасе, а Дора – в горьком унынии и гнев, когда ее отец и вдова поженились меньше чем через год со дня смерти матери Доры.

Дора выказывала к самозванке то холодное равнодушие, то откровенную враждебность. Сперва ее отца это, кажется, не смущало, но по прошествии времени из-за некоего подспудного чувства вины и угрызений совести он стал искать одобрения дочери еще больше.

Хотя в ее постоянных ссорах с мачехой он нередко принимал сторону Доры, его жена всегда находила способ повлиять на него, как только они оставались наедине, и в конце концов отец бочком подходил к Доре и просил ее быть к мачехе добрее – ради него.

Недели превращались в месяцы. Мнение Доры насчет ее мачехи не изменилось и уж точно не улучшилось, но ей все меньше и меньше хотелось сердить ее. Ей вообще все меньше и меньше хотелось о ней думать.

Эта отстраненность сохранялась до тех пор, пока однажды Дора не уступила уговорам и не согласилась пойти вместе с отцом и мачехой на прогулку в одно из живописных местечек неподалеку от дома.

Стоило немного проехать в коляске, и вы оказывались в долине, один край которой резко поднимался вверх. Ведущая через лес тропинка взбиралась по краю обрыва наверх, и по пути можно было полюбоваться великолепными сельскими видами.

На вершине холма часто устраивали пикники, но на этот раз дело было в октябре, и хотя утро выдалось погожее, без шарфа и перчаток становилось зябко.

Не самая дружная троица пустилась в путь. Обстановку нельзя было назвать оживленной, но, учитывая обстоятельства, она могла считаться достаточно теплой. Отец Доры пребывал в особенно приподнятом настроении.

Когда они подошли к окруженной деревьями тропинке, отец Доры прошел через калитку-вертушку и оглянулся, поджидая жену. К большому смущению Доры, прежде чем отец пропустил ее через калитку, они картинно поцеловались.

Дора не сдержалась и вздохнула чуть громче, чем намеревалась. Отец с мачехой обернулись, чтобы посмотреть на нее, и лица у обоих померкли. И тут Дора услышала в голове голос. «Довольно, – сказал он. – Пора от нее избавиться».

Дора поразилась тону этого голоса. Не то чтобы она ни разу об этом не думала, но с такой беззастенчивой злобой – никогда.

«Подожди, пока дойдем до вершины, – продолжал голос. – Останется только чуть-чуть ее подтолкнуть. Только и всего».

Дыхание у Доры участилось, сердце забилося быстрее. Отец с мачехой продолжали идти по тропинке, ведущей к подножию холма. Тропинка начала подниматься вверх, и вскоре они затерялись среди дубов и орешника.

«Не отставай, – сказал голос. – Держись рядом».

Подъем местами был крутой, а Доре жали ботинки. Она намеревалась хотя бы выглядеть элегантнее мачехи, но теперь жалела, что выбрала такую непрактичную обувь.

Доре всегда нравилось гулять здесь – это было любимое место ее матери, – но теперь эти воспоминания по большей части лишали прогулку удовольствия. Она скучала по своей бедной матери. Как бы ей хотелось, чтобы здесь была она, а не...

«Убей ее, – подначивал голос. – Она все отравляет. Ты не будешь счастлива, пока не избавишься от нее».

Мимо прошла компания молодых людей. Они были весьма оживлены, один из них подмигнул Доре, и она, смутившись, споткнулась. В тишине леса их голоса звучали очень громко, но через мгновение они ушли, и вскоре снова воцарилась тишина.

Тропинка стала круче. Лес начал редеть, а в пространстве между деревьями теснились покрытые мхом валуны. Шагать теперь приходилось в основном по камням, отполированным бесчисленным количеством ног.

«Осталось недолго, – сказал голос. – Скоро все будет кончено».

На мгновение мачеха остановилась поправить шляпу, и Дора, догнав ее, встала рядом. Мачеха обернулась и улыбнулась ей, и Дора надеялась, что ее ответная улыбка не выдавала ее истинных чувств, потому как никогда еще она не чувствовала такой ненависти, какую испытывала сейчас к этой женщине.

«Только посмотри на нее, – сказал голос. – Что за самодовольная ухмылка! С этим надо покончить. Покончить!»

Дора взглянула на отца, и он тоже улыбнулся ей, очевидно, довольный, что они с мачехой стоят рядом. Вспомнив о голосе у себя в голове, она покраснела. Если бы отец слышал эти слова, что бы он тогда подумал?

«Момент подходящий, – сказал голос. – Если все сделать как следует, он подумает, что произошел несчастный случай. Но действовать нужно быстро. Чуть подтолкнуть – и конец».

Мачеха снова ей улыбнулась, но Дора не выдержала ее взгляда. Она обернулась на лес, а когда снова взглянула на мачеху, та уже стояла на каменистом выступе, осматривая долину. Отец ушел чуть вперед. Они уже приближались к вершине. Скоро они выйдут из-под покрова леса.

С севера подул легкий бриз, принеся с собой крупинки снега. Они осели на руках и лице Доры, и та вздрогнула всем телом.

«Сейчас! – скомандовал голос. – Пока он отвернулся и никого больше нет. Давай!»

Дора подошла к краю обрыва и встала рядом с мачехой.

«Давай!»

Этот миг настал. Дора словно стояла подле самой себя и наблюдала со стороны. Затем она решительно шагнула назад и увидела, как мачеха со злобой бросается к тому месту, которое Дора только что освободила.

Выражение свирепой решимости на лице мачехи сменилось ужасом, когда перед собой она схватила только пустой воздух, слишком поздно осознав, что теперь ничто и никто не удержит ее от стремительного падения в пропасть.

Отец повернулся на крик жены как раз вовремя, чтобы увидеть, как она сорвалась с края обрыва и исчезла, упав в долину. С тошнотворным глухим звуком она ударилась о камни, и Дора наблюдала, как, отскочив от них, словно кукла, мачеха упала на ветки растущего внизу дерева. Там ее и нашли: шея вывернута под невообразимым углом, снежинки оседают на бледно-голубых глазах.

В тот день Дора открыла в себе дар. Иногда в своей голове она слышала чужие мысли, будто свои собственные.

Однако это было только начало. Ей предстояло узнать, что иногда ей, как во сне, открываются картины далеких событий или даже само будущее.

Так что Дора неприятно поразилась, но не удивилась тому, что спустя год отец нашел очередную жену. К счастью, новая мачеха понравилась ей куда больше. Она оказалась спокойной и доброй, не пыталась полностью завладеть отцом и, насколько могла судить Дора, не имела совершенно никаких кровожадных мыслей.

* * *

Мачеха кончила рассказ и взглянула на меня: ее глаза блестели, сообщив мне ответ на вопрос, который я собирался задать.

– Эта история о вас, не так ли? Дора – это вы.

– Это мое второе имя, так и есть, – улыбнулась она. – Но, пожалуй, лучше будем считать мой рассказ всего лишь вымыслом. В конце концов, он слишком фантастический, чтобы быть правдой, верно?

Некоторое время назад я бы согласился и посчитал эту историю всего лишь плодом прихотливого воображения моей мачехи. Но с тех пор я стал мудрее.

Мачеха встала и медленно подошла к одному из больших окон. Оно выходило на террасу, и из него открывался вид на кустарники и дальше – на отлогую лужайку и живую изгородь по бокам от тропинки, которая тянулась между деревней и церковью.

Она, кажется, так погрузилась в свои мысли, что я поднялся со стула и уже хотел уйти, как она вдруг заговорила.

– Вот опять он идет, – сказала она.

– Прошу прощения?

Она не ответила, и я тоже подошел к окну и встал рядом с ней. По тропинке шел мальчик примерно моих лет.

– Его зовут Эдгар, – сказала мачеха. – Я знакома с его матерью – кошмарная женщина. Он идет в Питиз-энд.

– Питиз-энд?

– Да, – ответила мачеха. – Это вон там, за лесом. Раньше это была школа, ты знаешь? Там учился твой дедушка.

Я прищурился, глядя вдаль.

– Та самая школа, где...

– Да, – перебила она. – Там произошло ужасное несчастье... Дедушка тебе рассказывал?

– Немного. Но потом, когда я был в том поезде, я увидел... Мне приснилось... В общем, мне показалось, что я был в этой школе. Что я все видел.

Мальчик скрылся из виду, и я рассказал мачехе о своем видении: о сцене в спальне, о том, как обижали мальчика и что дедушка в этом участвовал. Она вздохнула.

– Возможно, и у тебя есть дар, – сказала она, когда я кончил.

Я покачал головой.

– Я не хочу никакого дара.

Мачеха засмеялась.

– Боюсь, мой дорогой мальчик, дар либо есть, либо нет, и ничего с этим не поделаешь.

Думая о дедушке и его школе, я выглянул в окно. Снег повалил большими пушистыми хлопьями. Порыв ветра кружил их в шальном вихре, пока очертания сада не растворились, скрывшись за белой завесой.

– Но эта школа еще существует? – спросил я.

– О нет, – ответила мачеха. – Директор превратил ее в жилой дом уже много лет назад, после того как родители забрали оттуда всех детей.

– А мальчик, которого мы видели? Он там живет?

– Видишь ли, в этом и странность. Однажды я спросила его, куда он идет, и он ответил, что навещает своего дядюшку Монтегю.

– Монтегю? Того самого Монтегю, который был директором? Получается, он все еще живет там?

– В том-то и дело. Дом пустует много лет. Питиз-энд уже очень ветхий.

Снежный вихрь носился вокруг нас с головокружительной скоростью. Мы словно находились внутри снежного шара, который встряхнула чья-то огромная незримая рука.

Мир снаружи был совсем белым: чистым, как лист бумаги, на котором еще только предстоит написать первые слова новой истории...